

В. АРИНИН

ТЕНЬ ГЕНЕРАЛИССИМУСА

Документальная повесть

М. КУЗНЕЦОВ

ПРОИЗВОЛ

Записки репрессированного

66.61(2)8
А81

Художник А. Копенн

ISBN 5-85560-259-1

© Северо-Западное книжное
издательство, 1991

В. АРИНИН

ТЕНЬ ГЕНЕРАЛИССИМУСА

Документальная повесть

Уничтожьте в человечестве веру
в свое бессмертие, в нем тотчас же
иссякнет не только любовь, но и
всякая живая сила... все будет позволено...

Ф. М. Достоевский.

ОТ АВТОРА

В создании этой книги приняли участие и в определенной мере являются моими соавторами:

Л. С. Осташева, Л. М. Окунева, М. В. Базова, В. В. Сизов, А. Виноградов, А. П. Юров, В. Е. Величутин, И. А. Нзвожилов, А. А. Дементьев, С. В. Борисов, П. К. Малков, Ю. Ф. Дмитриевский, Н. П. Дмитриев, И. И. Евстафьев и другие вологжане, рассказавшие о событиях на Вологодчине периода культа личности Сталина.

ПОЕЗДА

Вместо предисловия

...И до сих пор мне снятся эти поезда.

Я — мальчик, живу на маленькой станции. Как и все дети той далекой послевоенной поры, я часто повторяю крылатую фразу: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство...»

Детство у меня, как и у всех других ребят, полуголодное: мы после уроков постоянно стоим в очередях за хлебом, крупой, какими-то еще скудными продуктами. У меня есть мечта: один раз досыта наесться белым хлебом. Белый хлеб — лакомство. Но мы тем не менее верим, что у нас счастливое детство. Об этом нам постоянно говорят в школе, пишут газеты.

Правда, я краем уха слышал — на востоке, за нашей станцией, есть какие-то лагеря, поселения... Это мне непонятно. Но вот поезда, состоящие из теплушек, на окнах — решетки, я вижу почти каждый день. Движущиеся тюрьмы.

Насколько я теперь понимаю, наша станция была одной из этапных. В больших городах такие поезда никогда не стояли. А на нашей станции Абдулино они останавливались, здесь проводилась проверка, выдавалась еда, по теплушкам разносился кипяток.

Вот прибывший состав останавливается. Поочередно к каждой теплушке подходит конвой, несколько солдат с автоматами и овчарками. Распахиваются двери. Конвой поднимает автоматы, и в переполненном чреве теплушки открывается спертое человеческое месиво. Клубок тел — мужчины, женщины, старики, иногда дети. Начинается проверка... Кто эти люди? Что они совершили?

Мы, взрослые и дети, смотрим молча на все это.

Я ничего не понимаю. И взрослые мне ничего не могут ответить. Происходит что-то чудовищное и потому непонятное.

А ведь с автоматами в руках — это наши советские солдаты. Как и все мальчишки, я горжусь советскими солдатами. Все вокруг постоянно — и дома, и в школе, везде — еще говорят о великой прошедшей войне. О великой Победе. Все гордятся нашей славной армией. И живут надеждами. Даже мы, дети, чувствуем, какой подъем царит вокруг. Столько перенесено, столько пережито. И взрослые, и дети ждут перемен, верят в завтрашний день. Но что же происходит?

Пройдет немало времени, прежде чем из доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии я узнаю, что тогда происходило на нашей маленькой станции, что тогда происходило во всей великой нашей стране, на которую пала тень генералиссимуса И. В. Сталина. И эта тень коснулась каждого из нас.

И вот прошли еще три десятилетия. И имя Сталина в конце восьмидесятых опять потрясло страну...

Приблизительно с начала 1988 года в прессе возникла мощная антисталинская кампания. В обществе ее восприняли как знак действительно серьезных перемен. Сначала эта кампания шла осторожно, с оглядкой (страх, внушенный десятилетиями, помимо воли силен), но постепенно усиливалась, не ограничиваясь только разоблачениями репрессий, все более и более затрагивала и открывала ранее запретные темы. И это было как обвал, обрушившийся на умы и души.

Я начал писать свое повествование именно в то время — в начале 1988 года. Разумеется, мне, провинциальному автору со своими публикациями в местной прессе, трудно было соперничать с теми, кто выступал в центральных изданиях, располагал редкими документами. И более того, невозможно было «успеть» за этим мощным потоком сначала газетно-журнальных публикаций, а затем уже и книг.

Общественная и психологическая ситуация в стране в 1988—1989 годах менялась с огромной быстротой. В печати появились работы Д. Волкогонова, Р. Медведева, А. Ципко, Р. Конквеста и других авторов. Были напечатаны выдающиеся антитоталитаристские художественные произведения: «Мы» Замятина, «1984» Оруэлла, «Слепящая тема» Кестлера, «Мнимые величины» Нарокова и другие. И наконец, что казалось почти не-

вероятным, «Архипелаг ГУЛАГ». Еще недавно за хранение «Архипелага ГУЛАГа», тем более за его «распространение» (просто дал кому-то почитать) давали срок...

В 1988 году в печати появились и первые публикации из знаменитых «Колымских рассказов» Варлама Шаламова, имя которого до этого на своей родине, в Вологде, было совершенно неизвестно.

1988—1989 годы стали переломными в сознании людей. Мы все тому свидетели и участники. На наших глазах, при нашем участии творилась история. Острая борьба в 1988—1989 годах вокруг имени Сталина означала выбор будущего, и отсюда — столкновение двух противоположных точек зрения: авторитарной и демократической.

Борьба эта имела свои приливы и отливы. Массовый читатель сначала поглощал разоблачительные антисталинские материалы взахлеб, поражался тому, что узнавал, говорил об этом бесконечно. Но наступил «отлив»: люди устали, им все это приелось, и зазвучали уже протестующие голоса — хватит, надоело. По-человечески это понять можно.

И кажется, что можно написать после «Архипелага ГУЛАГа»? Но как неповторима любая индивидуальная жизнь, невинно погубленная беспощадным строем, так может быть неповторимо и индивидуально раскрытие темы сталинщины в ее бесчисленных преломлениях.

Заговорили и взялись за перо многие: и те, кто непосредственно пережил сталинские репрессии, и те, кто не пережил их лично, но, движимый возмущенным нравственным чувством, не мог оставаться в стороне. Я писал в меру сил свой вологодский «Архипелаг ГУЛАГ», надеясь, что наши «ГУЛАГи», слившись с солженицынским творением, как ручьи с великой рекой, создадут единую картину трагедии и исповедь о пережитом.

Наш долг — по крохам, по кусочкам воссоздать историю народного горя. И не только воссоздать. Именно теперь, когда схлынули эмоции, поутихли споры, пришла пора осознания. После «Архипелага ГУЛАГа» следует уже не разоблачать (это сделано), а осознать, что же это было со всеми нами и с каждым из нас. Как могло случиться, что мы оказались представителями той эпохи, которая, как предупреждал Достоевский, отказалась от бессмертия, осуществив принцип «все дозволено».

А тем, кто сегодня говорит: «Хватит о Сталине — надоело», я могу ответить так: «Может быть, вам лично

это и надоело, может быть... Но стране это надоест не может». Сталинщина — такая же глобальная тема нашей истории, как Отечественная война, как революция... И об этом будут писать постоянно и на разных уровнях — и мировых, и национальных, и местных. Это — вечная тема, имеющая самое непосредственное отношение к глубинам человеческой психологии. Ведь сталинщина реально проявила такое «подполье» души человека, которое не мог представить даже Достоевский. Об этом писал Шаламов, справедливо полагая, что после сталинизма и гитлеризма жить и писать, как прежде, уже нельзя. Нельзя вычеркнуть из памяти трагическую судьбу миллионов людей. И я считаю долгом, насколько на то хватит способностей, сказать свое слово о Сталине и о сталинщине, используя вологодский материал.

* * *

То, что Сталин был в Вологде, на мой взгляд, заслуживает особого рассказа. Тем более, что молодежь еще недавно почти ничего не знала об этом. «Как, — удивлялись многие в разговоре со мной, — разве Сталин был в Вологде? Не может быть...»

Правда, люди старшего поколения так говорить не могли. Но и их представления о вологодской ссылке Сталина были неполны, путаны и противоречивы.

В своем рассказе я стремлюсь быть строгим документалистом, ничего не выдумываю и не додумываю. А в тех случаях, когда пересказываю некоторые устные рассказы, версии, легенды, то специально это оговариваю. В основе моего повествования — документы. Конечно, они нередко неполны, а иногда даже противоречат друг другу. Но каждый из них — свидетельство времени.

Второй главный мой источник (когда речь пойдет уже о сталинщине) — воспоминания очевидцев событий тридцатых—пятидесятых годов. Понимаю, что воспоминания менее надежный источник, чем документы. И проверить их подчас невозможно... Но я шел путем сопоставлений, считая, что если отдельный автор может ошибиться, то многие, не знающие друг друга люди, все вместе ошибиться не могут. Некоторые главы этой повести — по существу коллективный труд. Воспоминания почти двух десятков лиц, приведенные мною порой фрагментарно, а иногда подробно, в целом, на мой взгляд, создают правдивую картину. И исповеди этих людей

сливаются с моей личной исповедью о том, как я, наивный, веровавший в ложные идеалы человек, пережил глубинный перелом и превратился в антисталиниста. И это тоже, как говорил Шаламов, «документ души» и документ времени.

А что было первым толчком для этого перелома? Пожалуй, виденные мной в детстве поезда.

...Выносят из теплушек умерших, лают овчарки, на сгрудившихся возле дверей людей нацелены автоматы. Сострадание к этим несчастным заполняет мое детское сердце, и я начинаю плакать.

До сих пор снятся мне эти поезда...

Глава 1 «ДОМ СТАЛИНА»

Мне кажется, что этот дом на улице М. Ульяновой (ранее Осовиахима) хранит память о своем давнем квартиранте. Рядом — парадное, самое высокое в Вологде административное здание, памятник эпохи застоя. На его белобетонном (под мрамор) фоне «дом Сталина» кажется особенно приземистым, почерневшим от времени.

Существует какая-то неуловимая связь между людьми, предметами и событиями. Может, это только воображение? И тем не менее взгляните в этот старый дом, особенно в вечернюю пору, в сумерках. Обойдите его, всмотритесь в окно на втором этаже между крыльями флигелей — и что-то мрачное так и пахнет на вас.

Здесь жил Сталин. И здесь впоследствии был создан Дом-музей Сталина, просуществовавший до 1956 года. После XX съезда партии он был преобразован в Дом-музей революционной деятельности большевиков в вологодской ссылке, а затем и совсем закрыт. Фонды его переданы в областной краеведческий музей и Дом-музей М. И. Ульяновой. Там они хранятся и сейчас. А здание перешло обществу охраны памятников истории и культуры. Комнатка, которую снимал Сталин и в которой позднее были выставлены кровать, стол, стулья, лампа, якобы находившиеся здесь при нем (разумеется, они только выдавались за подлинные, но таковыми не являлись), ныне используется под склад.

«ОСТАНОВИТЬСЯ НА г. ВОЛОГДЕ»

Сталин был в ссылке в вологодской губернии трижды, в 1909—1912 годах. Этому предшествовали следующие события...

25 марта 1908 года охранка в Баку за подпольную революционную деятельность арестовала его и заключила в Баилловскую тюрьму. Об этом впоследствии, в сталинскую эпоху, будут писать много. Приведу для примера статью Н. Анисимова «И. В. Сталин в годы сольвычегодской и вологодской ссылок»*. Любопытно, что автор ссылается на воспоминания эмигранта С. Верещака и пишет: «С. Верещак, потом ставший белогвардейцем и эмигрантом, в своих воспоминаниях, опубликованных в парижской эмигрантской газете «Дни» в номерах за 22 и 24 января 1928, рассказывает: «Однажды в камере появился новичок... мне таинственно сообщили: «Это Коба». Он был в синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой... Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим».

С. Верещак приводит такой факт: «На первый день Пасхи 1-я рота Самянского полка пропускала через строй, избивая весь политический корпус. Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руке». Трудно представить подобное: под ударами прикладов и с книжкой! Начинаешь подозревать, не фальсифицированы ли воспоминания.

В других воспоминаниях этот случай не упоминается. Но и судя по ним, в тюрьме Сталин играл роль лидера: делал доклады по политическим вопросам, устраивал дискуссии, в тюремных условиях им было написано несколько статей, которые печатались в газетах «Бакинский рабочий» и «Гудок».

Вообразим невероятное: попади И. В. Сталин в ежовскую или бериевскую тюрьму, он не имел бы, как каждому ясно, возможности ни устраивать дискуссии, ни готовить материалы в газету. Он вообще не имел бы никаких возможностей.

[..После восьми месяцев заключения Сталин отправляется по этапу в Вологодскую губернию. Путь в ссылку по этапу, безусловно, непростое путешествие.] Сталин был «скован ручными кандалами с одним товарищем»

---

* Историк-марксист. 1940. № 9.

(так вспоминал один из старых революционеров, но почему-то не указывал, с кем был скован будущий вождь).

[В январе 1909 года этап добрался до Вологды. И Сталин оказался в вологодской тюрьме.] Можно представить, что для Сталина это было трудное время: он — под арестом, болен. К тому же южанин — на севере, в непривычном климате...

[Из вологодской тюрьмы его отправили в далекий глухой Сольвычегодск, входивший тогда в Вологодскую губернию и насчитывавший всего две тысячи населения. Но здесь была крупная по тем временам колония ссыльных: примерно два десятка человек.

Сталин поселился на окраине города. Но долго пребывать здесь, как выяснилось, был не намерен. В июне 1909 года он бежит из Сольвычегодска, добирается до Баку и, как и прежде, активно ведет там подпольную работу.]

[В марте 1910 года Сталин вновь арестован. Его возвращают на Север, он снова оказывается в вологодской тюрьме.] А затем знакомая дорога в Сольвычегодск. Вот такие большие маршруты, большие жандармские хлопоты, и никаких особых последствий: просто вернули в тот же Сольвычегодск.

В то время он еще не называется этим именем — Сталин. Он — Джугашвили. Партийные его клички — Иванович, Сосо, Коба.

М. Кузакова, его сольвычегодская хозяйка, вспоминала: «Жилец он был аккуратный, вежливый. Пригляделась я к нему — очень у него изнуренный вид... Это и понятно. До того сидел в тюрьме и маялся по этапу... Питался очень скудно».

А исследователь А. Осипов повествовал о сольвычегодской жизни следующим образом:

«Маленький и далекий городок Сольвычегодск. Сюда по распоряжению вологодского генерала-губернатора был вновь водворен товарищ Сталин, когда он прибыл по этапу в Вологодскую губернию осенью 1910 года. Здесь в условиях непрерывных придинок полицейской слежки жил, работал и боролся товарищ Сталин. Полиция ухитрялась из положенных казной на содержание «гласно надзорного Джугашвили» 7 рублей 40 копеек в месяц некоторую часть удерживать в свою пользу.

Этих денег едва хватало на уплату за крохотную комнатуху, на кринку молока в пять стаканов и пару

булок — обычной пищи товарища Сталина на два дня»*.

Вначале Сталин был достаточно активен в Сольвычегодске и революционной деятельности не прекращал. В одном из секретных полицейских документов говорится: «По сведениям агентуры Джугашвили совместно с другими ссыльными... стремился организовать в городе Сольвычегодске с.-д. фракцию, устраивал собрания, на которых читались рефераты и обсуждались политические вопросы. Эти собрания имели своей целью выработать опытных пропагандистов».

Но сам Сталин не удовлетворен своей деятельностью. Сохранилось его письмо учительнице Бобровской, тоже участнице революционного движения, жившей в Харькове. Жандармы это письмо перехватили, скопировали и, благодаря этому, оно дошло до наших дней. Вот выдержки из него: «Пишет вам кавказец Сосо, помните?.. Хотелось бы отбыть срок (легальному больше размаха)... А у нас здесь душно без дела, буквально задыхаюсь». Далее — намек на возможный побег.

Жандармы всполошились. Слежку за Сталиным усилили. Он отбыл «арест при полицейских камерах в течение трех дней».

Но постепенно политическая активность Сталина заканчивается. Наступает словно какой-то перелом. Во всяком случае полиции уже не в чем его упрекнуть. Полицейские подозрения вызываются скорее его прошлым, чем настоящим.

Видимо, Сталина не удовлетворяет деятельность в глухой провинции. Он готов действовать в центре, в гуще событий, но не здесь, в глухомани. К одной из своих статей он делает приписку: «Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно...»

Обыски полиции в комнате Сталина ничего не давали. «В помещении, занимаемом Джугашвили, в комнате с прихожей — ничего противоправительственного не найдено» (из донесения исправника Цивилева).

Новый побег Сталин не предпринял и отбыл срок ссылки без особых происшествий. Теперь, в июле 1911 года, он мог выехать в любой другой город, кроме столиц, где жительство ему было запрещено. Сталин попросился на жительство в Вологду.

---

* Пропагандист. 1940. № 17-18.

Сохранилось его краткое заявление на имя вологодского губернатора.

Сталин пишет: «Пользуясь же представленным мне правом выбора местом жительства любого города Российской империи (за исключением столичных городов и Кавказа), я вынужден остановиться на г. Вологде».

Власти ответили согласием.

«Вологодскому полицеймейстеру. Секретно.

Разрешить окончившему 27-го минувшего июня определенный срок ссылки и гласного надзора полиции в гор. Сольвычегодске и выбывшему оттуда 6-го сего июля в гор. Вологду... Иосифу Виссарионовичу Джугашвили согласно его о том ходатайству, остаться временно на два месяца в гор. Вологде...

Губернатор Шрамченко.

19 июля 1911 г.»

Почему же Сталин выбрал Вологду? Видимо, его привлекала относительная близость города к обеим столицам.

Через много лет о пребывании его здесь газета «Красный Север» (от 21 декабря 1934 года) писала так:

«И. В. Сталин (Джугашвили) прожил в Вологде в общей сложности 117 дней. Он прибыл сюда из Сольвычегодской ссылки 19 июля 1911 года. В течение первых пяти дней товарищ Сталин жил в доме Бобровой на Малой Козленской улице, где проживал в это время ссыльный М. Чернов... С 25 июля, как выясняется из архивных данных, жил в доме Новожилова по Калашной улице. Дом этот не разыскан, возможно, он снесен. С 26 августа тов. Сталин живет в доме Беляевой по Малой Екатерининской улице...»*

Как видим, он часто менял жилье в Вологде. Из всех домов, в которых жил Сталин, сохранился лишь один о нем и шла речь в начале...

Разумеется, вологодская полиция сразу же установила наблюдение за Сталиным. Первое филерское донесение о нем датировано 21 июля 1911 года: «Роста среднего, около 33—35 л., брюнет, небольшая бланже-бородка, продолговатое, со следами натуральной оспы лицо или веснушки, волосы на голове короткие, черные, правильного телосложения, походка ровная, одет в черную

---

* Тексты архивных документов печатаются с сохранением пунктуации и орфографии.

в полоску пару, черная мягкая шляпа. Тип грузина. Кличка ему дана «Кавказец»*.

* * *

Ах, вологодские провинциальные шпики, малограмотные, наивные филеры, знали бы вы, за кем следите! Ведь ваш поднадзорный, в слежке за которым вы позволяли себе иногда недостаточное служебное рвение, этот «тип грузина» через некоторое время будет вознесен несравненно выше государя-императора, а ваши жизни и судьбы превратятся в совершенное ничто по сравнению с его фантазмагорической судьбой.

В архивах я перечитал ваши, господа филеры, безграмотные донесения о «Кавказце» (их сохранилось несколько десятков) и за время своей работы как бы заочно познакомился с вами, господа филеры — Мухин, Шибалов, Ильчуков. Пытался даже представить вашу внешность, ваши усики и котелки (непременные атрибуты царских шпииков в советских фильмах), далее мое воображение не пошло.

В конечном счете, ваши донесения при всей их ненадежности — единственный бытоописательный источник о жизни Сталина в Вологде.

Конечно, порой вы «халтурили» (бывало и такое). Но ведь тому же Ильчукову удалось впоследствии выследить ночной побег Сталина из Вологды. И Ильчуков, и Мухин сразу же взяли на заметку П. А. Чижикова, с которым Сталин вступил в контакт в Вологде.

Вот донесение от 1 августа 1911 года:

«В 8 час. вечера неизвестный человек, который встречался неоднократно с «Кавказцем», был взят из магазина Ишмемятова и проведен в дом № 12. ...Будет дана кличка «Кузнец». Приметы его: роста среднего, шатен, лицо продолговатое, не полное, усы и бороду бреет, но не чисто, лет около 26. Одет: черная рубаха, широкий кожаный пояс, черные брюки на выпуск, соломенная коричневая, с прямыми полями шляпа.

Ильчуков, Мухин».

А вот для примера еще один типичный образчик филерского «творчества».

---

* Вологодский областной государственный архив (ВОГА), ф. 108, оп 1, д. 5256. Все последующие донесения также из материалов этого фонда.

«14 августа 1911 года, с 9 ч. 20 м. утра до 9 ч. 25 м. вечера. В 12 ч. 30 мин. «Кавказец» вышел из своей квартиры и пошел в Александровский сад, к нему через 15 мин. пришел «Кузнец» и пошли в дом Бобровой по М. Козленской ул. (во дворе), где пробыли 50 м., вышли и пошли на Дворянский бульвар, погуляли 30 мин., расстались и проведены в свои квартиры.

В 7 ч. 10 м. вечера «Кавказец» вторично вышел и проведен в дом № 12 Безпалова (во дворе) в квартиру «Кузнеца», через 35 м. «Кавказец» вышел и пошел домой, где и оставлен.

Шибалов, Мухин».

«Проведен» на полицейском жаргоне означает «негласно сопровожден». А упоминаемый в филерском донесении «Кузнец» — это полицейская кличка П. А. Чижикова. С ним Сталин общался более всего.

Впоследствии в одном из жандармских документов указывалось, что Чижиков находится в «непрерывной связи с состоящим под гласным надзором полиции одним из видных работников партии с.-д. крестьянином Тифлисской губернии Иосифом Виссарионовичем Джугашвили». Любопытно, что Сталин здесь назван крестьянином.

А что известно о Чижикове? Немного. Петр Алексеевич Чижиков родом из крестьян Орловской губернии. В молодые годы работал в Луганске. Сослан в Вологодскую губернию за принадлежность к Луганской организации РСДРП. В Вологде служил приказчиком фруктового магазина Ишмятова. Скорее всего у него со Сталиным не было равных, товарищеских отношений, просто Сталин пользовался его услугами.

В 1912 году Чижиков уехал из Вологды. Как сложилась его дальнейшая судьба, точных сведений нет. По одной версии — он вскоре умер, по другой — погиб во время гражданской войны.

Фамилия вологодского знакомого Сталина промелькнула в работе Волкогонова. Речь идет о найденном письме Чижикова Ленину и о приписке на нем, сделанной Сталиным. Вот эти документы:

«В. И. Ленину, через Крупскую, в Краков 7 марта 1912 г. Транспорт литературы около двух пудов привезли. Средств у нас ни копейки. Сообщите куда следует, пусть посылают смену людей или шлют денег...

С товарищеским приветом Чижиков».

Сталин ниже на документе приписал: «Письмо Чж.

жикова — не мое письмо, хотя я и ходил одно время под фамилией Чижикова».

В письме речь идет о каком-то значительном факте, но о нем ничего неизвестно. А приписка Сталина, пожалуй, лишний раз свидетельствует о полном его равнодушии к своему бывшему знакомому.

С кем еще общался Сталин в Вологде? Как говорится в заведенной на него в полиции анкете, «в г. Вологде имел связь с ссыльным Абрамом Исаковичем Ивановичем, Меером Абрамовичем Черновым, Николаем Петровичем Татариновым, мещанами Афроном Бейрохом и Марией Барковой-Гершенович и тесную связь с ссыльным Моисеем Лешевичем, Петром Заславским и невыясненным «Филей»...

Что это за люди? О них ныне ничего неизвестно.

А. Антонов-Овсеенко в книге «Сталин без маски», вышедшей в 1990 году, подробно рассказывает о странной, не вполне понятной истории, связанной с А. И. Иваняном, сосланным в Вологду за участие в социал-демократическом движении в 1910 году. Иванян был отличным математиком, и вологодский генерал-губернатор нанял его в качестве преподавателя для своих детей. За это ссыльному преподавателю платилась крупная сумма, но он раздавал деньги на нужды других ссыльных.

По словам Иваняна, он лично в Вологде Сталина не знал. Напротив, Сталин утверждал, что он знал Иваняна и что тот присвоил 70 рублей, которые якобы были посланы ЦК партии для побега Сталина из Вологды. Такое обвинение он выдвинул в 1926 году, будучи всемогущим генсеком. Иванян был тогда исключен из партии. Группа видных большевиков, находившихся в 1910—1911 годах в вологодской ссылке, выступила в защиту Иваняна, считая, что тот просто оклеветан, что присвоение им 70 рублей «совершенно невозможно». Но это Иваняну не помогло.

В 1936 году Иванян был арестован, сослан в Вологду, затем увезен в Москву и расстрелян. Его судьбу повторили и другие бывшие вологодские политссыльные. Во всем этом виден типичный сталинский почерк.

В Вологодской ссылке Сталин очевидно не находит общего языка с видными деятелями партии, стоит в стороне от их дел.

Так чем же все-таки занимается Сталин в Вологде? Вологодскую жандармерию этот вопрос весьма волнует.

Начальник Вологодского жандармского управления писал в департамент полиции:

«Принимая во внимание, что Джугашвили очень осторожен и вследствие этого наблюдением легко может быть потерян, являлось бы лучшим производством обыска и арест его нынче же в Вологде, ввиду чего и прошу сообщить, не имеется ли в Вашем распоряжении таких данных о Джугашвили, которые могли бы быть предъявлены к нему по возбуждению о нем дела, и не имеется ли препятствий с вашей стороны к обыску...» И с озабоченностью добавил: «...на благоприятные результаты обыска у него в Вологде рассчитывать нельзя, ввиду его крайне конспиративного образа действий».

Итак, Сталин очень осторожен, он не дает полиции малейшего повода для обыска или ареста. Жандармы и хотели бы его арестовать, но не имеют права нарушить закон: Невольно сравниваешь с тем, что будет впоследствии: любой закон станет пустой фикцией для самого Сталина, который создаст мир полного беззакония и произвола. А пока в вологодской ссылке он находится под защитой законов Российской империи.

Но вот в августе 1911 года в Вологду из Москвы поступает важный документ, показывающий поведение Сталина вроде бы в совсем ином свете:

«МВД. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

17 августа 1911 г. № 26099, г. Москва.

В Волог. губ. жанд. управление. Совершенно секретно. Личное.

Согласно имеющихся во вверенном мне отделении повторных и заслуживающих доверия указаний секретной агентуры, в г. Вологде в настоящее время проживает отбывающий или уже отбывший срок административной высылки активный и весьма серьезный деятель Российской социал-демократической рабочей партии, носящий псевдоним «Коба». Названный «Коба» вошел в непосредственное сношение с заграничным партийным центром и ныне получил уже предложение приехать за границу для соответствующего инструктирования и исполнения обязанностей разъездного агента ЦК. Для сношения с названным «Кобой» служит следующий адрес: «Гор. Вологда, магазин Ишмемятова, Петру Алексеевичу Чижикову»; по этому же адресу будут высланы и необходимые для путевых расходов «Кобы» денежные средства. Тожественны ли «Коба» и «Чижиков», уста-

новить не представляется возможным. Сообщая о вышеизложенном на распоряжение Вашего высокоблагородия, прошу в случае выяснения личности «Кобы» сообщить все имеющиеся в Вашем распоряжении о нем сведения и, если представится, его фотографическую карточку».

Московская полиция не знает, «тождественны» ли Коба и Чижиков. Но в целом она знает больше вологодской полиции. По ее сведениям выходит, что Сталин, используя Чижикова, поддерживает связь с заграничным центром партии и, видимо, готовит побег за границу. Но верны ли эти полицейские сведения? Нет ли в них преувеличения? Они, конечно, не могли возникнуть на пустом месте. Указания секретной агентуры были на чем-то основаны. И по документам складывается впечатление, что Сталин действительно готовил побег, но только не за границу, а в Петербург. Таково мое предположение.

Видимо, Сталин считал, что бдительность полиции усypдена и наступил удобный момент...

И он бежит в Петербург (вспомним, что проезд в столицу ему был запрещен). Произошло это 6 сентября 1911 года.

Вот что доносил об этом вологодский филер Ильчуков:

«Кавказец» проживает в доме Беляевой на Екатерининской улице. В 3 часа 45 минут «Кавказец» пришел на вокзал с вещами — небольшой чемодан и узел с постельной принадлежностью — и вошел в вагон III класса в поезд № 3, отходящий на С.-Петербург, оставил означенный багаж в вагоне, а сам вышел на платформу. Тут же подошел к «Кавказцу» «Кузнец». Перед отходом поезда «Кузнец» простился с «Кавказцем» и ушел с платформы по направлению в город, а «Кавказец» с означенным поездом выехал в Петербург. На станции Чебсара во время остановки поезда «Кавказец» выходил из вагона с неизвестным мужчиной, на станции Череповец тоже выходил из вагона с тем же неизвестным. По приходе поезда в г. С.-Петербург «Кавказец» и неизвестный были переданы для дальнейшего наблюдения петербургскому филеру Полудеткину».

Так будущий генералиссимус под наблюдением вологодского шпика доехал до Петербурга.

Побег оказался неудачным. Жандармы шли по следу «Кавказца». Ему грозил новый арест .

СНОВА В ВОЛОГДЕ, СНОВА ПОБЕГ

Вологда, 25 декабря 1911 года. Что происходило в этот день в нашем городе? Обратимся к газете «Вологодский листок».

Наступил канун Рождества, и газета пишет:

«С завтрашнего дня Вологда вступает в сезон святочных развлечений. Последними пестрят афиши и объявления. Приняты все меры к тому, чтобы скучающий и страдающий «будничной» ипохондрией обыватель провел весело и приятно время святок. Доминирующее место среди развлечений занимают танцевальные номера. В Вологде танцевать любят, танцуют с увлечением, до упаду и не только ногами, но одновременно и сердцем...» Потому в залах Дворянского собрания бал с ужином в час ночи, а в обществе приказчиков три вечера подряд маскарад. Развлечений немало: в Вологду приезжают известные артисты из Москвы и Петербурга, прибывает «первый в России» автор и творец «монопольно-кино-поющих картин», заслуженный артист Петербургских и Московских театров Ольшанский. На экранах электротeatров показываются «Рекорд высоты» — «роскошная картина из жизни авиаторов, длина киноленты 800 метров», «Жестокая расплата» — «захватывающее драматическое повествование о судьбе девушки» и другие не менее «роскошные» и «захватывающие» фильмы. В репертуаре Вологодского театра в праздничные дни «Ревизор», «Дети капитана Гранта», «Живой труп», «Синяя птица» (замечу, отличный репертуар).

И конечно, «Вологодский листок» пестрит рекламой гастрономических деликатесов. Об этом заметка «Немного статистики»:

«Судя по примеру прошлых лет, в первый день Рождества... будет истреблено 2500 бутылок водки и 5200 бутылок разного вина и съедено, не считая мелочи, 1000 окороков. Местные врачи потирают руки, предвкусывая быстрое поднятие практики».

А вот одно из объявлений: «Первоклассный ресторан при гостинице «Эрмитаж» В. Ф. Евдокимова до двух часов ночи, при ресторане играет концертно-сольный дамский смешанный оркестр...»

Естественно, все эти празднества, гастрономия, развлечения — для дворянско-чиновничьей и купеческой Вологды.

«Вологодский листок» сообщает также о приезде в

город «на короткое время» известной хиромантки, определяющей судьбу по линиям рук... И никто, кроме жандармов, не знает, что именно в этот день, 25 декабря, в Вологду прибыл вновь под гласный надзор полиции политический ссыльный И. В. Джугашвили. И нет, не предскажет известная хиромантка, что именно ему, этому ссыльному, предстоит определить в будущем судьбу государства. Никто тогда не мог представить себе масштаб личности этого человека...

Как уже сообщалось, Сталин нелегально прибыл в Петербург 7 сентября 1911 года. В кармане он имел паспорт П. А. Чижикова и пытался укрыться под фамилией своего вологодского знакомого. Но жандармы уже следили за ним.

9 сентября Сталин был арестован и отправлен в Петербургский дом предварительного заключения. И последовал приговор: ссылка под гласный надзор полиции сроком на три года.

Сталину снова было предоставлено право выбора города. И он снова выбрал Вологду...

Донесение Вологодского полицмейстера начальнику Вологодского жандармского управления, 27 декабря 1911 года:

«Секретно.

Состоящий под гласным надзором полиции крестьянин Тифлисской губернии, Тифлиского уезда, села Диди-Лило Иосиф Виссарионович Джугашвили 25 декабря прибыл из С.-Петербурга в избранное место жительства гор. Вологду».

Итак, Сталин снова в Вологде. Но положение его изменилось: теперь он не только негласно, но и гласно под надзором. И из Вологды не имеет права выезжать целых три года...

Как же складывалась теперь его вологодская жизнь?

Вот воспоминания вологжанки С. П. Крюковой (они были опубликованы в тридцатые годы в газете «Красный Север»):

«В сентябре 1911 года я поступила учиться шить к вологодской портнихе А. А. Корпусовой. Хозяева арендовали второй этаж деревянного дома по Золотушной набережной (теперь улица Осовиахима, № 4). В декабре этого же года хозяйка решила сдать маленькую комнату на втором этаже с одним окном, выходящим на двор. В тот же день, когда было вывешено объявление о сдаче комнаты, зашел мужчина среднего роста. Во-

шедший справился о сдаче комнаты и, осмотрев ее, сказал, что для него она будет хороша. Хозяйка спросила за комнату три рубля в месяц. Он согласился и поселился жить.

Квартирант сказал, что он является политическим ссыльным, зовут его Иосиф Виссарионович Джугашвили. Вещей у него было немного: постельные принадлежности и чемодан с книгами.

Целыми днями Джугашвили дома не было, он уходил в город и возвращался часов в 10-11 вечера. Мне часто приходилось работать до 3-4 часов ночи, и видела, что Джугашвили много читал, писал, ходил по комнате, раскуривая трубку. На маленьком столике в комнате у него всегда лежало несколько книг, которые он приносил из городской библиотеки, были книги и на грузинском языке». 7

Более подробно речь о том, как жил Сталин в квартире Корпусовых, каковы были его отношения с хозяевами, какими являлись бытовые условия, пойдет далее в воспоминаниях той же Крюковой. Прошу лишь обратить внимание на любопытную деталь — Сталин был квартирантом у жандарма. В будущем такое было бы немыслимо. Невозможно представить, чтобы, например, в тридцатые годы политссыльный поселился на квартире работника НКВД. Нравы меняются...

Вологжанка Н. В. Донова сообщила мне, что ее мама Мария Мефодьевна в молодости дружила с дочерью Корпусовых, бывала в их доме, видела Сталина и даже общалась с ним.

Мария Мефодьевна рассказывала дочери, что она, бывая в доме Корпусовых у своей подруги, видела Сталина несколько раз. И он ничем особым не выделялся. Никакого особого впечатления не производил, и угадать в нем не только великого, но и даже выдающегося человека было невозможно. Говорил он немного и с большим грузинским акцентом. Однажды заступился за деревенскую девушку Софью (Софья Павловна Крюкова, о ней речь уже шла и далее еще пойдет), которая была взята в дом в качестве ученицы портнихи, но использовалась как прислуга, что, по мнению Сталина, было неправильно. Подробнее об этом будет рассказано в воспоминаниях самой Крюковой.

А как-то раз Сталин попросился к Марии Мефодьевне в компанию. Была ярмарка, которая всегда проходила в Вологде как праздник. И девушки (Мария Ме-

фодьевна и ее подруга, дочка Корпусовых) собрались на ярмарку. К Сталину зашел какой-то его знакомый. И Сталин сказал девушкам: «Дамочки, возьмите нас с собой». И девушки их с собой взяли.

Покатались на карусели, погуляли, Сталин ухаживал за своей спутницей. Но потом внезапно исчез. На этом их отношения и закончились...

То, что ее бывший знакомый стал великим вождем, Марию Мефодьевну не переставало удивлять до конца жизни.

Как ни странно, запись рассказов вологодских очевидцев, знавших Сталина, в основном была сделана уже после войны, и рассказы эти были засекречены. Рассказ же Марии Мефодьевны остался не записан. Возможно потому, что семья Доновых, известная в Вологде своими революционными и трудовыми традициями, в тридцатые годы испытала на себе, что такое сталинские репрессии.

* * *

Но вернемся к теме вологодской ссылки Сталина. После его побега в Петербург и вторичного прибытия в Вологду местная полиция начеку и ведет за ним усиленное наблюдение. Однако Сталин себя ничем не проявляет, в местной политической жизни не участвует, ни в одном из революционных действий не замешан. И филерам постепенно следить за ним становится даже скучно: невозможно отличиться. И по тону донесений видно — филеры начинают небрежничать.

Вот одно из донесений:

«4 января. Начало в 9 ч. 15 м. утра, окончено 8 ч. 40 м. вечера.

«Кавказец» проживает по Золотушной набережной в доме № 27. В 11 ч. 10 м. наблюдаемый вышел из своей квартиры на Кирилловскую ул., на Гостинодворскую и на Московскую ул., ввиду невозможности вести дальнейшие наблюдения был утерян, — более наблюдаемого не видели.

Мухин, Шибалов».

Чувствуется, что вологодские шпики Мухин и Шибалов вели наблюдение с ленцой, ни на что не надеясь.

А вот более подробное донесение:

«8 января. Наблюдение начато в 10 ч. утра, окончено 8 ч. 40 м. вечера.

В 11 ч. 20 м. дня «Кавказец» из дома вышел и проведен в дом Беспалова по Кузнецкой ул., где квартирует «Кузнец», где пробыл 1 ч. 15 м., вышли вместе с «Кузнецом» и пошли в почтово-телеграфную контору, через 10 м. вышли, «Кузнец» имел в руках газету или журнал, повидимому, полученную с почты, и проведены в дом Артемова по Засодимской ул., где продаются домашние обеды. Через 35 м. вышли и проведены в пивную лавку Воденко на Кирилловской ул., через 40 м. вышли и тут же были за невозможностью из виду утеряны. В 5 ч. 40 м. вечера «Кавказец» пришел домой.

Ильчуков, Мухин».

В тот день за Сталиным следили более тщательно, но результатов также никаких нет. Сталин снова ничего сомнительного, с точки зрения полиции, не совершает, общается опять же главным образом с «Кузнецом», то есть с П. Чижиковым.

И подобных донесений сохранилось немало. Не дано было знать вологодским шпикам, что в жизни Сталина происходят важные события и что происходят они далеко за пределами Вологды. В январе 1912 года на шестой (Пражской) общепартийной конференции Сталин был кооптирован в состав Центрального Комитета партии большевиков*. Он входит в так называемое Русское бюро ЦК, которое должно заниматься организацией практической революционной работы в России.

Но Сталин — в ссылке: в вологодской глуши, и Ленин запрашивает ЦК: «От Иванoviча ничего — что он? Где он?»

Иванович — напомню, одна из партийных кличек Джугашвили. «Сталин находился в ссылке, — сказано в «Краткой биографии И. В. Сталина», — надо было организовать его побег. К Сталину в Вологду приезжает Серго Орджоникидзе, информирует его о решениях «Пражской» конференции».

Приезд в Вологду видного деятеля партии Серго Орджоникидзе и встреча его здесь со Сталиным — крупное событие. А что же вологодская полиция? Прозевала приезд Орджоникидзе? Не поняла, кто приезжал в Во-

---

* Первоначально Сталин, получив незначительное число голосов, в состав ЦК избран не был. Но затем при численном увеличении ЦК на пленуме партии был кооптирован в его состав. (Коммунист. 1988. № 9. Протоколы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП).

логду? Неизвестно. Во всяком случае никаких документов об этом обнаружить мне не удалось.

Вот единственное донесение, относящееся к этому времени, о встрече Сталина с каким-то неизвестным. Возможно, это — Орджоникидзе, но не исключено, что и не он (внешние приметы совпадают не вполне).

«18 февраля 1912 года «Кавказец» проживает в доме Гаврилова по Леонтьевскому ручью. С 9 ч. 30 м. до 8 ч. 40 м. вечера.

В 2 ч. 10 м. дня «Кавказец» с неизвестным мужчиной были взяты на Архангельской улице и пошли на Кирилловскую ул. на Красный мост и, дойдя до торговых бань Назарова, вернулись обратно и проведены в Кавказскую виноторговлю.

Приметы неизвестного: роста среднего, около 28 лет, интеллигент, бороду бреет, небольшие усы, темный ша-тен, продолговатое лицо, правильного телосложения, одет в черное с барашковым воротником пальто, черные на выпуск брюки и на голове черный котелок...»

Кто этот неизвестный, осталось неясным. Непрофессионально работали вологодские филеры: даже личность установить не могли.

А Серго Орджоникидзе впоследствии напишет Ленину о своей вологодской поездке: «Ездил к Ивановичу. Окончательно с ним столковались. Он остается доволен исходом дела. Извещение произвело великолепное впечатление».

Итак, на Сталина весть об избрании его в ЦК произвела «великолепное впечатление». И следует его новый побег из Вологды...

Вот донесение пристава 3-го участка в Вологодское городское полицейское управление от 29 февраля 1912 года:

«Состоящий под гласным надзором полиции в доме наследников Гаврилова на Леонтьевском ручье вверенного мне участка политический ссыльный из крестьян Тифлисской губ. Иосиф Виссарионович Джугашвили в ночь на сие число около 2 часов ночи, без надлежащего разрешения, забрав часть ценного своего имущества, выбыл из гор. Вологды неизвестно куда, будто бы по своим делам на одну неделю».

И донесение Вологодского жандармского управления начальнику Петербургского охранного отделения от 6 марта 1912 года: «Высланный из С.-Петербурга и подчиненный вновь гласному надзору полиции в избранном

им месте жительства — городе Вологде, известный вверенному Вам охранному отделению крестьянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило Иосиф Виссарионович Джугашвили 29 минувшего февраля скрылся из Вологды неизвестно куда, по предположению в одну из столиц».

Так оно и было. Сталин сначала бежал в Москву, а затем перебрался в Петербург. Правда, в северной столице его снова довольно быстро «засекли» агенты охраны. Но Сталин, по воспоминаниям С. Аллилуева, сумел уйти от преследователей.

С. А. Аллилуев вспоминает об этом так:

«...Мимо проезжал лихач. Блестящая возможность скрыться от сыщика! Сталин быстро сел в санки, и лошадь помчалась. Но ту же минуту он увидел, что сыщик догоняет его на другом рысаке. Естественно было предположить, что лихач, который вез Сталина — агент охраны. Товарищ Сталин решил скрыться от обоих...

На крутом повороте на Муринский проспект он выскочил из саней и зарылся в сугроб снега. Мимо него промчались охранники, догоняя пустые сани».

Таким образом след Сталина был потерян. А дело в вологодской жандармерии на него было закрыто. Оно сохранилось до сих пор и заканчивается обобщающей как бы анкетой о личности и деятельности политссыльного И. В. Джугашвили. Приведу эту анкету (в деле она называется «Сведения») с некоторыми сокращениями:

«Сведения

О лице, состоящем членом партии социал-демократов, имеющиеся в Вологодском Губернском Жандармском Управлении с 20 августа месяца 1911 года.

Фамилия, имя и отчество: Джугашвили Иосиф Виссарионович. Кличка наблюдения по городу «Кавказец».

Кружковое прозвище: «Коба», «Соса» и «Чопур». Звание: Крестьянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило.

Занятие: Определенных занятий не имеет (конторщик-бухгалтер).

Лет, вероисповедание: православного, лет 30—34-х.

Приметы: роста среднего, волосы черные, глаза карие, лоб низкий, нос прямой, большой, усы темно-русые, бороду бреет...

Деятельность по партии: имел непосредственные сношения с заграничным партийным центром и получил в августе 1911 г. предложение приехать за границу для соответствующего инструктирования и исполнения обязанностей разъездного агента ЦК. Кроме того, находясь в 1911 г. в ссылке в Сольвычегодске совместно с ссыльными Иваном Петровым, Иваном Голубевым и др. стремился организовать среди ссыльных с.-д. фракцию и устраивал собрания, на которых читались рефераты и обсуждались политич. вопросы.

...В 1906 г. и 1907 г. нелегально жил в Батуми, где и был арестован и выслан в Вологодскую губ. под гласный надзор полиции на два года, с 29 сентября 1908 года. Из места выдворения, г. Сольвычегодска, скрылся 24 июля 1909 г. и разыскивался циркуляром Деп. Пол. от 19 августа 1909 г. № 151385/53, 24 марта 1910 г. был задержан в г. Баку и доставлен в г. Сольвычегодск. 7 июля 1910 г. за окончанием срока ссылки был освобожден от надзора и прибыл в г. Вологду. 6 сентября 1911 года выбыл из г. Вологды под наблюдением в С.-Петербург, где был арестован Охранным отделением, как перешедший на нелегальное положение.

За революционную деятельность вновь выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на три года, с 5 декабря 1911 года.

9 февраля 1912 года скрылся из г. Вологды неизвестно куда».

В этом документе удивляет неполнота сведений о Сталине. Ведь жандармы даже не знают, сколько точно лет Джугашвили, и это их не интересует. Вызывают сомнение и сведения о том, что Сталин «получил в августе 1911 г. предложение приехать за границу» (об этом ни в одном из последующих биографических материалов Сталина ничего не говорится).

О вологодской ссылке Сталина есть упоминание в знаменитом романе А. И. Солженицына «В круге первом». Ныне это произведение, созданное еще в пятидесятые годы, стало достоянием широкой читательской публики. Известный критик Игорь Золотусский пишет о нем: «Роман Солженицына полон открытий, которые были открытием для конца пятидесятых годов, но которые и сейчас не померкли, свидетельствуя о существовании «правды-справедливости», как называет ее Варлам Шаламов, во все времена».

В этом масштабном произведении впервые в русской

литературе с позиций антисталиниста и гуманиста создан образ Сталина. И хотя кратко, но говорится о вологодской ссылке будущего «вождя всех времен и народов». Солженицын пишет об этом так: «Его, непримиримого, неутомимого бунтаря, загнали... в город Вологду, где он поселился на квартире полицейского и поездом за одну ночь мог доехать до Петербурга».

Здесь все у Солженицына фактически верно — до деталей. Верно и то, что Солженицын пишет о приезде к Сталину в Вологду Орджоникидзе: «Февральским вечером девятьсот двенадцатого года приехал к нему в Вологду из Праги младший бакинский его сотоварищ Орджоникидзе, тряс за плечи и кричал: «Сосо! Сосо! Тебя кооптировали в ЦК». Действительно Орджоникидзе приезжал в Вологду именно в феврале и привез Сталину радостную для него весть о кооптировании в ЦК партии.

Но затем Солженицын пишет: «Утром они пошли на станцию и поехали в Петербург. Там схватили их». Вот это неточно. В действительности Орджоникидзе благополучно уехал в Петербург один. А Сталин бежал из Вологды 29 февраля в Москву и лишь затем перебрался в Петербург, где и был арестован.

Так что и у великого писателя могут быть неточности. В масштабных исторических повествованиях их практически не избежать. Не забудем — перед нами роман, не исследовательское, а художественное произведение. И главное, что в романе облик Сталина нарисован с огромной разоблачительной силой, с большим писательским мастерством.

И все же кое о чем с писателем можно поспорить. Солженицын считает (или по крайней мере считал) молодого Сталина и революционером, и агентом охраны одновременно. Такая версия существует. Ее придерживается и В. И. Белов в «Годе великого перелома».

Эта версия возникла давно, поддерживалась публикациями за рубежом и имеет некоторое отношение к северной ссылке Сталина. Впервые в советской печати с осторожностью о ней было сказано в материале А. Лабезникова «Линии судьбы»*. Автор писал, касаясь ранее запретной темы, что он имел «разговор с Борисом Ивановичем Ивановым, членом партии с 1904 года. В 1935 и 1936 годах комсомольцы Сольвычегодска со-

---

* Сов. культура. 1988. 16 июня.

вершили лыжный пробег Сольвычегодск—Москва. Лыжники пришли в «Комсомолку», принеся ворох материалов о пребывании Сталина в ссылке. В документах упоминался и питерский рабочий-булочник Б. И. Иванов. Тогда я обратился к нему — он был председателем ЦК профсоюза рабочих хлебобулочной промышленности, жил в Доме правительства. Показал ему документы и услышал:

— Действительно, я был в ссылке, жил в Курейке с Джугашвили. Все время, пока он находился там, в нашей маленькой колонии большевиков постоянно случались провалы. Мы решили поговорить начистоту, так сказать, по «гамбургскому счету». Назначили день собрания большевиков Курейки, но Джугашвили на него не явился. А на завтра мы узнали, что он исчез из Курейки — ушел в побег, а до первого поселения пятьсот верст. Такой побег можно было совершить только с помощью властей.

Эти слова ошеломили меня — они были сказаны в 1935—1936 годах».

Но когда я в своих газетных публикациях в 1988 году попытался сказать о том же самом, то в Вологде это посчитали подлинной крамолой. Собственно, я не пытался доказать, что Сталин являлся агентом охраны, а написал о том, что такая версия существует. У меня возникли тогда серьезные неприятности, меня обвиняли в распространении ложных сенсаций. Но впоследствии в печати прошла целая дискуссия об этом (журналы «Вопросы истории» и «Родина», газеты «Московская правда», «Комсомольская правда» и другие).

И хотелось бы сегодня, когда улеглись страсти, подчеркнуть, что я согласен с мнением большинства участников прошедшей дискуссии: какие-то неясности в биографии Сталина имеются, но доказать документально, что он был агентом охраны, возможности не представляется. И, в частности, вологодские материалы (жандармское дело в Вологде на Сталина содержит около пятидесяти филерских донесений) ни малейшего намека на связь его с полицией не содержат. Более того, в этих материалах ссыльный Джугашвили неизменно рассматривается как политический противник, за которым тщательный полицейский надзор был необходим.

Ссылная Вологда — в некотором роде явление особое, почти уникальное. «Нет в русском освободительном движении сколько-нибудь значительного деятеля, который не побывал бы в Вологде хотя бы на три месяца... — так писал В. Т. Шаламов. — Много столетий этот город — место ссылки или кандалный транзит для многих деятелей сопротивления от Аввакума до Савинкова, от Сильвестра до Бердяева, от дочери фельдмаршала Шереметева до Марии Ульяновой, от Надеждина до Лаврова, от Германа Лопатина до Луначарского».

О Вологде вспоминало множество политссылных. И надо подчеркнуть, что вспоминали ее с теплым чувством. «Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся», — так писал А. М. Ремизов в автобиографической повести «Иверень».

Вологда с ее размеренностью, спокойствием, провинциальным бытом была приятна для жизни, но главное заключалось в том, что здесь, благодаря ссылным, сложилась особого рода интенсивная и насыщенная интеллектуальная жизнь.

Еще за десять лет до прибытия сюда Сталина здесь можно было обнаружить «могучую кучку» интеллектуалов, которые в своих идейных спорах по существу касались самых важных вопросов истории и человеческого бытия. Н. Бердяев в «Самопознании» писал: «В Вологде в эти годы были в ссылке люди, ставшие потом известными: А. М. Ремизов, П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков, Б. А. Кистяковский, приехавший за ссылкой женой, датчанин Маделунг, впоследствии ставший известным датским писателем, в то время представитель масляной фирмы, А. Богданов, марксистский философ, и Л. В. Луначарский, приехавший немного позже меня...»

Какой список блестящих имен! Он говорит сам за себя. Все это можно дополнить еще одной цитатой из «Иверени» Ремизова: «Все книги, выходявшие в России, в первую голову посылались в Вологду... к тому же П. Е. Щеголеву. И было известно, что творится на белом свете... Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно прямой провод».

Конечно, все эти люди через некоторое время выбыли из Вологды. Но их интеллектуальное влияние осталось.

И во время пребывания Сталина в Вологде здесь то-

же были интеллектуалы, издавались книги, ставились спектакли, шли идейные диспуты. Но Сталин был чужд всему этому.

Думается, что ничего он не знал и о глобальном идейном споре, который развернулся в Вологде десятилетием ранее и свелся при всем его многолетии к вселенскому вопросу о свободе или несвободе человека, то есть о его иррациональном, божественном творчестве или о подчиненности объективным закономерностям экономики и истории. Выразителем первой точки зрения был Бердяев, второй — Луначарский, Богданов и Савинков. И по существу исход этого спора, которым была беременна вся страна, имел большое значение для формирования будущего сталинизма.

Ныне мы со всей отчетливостью видим мыслителя мирового масштаба, который мог бы предотвратить возникновение сталинизма, идейно преградить ему путь, если бы он был услышан и понят. Таким человеком был Николай Бердяев, «русский Гегель XX века», как его нередко называют.

Кратко расскажу о его пребывании в вологодской ссылке, так как этот период имел большое значение для формирования философии Бердяева, которая по существу явилась антитезой сталинизма как идеологии.

* * *

Итак, если обратиться к материалам Вологодского облгосархива, 9 мая 1900 года в Вологде появляется молодой ссыльный Н. А. Бердяев, бывший студент Киевского университета, человек аристократического происхождения, причастный к социал-демократическому движению. Он быстро становится идейным лидером среди политссыльных, так как резко выделяется среди них глубиной знаний и оригинальностью мысли. Но в это время у молодого Бердяева, по его словам, «начался коренной переворот»: он отходит от социал-демократии и постепенно погружается в создание своей философской системы, в которой главные идеи — свобода, творчество и Бог. Против Бердяева резко выступают Луначарский, Богданов и Савинков.

А. В. Луначарский вспоминал об этом так: «На первом плане блистал Николай Александрович Бердяев, только еще начавший переходить от идеалистически окрашенного марксизма к сумеркам мистики, из кото-

рых нырнул прямо в ночь философии интерпретированного православия.

Мне пришлось с первых же рефератов выступить со всей резкостью именно против Бердяева. Сколько могу помнить, успех мой был очень велик, и влияние Бердяева в нашей среде чрезвычайно ослабло».

Все это можно дополнить и воспоминаниями А. Богданова, который полагал, что Луначарский в Вологде одержал над Бердяевым полную победу. Лишь Ремизов поддержал тогда Бердяева.

Этот идейный спор обеспокоил даже жандармерию. Сохранился архивный документ об этом — запрос департамента полиции в Вологду:

«В Департамент Полиции получены указания, что в Вологде существует, будто бы, целая колония неблагонадежных лиц, среди коих имеются не только люди дела, много работавшие на революционной почве рецидивисты, но и теоретики, прекрасно знакомые со всеми современными течениями и с положением этого вопроса в Западной Европе. На собраниях этих неблагонадежных лиц весьма часто читаются А. Богдановым (Малиновским), Бердяевым и др. рефераты, возбуждающие интересные прения со стороны представителей разных революционных направлений».

Департамент полиции потребовал от вологодских жандармов выяснить, что же происходит в Вологде.

Об идейных баталиях в Вологде узнал и Ленин. Он писал в начале 1902 года: «Из Вологды (где сидят Бердяев и Богданов) сообщают, что ссыльные там усердно спорят о философии» *.

Никто из участников спора не подозревал, да и не мог подозревать, как много все это значит для их личных судеб, для выбора места в грандиозных событиях, вскоре развернувшихся.

Луначарский, как известно, впоследствии все более склонялся к большевизму, вошел в первое Советское правительство и много сделал для подчинения философии, литературы и искусства «классовым интересам пролетариата». Но до конца жизни он сохранял некоторые гуманистические колебания, и возможно, что только естественная кончина позволила ему избежать сталинской расправы в период «большого террора», когда уничтожалась старая большевистская гвардия.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 280.

А. Богданов представил нам в своем фантастическом романе «Красная звезда», в котором есть и вологодские впечатления, удручающую для нас своей бездуховностью картину «коммунистического» общества на Марсе. Кончил он свою жизнь героически, поставив на себе опыт по переливанию крови.

Ремизов стал эмигрантом и крупным русским писателем, Щеголев — известным пушкинистом, литературоведом, издателем.

А Савинков именно в Вологде, как он сам пишет, «решил принять участие в терроре». Он бежал из Вологды за границу, встретился в Швейцарии с пресловутым Азефом, этим страшным Янусом русской революции, и впоследствии прославился как знаменитый террорист.

Это может показаться парадоксальным, но Савинков, враг большевизма, выбрав глобальную несвободу, был, на мой взгляд, по духу довольно близок будущему сталинизму. Посудите сами, ведь Савинков утверждает, что выбрал террор во имя народа, его блага. Приведу рассуждения, взятые из дореволюционного романа В. Ропшина * «То, чего не было». Разумеется, это цитаты из художественного произведения, но они очень показательны. «Разве террорист идет потому, что вы его посылаете? Нет, он идет свободно, один на один со своей совестью, потому что не может иначе, потому что во имя народа должен идти». Или: «Все дозволено! Все! Во имя народа нет колебаний, нет беззаконий!» И в главе революции, по мнению автора, должен быть «царственный вождь».

Вероятно, Савинков мог стать крупным писателем. Но он выбрал другой путь и прожил жизнь, похожую на авантюрный в пятнах крови роман. Что же касается его конца, то долгие годы нам внушали, будто Савинков после суда над ним раскаялся и покончил с собой. Между тем существует и другая версия: «Савинкова сбросили в пролет тюремной лестницы. Так, умирая, исповедуясь, шепнул Шаламову лагерный доходяга, бывший латышский стрелок»**. Об этом пишет и А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе».

Судьбы тех, кто связывал себя с глобальной несвободой, были, как правило, трагичны.

---

* В. Ропшин — литературный псевдоним Савинкова.

** Огонек. 1989. № 30.

Между тем достойнейшую жизнь прожил Николай Александрович Бердяев, абсолютный противник всякого тоталитаризма, будь то сталинизм или фашизм. Бердяев мог быть расстрелян, как Гумилев, уничтожен, как Флоренский и многие другие, однако Дзержинский, лично допросив, приказал отпустить его. И Бердяев вместе со многими другими нашими интеллектуалами был выслан на Запад и стал одним из крупнейших мыслителей XX века. Он умер в 1948 году за работой за письменным столом... Именно им, русским мыслителем, создана глубинная философия свободы, равной которой нет.

Свобода как высший метафизический принцип — вот суть философии Бердяева при всех его личных колебаниях и изменениях. Он полагал, что свобода не подчиняется не только естественно-историческим силам, но даже и Богу. Это нельзя назвать богоборчеством, так как Бердяев считал себя христианином, а свою философию христианской. Бог, по его понятиям, властен над всем, что есть, но свобода рождается из бездны, которая глубже бытия. Вот почему свобода не подвластна Богу, она — абсолютна и является самым нормальным и естественным свойством каждого человека и общества в целом. Философ считал, что социальная революция ничто, по сравнению с революцией духа. И только та революция оправдана, которая служит свободе каждого человека.

«ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ НЕ ОШИБАЮТСЯ»

Сомневаюсь, чтобы Сталин был серьезно знаком с философией Бердяева. Он был практик и воплотил в себе идею глобальной несвободы. Это проявилось уже в его ранних статьях, в том числе и в вологодской ссылке.

Как известно, в Вологде он не написал ни одной статьи. Но в 1909—1910 годах (это время сольвычегодской ссылки) им написаны две довольно большие работы: «Август Бебель, вождь германских рабочих»* и «Письмо в ЦК партии из сольвычегодской ссылки».

В статье о Бебеле Сталин рисует нам образ вождя, вероятно, уже задумываясь и о своей роли в партии.

---

* Статья была издана в то время в виде листовки — без подписи Сталина, но вошла впоследствии в его сочинения. Полн. собр. соч. Т. 2.

Работа начинается так: «Кто не знает Бебеля, маститого вождя германских рабочих, когда-то «простого» токаря, а теперь знаменитого политического деятеля, перед критикой которого, как перед ударами молота, не раз отступали «коронованные особы», патентованные ученые, слову которого, как слову пророка, внимают многомиллионный пролетариат Германии?»

Сталин ставит вопрос, как и почему Бебель добился всего этого. И утверждает, что нищета и лишения, которые Бебель испытал в юности, «закалили его волю, усилили жажду знания, зародили в нем вопросы...»

Думается, Сталин как бы определяет свой путь, ищет пример для себя. «Бебель, борясь и побеждая, преодолевая шаг за шагом окружающие его препятствия, — выбирается, наконец, из рабочих низов, превращается в вождя...» За счет чего? За счет того, что ему свойственна «умелая беспощадная атака», что «жизнь Бебеля сливается с жизнью партии, его печали и радости — с печальями и радостями партии». В трудные для партии времена он стойко переносит «упреки, насмешки, презрение», для него характерны «особая стойкость и беспримерная прозорливость».

«Конечно, были у Бебеля и ошибки — у кого их не бывает (только мертвые не ошибаются), — но все мелкие ошибки бледнеют в сравнении с крупными заслугами перед партией».

Итак, главное иметь заслуги. Имея их, не следует бояться ошибок — «только мертвые не ошибаются».

Таков облик вождя, рисуемый Сталиным. Но у партии есть вождь, и в «Письме в ЦК партии из сольвычегодской ссылки» Сталин подчеркивает это и пишет, что «линия блока (Ленин-Плеханов) единственно правильная». О Ленине им сказано уважительно: «умный и знает, где раки зимуют».

Далее Сталин рассуждает о блоках, о том, что надо уметь на разных этапах вступать в союз с разного рода попутчиками и, умело блокируясь то с одними, то с другими, следует использовать всех в своих интересах. А действовать придется «неуклонно и беспощадно». Вот видите — беспощадно, по-сталински.

* * *

Вологодские документы при всей их скудности и краткости что-то раскрывают в облике молодого Стали-

на. Каким же человеком предстает по ним будущий генералиссимус?

В Вологде в это время среди ссыльных немало интересных людей, ярких личностей. Но Сталин, как уже говорилось, не сходится ни с кем из них. Ни дружбы, ни любви, ни симпатии, ни сердечной привязанности — ничего этого не обнаруживается в его вологодской жизни.

Живет он очень бедно, почти убого. Последнее его жилище — крохотная комнатка в сохранившемся ныне доме. Когда Сталин бежал из Вологды, полицейским приставом была сделана опись брошенного им имущества: одна простыня, одна наволочка, одно полотенце, поношенный шарф и т. д.] Все это вызывает невольную аналогию с рассказом А. Шелепина, приведенным Д. Волкогоновым, о том, что после смерти Сталина при описи в его доме не было обнаружено никаких ценных вещей. Бумажные репродукции в деревянных простеньких рамках... Солдатское одеяло, под которым спал генсек... «Кроме маршальского мундира, из носильных вещей оказалась пара простых костюмов (один парусиновый), подшитые валенки и крестьянский тулуп». И еще казенное пианино.

Сталин и к людям относился как к вещам, определяя лишь — нужны они ему или не нужны. Сталину требовались исполнители его идей. И все определялось одним качеством, как они ему служили. К примеру, Берия выполнял волю его умело, а все остальное уже, видимо, было неважно.

Профессор Борисов пишет: «...Отношения Сталина и Берии были отношениями хозяина и слуги. Сталин мог его оскорбить, ударить по щеке, плеснуть в лицо чай. Такая вот чудовищная, противоестественная связь. И соответствующие этому отношения».

Разумеется, это Сталин — уже в старости, в последние свои годы. Но и во времена вологодской ссылки молодой Сталин уже был, на мой взгляд, человеком, отодвинутым от людей и безразличным к ним.

А как же женщины? Например, А. М. Ларина-Бухарина в своих воспоминаниях «Незабываемое» * пишет, что в тридцатые годы Сталин Бухарину «рассказывал (в вульгарной форме) о своем бешеном темпераменте» и похождениях своей молодости.

---

* Знамя. 1988. № 12.

О «похождениях» вождя в зрелом возрасте пишет А. Антонов-Овсеенко в очерке «Театр Иосифа Сталина», рассказывая о взаимоотношениях диктатора с одной известной певицей: «Певица содрогнулась. Нечистоплотный уродец, он же вдвое старше. Как он смеет! Но пошла неповторимо прекрасная «царская невеста», попала в каменные чертоги генсека. А вышла оттуда лауреатом Сталинской премии...» *

Подобных сведений в печати появляется все больше. На Западе уже печатают свои мемуары лжелюбовницы Сталина.

И в Вологде сохранилось немало слухов о любовных похождениях будущего генералиссимуса. Но в филерских донесениях, имеющих отношение к Сталину, встречается лишь одна женщина (филеры дали ей кличку «Нарядная»). Все эти донесения находятся не в деле Джугашвили, а в деле Чижикова. И не случайно.

Обстоятельства таковы... Однажды в Вологде появилась какая-то приезжая барышня, которая поселилась в квартире Чижикова. Она сразу же попадает в филерские донесения:

«21 августа 1911 года.

В 11 ч. утра в квартиру «Кузнеца» пришел «Кавказец», через 45 мин. вышел с «Кузнецом» и неизвестная барышня. И все трое пошли в детский сад, посидели 50 мин., пошли на Красный и Новый мосты и, дойдя до государственного банка, расстались. «Кузнец» и «Кавказец» пошли на Соборную горку без наблюдений, а барышня проведена в дом Беляева по М. Екатерининской ул.

...Приметы барышни: роста среднего, лет 23, интеллигентна, темные густые волосы, чистое лицо, правильного телосложения, походка ровная. Одета в черный полусак, черная юбка, модная спереди, красная сзади, черная отделка шляпы, особых примет нет.

Шибалов».

«22 августа.

«Кавказец» и барышня пошли под наблюдением Шибалова. «Нарядная» проживает, по-видимому, в доме Беспаловой — в квартире «Кузнеца» и должна, видимо, быть приезжая.

Шибалов».

---

* Театр. 1988. № 8.

«23 августа 1911 года.

В 10 ч. 15 мин. «Кавказец» вышел из дому, проведен в д. Беспалова по Кузнецкой ул., где проживает «Кузнец», где пробыл 1 ч. 15 мин., вышел «Кавказец» и «Нарядная» и пошли в дом Бобровой... В 7 ч. вечера «Кавказец» вышел из своей квартиры и вторично пошел в квартиру «Кузнец», в 7 ч. 30 мин. вечера «Кузнец» пришел в свою квартиру под наблюдением Шибалова.

«26 августа.

Пошли в дом Беспалова в кв. «Нарядной», где пробыл 4 ч., вышел «Кавказец» и «Нарядная» и пошли в Детский сад...»

«31 августа 1911 г.

В 10 ч. 40 мин. утра «Кавказец» вышел из своей квартиры и пошел в дом Беспаловой по Кузнецкой ул., в квартиру «Нарядной» и «Кузнец», через 2 часа вышел с «Нарядной» и пошел в дом Бобровой по М. Козленской (видимо, обедать), через 15 мин. туда же пришел «Кузнец», где пробыл 40 мин., вышли все трое. В 7 час. вечера «Кавказец» вышел вторично из своей квартиры и проведен в дом Беспаловой в квартиру «Нарядной» и «Кузнец», через 1 час 30 мин. в свою квартиру пришел «Кузнец». «Кавказец» пробыл 2 ч., вышел и пошел домой, где и был оставлен.

Шибалов».

Итак, к Чижикову приехала молодая, интеллигентная, модно одетая женщина. Но тут появляется Сталин. Он начинает приходить к «Нарядной» каждый день, а го и по два раза в день. Так как Чижиков работает приказчиком и его целыми днями нет дома, Сталин и «Нарядная» все чаще встречаются в его отсутствие. Они также много гуляют вдвоем. А филеры фиксируют все их встречи.

Таких филерских донесений о «Кавказце» и «Нарядной» в деле Чижикова около трех десятков. Что это — роман? Возможно... Но не исключено, что это и просто товарищеские отношения.

Чем же все это кончается? Собственно, ничем. Как уже говорилось, 6 сентября 1911 года Сталин предпринимает свой первый неудачный побег из Вологды.

А «Нарядная»? Она вскоре отбыла из города, уплыла на пароходе.

В филерском донесении Мухина сообщается:

«11 сентября 1911 г.

В 8 ч. вечера «Кузнец» и «Нарядная» вышли, взяли

извозчика и поехали на пристань Северного пароходства общества, где «Нарядная» взяла билет и отправилась на пароходе «Яренск», но билет узнать не представляется возможным...»

И все, казалось бы: уплыла «Нарядная», растворилась в неизвестности, не обессмертила своего имени отношениями со Сталиным. Но уже в советское время в Вологде возникли многочисленные слухи о местном любовном романе Сталина. И власти решили секретно расследовать это «дело».

В 1948 году были предприняты энергичные меры по сбору сведений о том, кто такая «Нарядная». В результате это было установлено и зафиксировано в такой справке*:

«Нарядная». Пелагея Георгиевна Ануфриева (после 1917 г. Фомина).

Под кличкой «Нарядная» значится по документам Вологодского жандармского управления в 1911 г. В ряде донесений филеров в жандармское управление сообщается о ее встречах с И. В. Сталиным. Ануфриева в 1911 г. ученица Тотемской гимназии. Участвовала в революционном движении. Была близким другом Чижикова Петра Алексеевича в период, когда Чижиков отбывал ссылку в гор. Тотьме. И когда Чижиков жил в Вологде, Ануфриева приезжала к Чижикову и жила у него. В это время она встречалась с И. В. Сталиным и таким образом попала в сферу наблюдения филеров, наблюдавших за И. В. Сталиным.

После революции 1917 года Ануфриева вышла замуж, изменила фамилию и совершенно прекратила участие в политической деятельности.

В 1948 году ее муж осужден на 15 лет за контрреволюционную деятельность.

Научный работник облархива Лысанова».

В партархиве ныне хранится и фотография П. Г. Ануфриевой, снявшейся вместе с Чижиковым.

Сохранилось и сообщение директора Тотемского музея И. Черницына и научного сотрудника В. Величутина в обком партии: «В результате проведенной работы по выявлению личности Пелагеи Ануфриевой нами установлено следующее: Ануфриева Пелагея Георгиевна, действительно, училась в Тотемской гимназии в 1910—1911 гг. и квартировала у граждан Копытовых в доме

* ВПА, ф. 3837, оп. 5, д. 18.

№ 6 по Дмитриевской улице (ныне улица Молотова, д. № 6).

Ануфриева Пелагея Георгиевна родиной была из Сольвычегодского уезда из местности Ягрыш (очевидно, Ягрышской волости) из деревни Усть-Рги. Происходила она из зажиточной крестьянской семьи: отец ее был торговец. Ануфриева П. Г. с молодых лет сочувственно относилась к политическим ссыльным и сама была человеком революционно настроенным. За такое поведение Пелагею Георгиевну ее родители притесняли. Эти обстоятельства заставили ее уехать из родных мест, получить образование в город Тотьму, в тотемскую гимназию.

Пелагея Георгиевна была человеком начитанным, ее культурный и политический кругозор был во многом значительно шире, чем у всех остальных учениц гимназии. Пелагея Георгиевна не ладила с попами — преподавателями «закона божия» Николаем Петрушевым и Марком Вознесенским. Известно, что Пелагея Георгиевна имела связи с политическими ссыльными г. Тотьмы и с тов. Сталиным по Сольвычегодску и Вологде. За революционные настроения Пелагею Георгиевну преследовали полиция и начальство гимназии. В результате преследования Пелагея Георгиевна вынуждена была оставить тотемскую гимназию и переехать в г. Вологду. Чем занималась она в Вологде, нам неизвестно.

10/VII-48 г.»

Вряд ли возможно полное доверие к этим документам, в них могут быть неточности, натяжки. Но все же они содержат редкие сведения, дошедшие к нам из той эпохи, и уже этим любопытны.

Существуют также сведения, что Сталин, якобы, подарил Ануфриевой книгу «Очерки по истории литературы» с надписью, а также прислал ей в 1912 году письмо из Петербурга и что эти «реликвии» она передала сотруднику ИМЛ в Москву.

А «итоговый» документ * об Ануфриевой выглядит так:

«Секретарю Областного Комитета ВКП(б) тов. Дербинову от научного работника Облпартархива Лысановой.

Несколько дней тому назад с целью более полного изучения о пребывании тов. Сталина в Вологодской

* ВПА, ф. 3837, оп. 5, д. 30.

ссылке мною были предприняты меры к розыску личной знакомой тов. Сталина Ануфриевой Пелагеи Георгиевны. Ануфриева фигурирует в документах жандармского управления по связям тов. Сталина под кличкой «Нарядная»...

После некоторых поисков мне удалось установить, что она проживает в Вологде. 21 июля я пришла к ней на квартиру. В процессе беседы она рассказывала некоторые встречи с тов. Сталиным, разговоры с ним. И также рассказывала о том, как тов. Сталин готовился к побегу из Вологды, как ее жених Чижиков отдал тов. Сталину свой паспорт, как они втроем последний раз пообедали и они вместе с Чижиковым проводили тов. Сталина на вокзал.

После всех разговоров на эту тему, я ей задала ряд вопросов о том, как она живет. Она ответила: «Очень плохо. Вот нас пять человек семья: дочь и у дочери двое маленьких детей и сын, приехавший на каникулы (студент Ленинградского железнодорожного института), живем в одной комнате на совместном жительство: двое хозяев и пять человек семья Ануфриевой-Фоминой». На мой вопрос: «Почему у вас нет квартиры?» Фомина ответила, что они жили в квартире нефтесклада после ареста мужа, которого осудили на 10 лет * по 58 ст. п. 10. Их с квартиры выселили и вот временно приютили здесь.

Виновность мужа она категорически отрицает. В общем настроение у нее очень плохое. В разговорах проскальзывала мысль, что вот не писала, но, может, и соберусь написать, хотя ясно она это не говорит. Получается, по-моему, у ней так, что она, видимо, обдумывает это дело. Обо всем этом считаю необходимым поставить Вас в известность.

Лысанова.

23/VII-1948 г.»

Думается, эти документы очень характерны для сталинского времени. Обратите внимание: у Ануфриевой репрессирован муж, она живет в тяжелых условиях. Но к Сталину не обращается. Видимо, боится.

Можно себе представить то трагикомическое положение, в которое попало вологодское обкомовское начальство. С одной стороны, вроде бы есть повод бить в колокола: нашлась личная знакомая великого Стали-

---

* По другим сведениям — на 15 лет.

на. А с другой — полный конфуз: живет она в ужасных условиях, и главное, муж ее — «враг народа». Сюжет, достойный отдельной трагикомедии!

Неизвестно, как обком выбирался из этого щекотливого положения. Никаких сведений я более не обнаружил. А как установил сотрудник Вологодского партархива С. Н. Гаврилов, П. Г. Ануфриева умерла в Вологде в 1955 году.

Фотография Чижикова и Ануфриевой хранится и в фонде Сталина в архиве КПСС. Сотрудник этого архива В. Кочетков и вологжанин С. Гаврилов напечатали небольшую заметку о взаимоотношениях Сталина, Ануфриевой и Чижикова в журнале «Известия ЦК КПСС»*. Заметка носит громкий заголовк «Из фонда И. В. Сталина».

Материалы из Вологодского партархива публикуются впервые, они долгое время считались секретными.

* * *

Хотелось бы обратить внимание на еще один документ, относящийся к Чижикову и хранящийся в Вологодском областном архиве. Это его объяснительная записка вологодской полиции.

Появилась она при следующих обстоятельствах... Как уже говорилось, Сталин в 1911 году бежал в Петербург с паспортом Чижикова и жил некоторое время под его фамилией. Когда обман раскрылся, власти потребовали от подлинного владельца паспорта объяснения. Чижиков сначала заявил, что потерял паспорт. А затем в своей объяснительной записке (это и есть сохранившийся документ) пишет, что он не давал Джугашвили своего паспорта. Джугашвили, мол, сам незаметно взял его со стола.

Хочу подчеркнуть, что вовсе не утверждаю, будто Сталин украл паспорт Чижикова. Тот мог пойти на это обвинение, чтобы как-то оправдаться.

Следует сказать, что в Вологде ходили слухи (мне об этом не раз приходилось слышать), что Сталин якобы приказал уничтожить все невыгодные для него доку-

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 190.

менты о ссылке и всех нежелательных свидетелей. Но думаю — это неверно.

Действительно, многие видные большевики — Е. Чучин, О. Любимов, Д. Аросев и другие, находившиеся в вологодской ссылке одновременно со Сталиным, уничтожены в годы репрессий. Однако, вероятней всего, они попали под общее колесо массового уничтожения, которое не щадило никого.

А при целенаправленном, исходящем свыше уничтожении материалов объяснительную записку Чижикова уничтожили бы в первую очередь. Да и донесения Филеров также скорее бы всего не сохранились, ведь они ничем не украшают революционную биографию генералиссимуса.

* * *

Приступив к работе над этим повествованием, я долгое время никому не говорил о своем замысле и, лишь начав писать, решил проверить, как же люди будут реагировать на это. И убедился тогда, в 1988 году, равнодушных не было, но однозначных оценок тоже. Реакция одних: «Это — интересно! И так нужно! Но учти — это опасно...» Реакция других: «Зачем ворошить прошлое? Это, может быть, даже вредно. Да и что ты можешь сказать нового?»

Но мною использованы архивные документы, которые никогда ранее не публиковались. Почему? Да потому, что они не создавали желательного ореола вокруг Сталина, а, напротив, доказывали, что он практически в революционной работе в Вологде не участвовал. Между тем все публикации при жизни Сталина имели одну цель — прославление вождя.

Приведу выдержки из упоминавшейся уже статьи Н. Анисимова: «И. В. Сталин в годы сольвычегодской и вологодской ссылок». Автор ее уверяет: «В Вологде И. В. Сталин сейчас же начинает большую работу по созданию местной организации большевиков, по укреплению связей с границей — В. И. Лениным и петербургскими большевиками...»

Но откуда Н. Анисимов взял все это? Ведь нет ни единого факта, ни одного документа, подкрепляющего его вывод. Чем он все это доказывает? Ничем. Никаких доказательств в ту пору не требовалось. Утверждалось и все...

Перечитывая вологодские архивные материалы, я вновь и вновь приходил к мысли — Сталин в Вологде был политически пассивен и никакой роли в революционной работе не играл. Признаться, такому выводу я сначала даже сам не поверил — не ошибаюсь ли? Ведь Сталин такой видный революционер, его высоко ценил Ленин. Но документы не опровергнуть... Вологодская полиция упорно искала свидетельства революционной деятельности Сталина, но ничего найти не могла.

Впоследствии в печати появилась работа Д. Волкогонова «Триумф и трагедия (политический портрет И. В. Сталина)», и вот что в ней в частности говорилось: «...Четыре года ссылки, когда в обществе постепенно полнились невидимые ручейки социальной напряженности... Сталин словно чего-то выжидал...»

И дальше:

«Сталин все четыре года был пассивен, ничего практически не писал, совершенно не проявлял себя как член Центрального Комитета партии... Сталин держался особняком...»

Прочитав это, я испытал определенное удовлетворение: на основе вологодских материалов самостоятельно удалось сделать правильный вывод — о политической пассивности Сталина в ссылке. Более того, вологодские материалы позволяли судить не о четырех годах такой пассивности, как пишет Д. Волкогонов, а приплюсовать к ним около двух лет северной ссылки.

Что тогда происходило со Сталиным? Устал? Не хотел тратить себя на «провинциальную» работу? Может, это уже казалось слишком мелким ему? Но все видные большевики — М. И. Ульянова, А. В. Луначарский и другие были участниками революционных событий, находясь в вологодской ссылке. А Сталин — нет.

* * *

Обращусь теперь к воспоминаниям современников, знавших Сталина по вологодской ссылке. Они записаны уже в советское время, в 30—40-е годы, хранятся в Вологодском областном партархиве и по существу никогда не публиковались. 7

К ним относятся и уже приведенные материалы о П. Г. Ануфриевой. Правда, она сама лично ни строки воспоминаний о Сталине не написала. Записи были сделаны с ее слов и в них не столько о великом вожде,

сколько о ней самой. Безусловно, П. Г. Ануфриева могла бы многое рассказать о Сталине, о встречах с ним, ведь, судя по материалам, была умна, грамотна. Но она не сделала этого.

А вот другая женщина, бывшая ученица и прислуга хозяйки дома, где жил Сталин, Софья Павловна Крюкова оставила для потомков обширнейшие воспоминания, которые составляют целое дело * и могли бы быть по объему книгой.

До 1934 года С. П. Крюкова по своей малограмотности даже не знала, что великий Сталин и жилец, квартировавший в доме Корпусовых, — одно и то же лицо. Но узнав об этом и войдя во вкус, она с помощью музейных работников неоднократно записывала свои воспоминания, все более и более расширяя их и приводя новые бытовые детали и подробности. Каждый раз это был как бы вполне самостоятельный рассказ, хотя и с повторами ранее сказанного.

По словам С. П. Крюковой, жизнь у Сталина в доме Корпусовых была весьма не простая:

«Хозяин, у которого жил тов. Сталин, ненавидел товарища Сталина. Я не раз слышала, когда он говорил своей жене, что не надо бы пускать сюда в комнату ссыльного и называл тов. Сталина безбожником. Хозяйка ему говорила, что не твое дело, кого я пустила жить, он мне за комнату хорошо платит. Но все же этот хозяин часто заходил в комнату товарища Сталина. В комнате тов. Сталина был поставлен столик хозяина, на котором он ложил ** свои газеты, которые читал. Над столом была икона, которой хозяин-жандарм ходил молиться, под видом молитвы проверял у тов. Сталина, что было на столе».

Разумеется, к сведениям С. П. Крюковой надо относиться с определенной долей осторожности. Но сообщаемые ею бытовые подробности вызывают определенный интерес. Вот некоторые из ее сообщений:

«В комнате была большая русская печка... эту печку хозяйка занимала, сушила дрова, утюги ставила, вся печка была занята хозяйской посудой. Утрами хозяйка готовит на кухне, идет в комнату Иосифа Виссарионовича за утюгами, за ведрами, стучит, не стесняясь, что Иосиф Виссарионович много работал вечером. А мне

---

* ВПА, ф. 3837, оп. 5, д. 31.

** Так в оригинале.

хозяйка запрещала входить в комнату, говорила: «Когда жилец дома, не заходи. Поменьше надо разговаривать с жильцом»;

«Условия были очень тяжелые для тов. Сталина в этом доме. Вечерами было так жарко за печкой в комнатке Иосифа Виссарионовича, что лампы гасли. Хозяйка готовила суп, хлеб пекла, угар был всегда, форточки в комнате не было.

Хозяин-жандарм все время косится, ворчит, зачем живет жилец, политический ссыльный».

С. П. Крюкова настолько увлеклась воспоминаниями, что решила написать личное письмо «дорогому Иосифу Виссарионовичу»... Письмо получилось весьма обширным, но сомневаюсь, что оно дошло до адресата. Видимо, его переслали в обком партии, так как копия этого письма-воспоминания сохранилась в деле Крюковой.

По моему мнению, оно является самым интересным документом в этом деле и очень показательным для сталинского времени. Предлагаю его полностью вниманию читателей, так как ранее письмо никогда не публиковалось, поскольку имело шифр «секретно».

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я вспоминаю то время, когда Вы жили в городе Вологде (конечно, не по своей воле, а по неволе) в декабре 1911 года по февраль 1912 года на Золотушной набережной (в данное время улица Осоавиахима, дом № 41). Хозяином этой квартиры был отставной жандарм, а жена его портнихой, у которой я в то время училась шитью, мне было тогда 16 лет. В 1911 году в декабре у хозяйки сдавалась маленькая комната с одним окном, выходившим во двор. Она мне приказала наклеить бумажку на стекло, что сдается комната. Я, как сейчас, вижу, когда Вы шли, Иосиф Виссарионович, смотреть комнату и как были одеты. На голове черная высокая шапка, черное ватное пальто, на ногах ботинки с низкими калошами. Когда вы посмотрели в окно той комнаты, которая сдавалась, я слышала, как Вы сказали: «Как раз для меня будет хороша». За эту комнату Вы платили 3 рубля в месяц.

Я часто видела, как Вы долго вечерами, до поздней ночи, писали, а днем уходили в город. Когда я приходила в Вашу комнату делать уборку, видела книги, которые лежали у Вас на столе. Книги Вы брали из городской библиотеки, некоторые были даже на иностранном

языке. Я часто смотрела эти книги и очень хотелось знать, что там написано. Как-то Вы читали, и я Вас попросила прочитать вслух из книги по-Вашему. Помню, когда Вы прочитали, я сказала, что ничего не поняла. Тогда Вы прочитанное перевели на русский язык.

Хозяйка мне запрещала с Вами разговаривать, а мне хотелось знать, за что Вас сюда сослали, это я узнала из разговоров с хозяином. Я спросила: «Иосиф Виссарионович, за что Вас сюда, в Вологду, выслали?» Вы мне ответили, как помнится сейчас: «Да вот в газете резко написал, за это меня и выслали сюда в Вологду на 2 года». А Вы были в этом доме всего 43 дня.

В январе 1912 года в воскресенье хозяева мои ушли в гости, а меня оставили нянчиться с девочкой. В 11 часов вечера кто-то постучал; когда я открыла дверь, вошли Вы, Иосиф Виссарионович, и, как всегда, сели за работу и начали писать и читать. Я с ребенком вышла на кухню, Вы тоже пришли на кухню и спросили меня: «А что вы делаете в этом доме?» Я сказала: «Учусь шить у хозяйки». — «А если шить учиться, нянчиться не должны». Я ответила, хозяйка приказывает нянчиться. Вы пошли к себе в комнату, говоря: «Ах! Так не должно быть». Эти слова, которые Вы сказали, на всю жизнь останутся в моей памяти.

В 1912 году, в феврале, хозяйка меня отпустила домой в деревню на 2-е суток. Я пошла, Вы были в этом доме, а когда пришла, Вы уже выбыли из этого дома. Мне очень жаль того, что я не могла помочь Вам и поучиться у Вас многому.

Я долго не знала, что И. В. Джугашвили одно и то же лицо, что и И. В. Сталин, поскольку была малограмотная, при Советской власти я научилась грамоте и узнала, что в 1911—1912 году в городе Вологде жил вождь мирового пролетариата великий Сталин (Иосиф Виссарионович Джугашвили). Когда я прочитала, то вспомнила о Вашем пребывании и сразу же пошла в Вологодский горсовет поделиться своей радостью и спросить, сохранилась в таком виде комната, в каком была во время Вашего пребывания в Вологде. В горсовете мне сказали: «Сходите в архив». Когда я пришла в архив и рассказала о всем, мне показали вид домика, в котором Вы жили, и спросили, узнали Вы этот дом, я сказала: «Как же не узнать, когда в нем жила 3 года». Тогда я спросила, сохранилась ли комната, в которой жил Иосиф Виссарионович, мне ответили, что комнату

не нашли, поскольку хозяева умерли, у которых жил И. В. Сталин, а последние жильцы точно не знают, где он жил. Меня послали в Вологодский краеведческий музей. Когда я пришла туда, мне сказали, что нам очень ценно, будем знать комнату, в которой жил И. В. Сталин.

В 1937 году к дню Октябрьской революции домик, в котором Вы жили, стали восстанавливать, а мне в деревню из горсовета прислали извещение, что не желаю ли я выехать работать в этом домике в качестве сторожа и технички, а главное дать точное указание, как было в комнате во время Вашего пребывания. Я дала согласие и выехала в Вологду и с радостью приняла участие по восстановлению Вашей комнаты, так как это очень хорошо сохранилось в моей памяти.

С 1937 года я работаю в этом домике-музее техничкой и буду работать так, чтобы посетители отзывались о нашей работе только на отлично, а главное следить, чтобы было чисто и культурно в этом домике и хранить его как зеницу ока. При посещении домика-музея посетители часто меня просят рассказать о том, как Вы здесь жили и что делали. Я с великим удовольствием рассказываю все то, что у меня осталось в памяти о Вас, дорогой Иосиф Виссарионович!

Примите мое наилучшее пожелание, Иосиф Виссарионович. 27/III-1940.

Крюкова Софья Павловна».

Вот так писала С. П. Крюкова. Но никто из видных ссыльных, например, Аросев, автор многих книг, пьес, воспоминаний о революции, не написал ни слова о вологодской ссылке Сталина; нечего, видимо, было писать. А вскоре и писать стало некому: все были уничтожены.

Имеются любопытные сведения о Сталине в Вологде в воспоминаниях Н. С. Хрущева:

«Очень мне в душу запало, — вспоминал Н. С. Хрущев, — как Сталин рассказывал о первой своей ссылке. Я сейчас не могу сказать, в каком это году было. Он был выслан куда-то в Вологодскую губернию. Туда много было выслано политических и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных. Я тогда сошелся с уголовными. Это были очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение, смотрим, у кого есть там рубль или три рубля. Мы приклеивали к окну на стекло день-

ги, заказывали и пили, пока все не пропьем. Сегодня я плачу, завтра — другие, и так поочередно. Очень хорошие артельные ребята были уголовные. А вот политики, среди них много было сволочей. Что же они устроили? Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я с уголовными пью».

Я уж не знаю, какой там был приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом не спрашивал, а только переглядывались.

Потом мы обменивались: «Видите, он еще в молодости имел склонность к пьянству. Видимо, у него это было наследственное».

Сталин рассказывал о своем отце, что отец его был сапожником и очень пил» *.

Что это — товарищеский суд, пьянство Сталина с уголовниками в Вологде — миф, реальность? Придумать подобное Хрущев, наверняка, не мог. Но документально подтверждается лишь то, что Сталин не ладил с другими политссыльными.

Он, как можно предположить, уже тогда в Вологде являл собой человека фанатичного, одинокого, подозрительного, безразличного к конкретным живым людям. Со временем на вершине власти все эти черты приняли глобальный характер: одиночество его стало абсолютным, подозрительность — болезненной, самолюбие — безмерным, жестокость и безразличие к людям — нечеловеческими.

Конечно, Сталин допускал, что у него, как у Бебеля, могут быть мелкие ошибки: «Только мертвые не ошибаются». Какая характерная сталинская фраза, сказанная еще в то время...

Сознаюсь, меня почему-то теперь часто тянет к «дому Сталина». Я подхожу к нему в сумерках, вглядываюсь в окно, за которым он жил. И кажется мне, вот сейчас Сталин погрозит сквозь стекло пальцем. Как грозил он всем, умирая. Это был его прощальный жест людям.

---

* Огонек. 1989. № 35.

Глава 2 ПОВЕРНУТ ЛИ МНЕ ГОЛОВУ?

Собственно на этом можно было бы поставить точку. Тема вологодской ссылки Сталина казалась исчерпанной.

Но во время работы мой замысел стал меняться. И многое изменилось во мне самом... Надлежало публично занять общественную позицию. Разумеется, никаких идейных колебаний у меня не было и быть не могло. Но следовало открыто обнародовать свои взгляды. Или отступить.

В то время, в первой половине 1988 года, идейная борьба вокруг имени Сталина достигла своего апогея. Разумеется, все это коснулось и Вологды, и моей работы тоже. Когда я представил редакции газеты «Красный Север» первоначальный вариант своей повести, то мнения о ней резко разделились. В конце концов большинство в газете (хотя и минимальное) высказалось «за», и в июле 1988 года первые главы моей повести были напечатаны в «Красном Севере» (правда, с большими сокращениями).

И началось... И пошло...

На меня обрушился поток писем. За многие годы работы в печати я не знал ничего подобного. Публикация вызвала резкую бурную полемику, и я невольно оказался в центре ее.

Меня поддерживали, хвалили, благодарили. И возмущались, проклинали. Мне приносили свои исповеди, делились своей болью и, напротив, — грозили, оскорбляли.

Тех, кто был против, оказалось довольно много...

СТАЛИНИСТЫ

Письма приходили и мне лично, и на редакцию. Вот одно из них.

«Дорогая редакция! В вашей газете пишет В. Аринин о И. В. Сталине: когда он отбывал ссылку в Вологде, то ничем не занимался, только гулял и даже был вором. Украл паспорт у Чижикова.

Я знаю тов. Сталина со школьных учебников — 3-4 классов.

Под руководством партии, которую возглавлял тов. Сталин, был построен социализм в одной нашей стране,

всем врагам назло. Существовала единая советская семья, единое советское общество. Все были родные братья: татарин, грузин, армянин, все советские люди. Роль партии была, особенно в годы войны и после нее, на высоком уровне. И сейчас поколение, воспитанное партией, которой руководил тов. Сталин И. В., чтит память о нем и никогда не скажет про него плохих слов. Врагам и недругам тов. Сталин был всегда поперек горла.

Потому что наша страна не погибла после такого большого горя в 1924 году, после смерти В. И. Ленина, а год от года крепла и мужала. Советские люди сплотились со своей народной властью и родной партией Ленина-Сталина.

А теплушки, про которые пишет Аринин, так в них солдат везли на фронт. И фашисты везли советских людей в Германию, в газовые камеры. И в этих теплушках ехали солдаты с фронта.

Наверное, Аринин хотел, чтобы изменников и предателей Родины и весь уголовный мир возили в мягких вагонах. Овчарки и автоматы и сейчас сопровождают тех, кто не хочет жить честно.

Лично у меня в голове ныне многое не укладывается, я не могу понять всего. Если я в чем-то не прав и ошибаюсь, согласен умереть за решеткой.

Я верю в Бога и верю в Сталина. У меня есть икона и есть портрет тов. Сталина. И пока я живу, буду верить. Человек без веры не может жить — он должен верить в кого-то и во что-то.

Живем со старухой на 150 рублей. И не жалуемся, больше не заработали.

А у того, кто говорит о мертвых плохо, не будет хорошего будущего. Это вы можете видеть на примере Хрущева.

А. Смирнов,
рядовой в отставке, пенсионер.

г. Вологда».

Думается, что комментарии к этому письму излишни. Оно проникнуто слепой верой не очень подготовленного и грамотного человека.

Неспособность освободиться от представлений сталинского времени характерна для многих.

Вот еще одно письмо:

«Уважаемая редакция!

Я родилась в 1924 году и, как помню себя, так помню имя — И. В. Сталин. Несмотря на трудности тех лет, это были лучшие годы моей жизни.

Вера И. В. Сталину, любовь и преданность своей Родине и И. В. Сталину нам помогали жить. Сколько патриотизма было в нас, усердия в труде! Мы не думали о том, чтобы нам больше заплатили. Надо Родине, партии, Сталину, значит надо. Благодаря руководству И. В. Сталина и нашей преданности, страна делала колоссальные успехи.

Слова И. В. Сталина никогда не расходились с делом. Раз сказал, так и будет, мы ждали, надеялись и верили.

Тов. Аринин! Я одна из тех, чью семью не обошли репрессии. Числились мы середняками. В 1930 году, в период коллективизации, наша семья была выслана в Заполярье, там я и выросла. Но никогда не винили наши родители И. В. Сталина в этом. Виновных они знали в лицо. Лодыри и пьяницы и еще, конечно, завистники.

Мама вспоминала, что один из таких плакал, когда ему из нашего амбара насыпали рожь, а не пшеницу.

Дед мой был арестован в 1937 году, посмертно реабилитирован в 1956 году. Вы скажете, это была установка И. В. Сталина. Нет. Это было искажение его установок. За что и был наказан Ежов. И не надо ничего выдумывать и предполагать.

А вообще все репрессии оправданы тем временем. Сколько еще всякой нечисти выявила война. Оказалось, что многих проглядели.

Теперь о памятнике. Если же будет воздвигнут памятник жертвам репрессий, то это будет самой большой ошибкой перед прошлым, настоящим и тем более перед будущим.

Вы цитируете в своей статье публикации из центральных газет за 1988 год. Почему бы вам не процитировать отдельные отрывки из статьи Н. Андреевой в газете «Советская Россия» «Не могу поступиться принципами»? В ее статье все подтверждено документами и выражено мнение нашего поколения. Любовь, уважение и преданность к И. В. Сталину не затушевывать никакими страшными статьями о нем. Мы любили, верили живому и никогда не предадим мертвого.

Я знаю, что статья моя не будет напечатана. Но это

неважно, а вы, товарищ Аринин, конечно же, прочтете. А это для меня уже много значит.

З. Мешалкина, пенсионерка,
г. Череповец».

В этом письме есть нечто трагичное: человек (и хороший, кажется, человек) пострадал, и родные пострадали, а он продолжает верить в виновника своих несчастий.

Познакомился я с некоторыми сталинистами лично. В их числе и с вологжанином Яковом Федоровичем Поповым, который создал в своем доме самодеятельный музей о Великой Отечественной войне и значительное место в нем уделил Сталину (ныне музей продан кооперативному училищу).

В праздники Я. Ф. Попов выставляет в окне своей квартиры большой портрет Сталина.

— Я верил Сталину, — говорит он, — и буду верить ему до своей смерти. Это помогает мне жить. Раньше в стране была великая вера. Ныне веры нет. И ничего нет. В том числе и колбасы, и самых необходимых товаров, и порядка, и дисциплины.

— А как же репрессии, Яков Федорович? — спрашиваю его.

— Репрессии были, — говорит он. — Много невинных людей погублено. И у нас в Вологде были настоящие палачи. Я хорошо их знал — это работники НКВД Барболин, Павлов и другие. Они многих расстреляли, они были садисты... Но при чем тут Сталин? Он даже не знал об их злодеяниях.

Ветеран войны Я. Ф. Попов, как мне кажется, неплохой человек. Говорил он со мной спокойно, убежденно. Но приходило ко мне немало и озлобленных, наполненных ненавистью писем. Возможно, некоторые из них писали вчерашние барболины и павловы. Меня даже называли «гражданин Аринин», как на следствии.

В одном из писем говорилось: «Мы должны знать, кто такой автор, какое он занимает положение в обществе. Небезразлично и то, чьи он высказывает взгляды — свои или кто-то за ним стоит».

А что касается репрессий, то в подобных письмах они и оправдывались, и даже восхвалялись. «Была причина на репрессии, и надо знать — при диктатуре пролетариата они неизбежны», — так писал один из авторов.

А другой даже пригрозил: «Ты допишешься, тебе повернут голову назад».

Приходили письма, взывающие к возвращению Сталина. «Нам нужен Сталин», — прямо говорилось в одном из них, а два других автора-ветерана утверждали: «Жизнь заставит скоро иметь диктатора, и никому не нужной болтовне надо положить конец».

Признаться, я не ожидал, что придется столкнуться со столь значительным числом сталинистов. Каждое четвертое письмо было за Сталина. Видимо, обстановка в провинции значительно отличалась от атмосферы в столице и больших городах. И то, что уже свободно печаталось в столице, на периферии пробивалось еще с трудом.

Автор не только подвергся оскорблениям и нападкам, у меня начались и многие неприятности... И создавали их даже не твердокаменные сталинисты, а люди несколько иной породы, которых условно можно назвать — брежневцы.

Попытаюсь обрисовать этот тип как бы в одном лице.

БРЕЖНЕВЕЦ

Мы сидим с ним за одним столом друг против друга. Спокойно разговариваем. Я не питаю к нему лично ни малейших неприязненных чувств. Он старше меня, ему скоро на пенсию. Но нас разделяет не только стол... Между нами — пропасть.

— Нет, — говорит он, — если честно, если не хитрить, то я должен вам сказать — мне не нравятся ваши публикации о Сталине, совсем не нравятся. Нет, не подумайте, что я за Сталина. Хотя в юности верил в него, как в бога. Все верили. А сегодня я — за историческую объективность и справедливость. Когда на XX съезде партии был разоблачен культ личности, то, конечно, я был потрясен, однако, разумеется, приветствовал такое разоблачение. Но когда впоследствии имя Сталина было полностью вычеркнуто из истории, пошло сплошное очернение его, когда даже великая сталинградская битва стала именоваться битвой на Волге, меня это возмущало до глубины души. Подобное очернение происходит и сейчас, и вы со своими публикациями тоже в этом участвуете. Потому мне и не нравятся, извините, ваши публикации. Я считаю, что объективная оценка деятельности

Сталина была достигнута во времена Брежнева. Давалась положительная оценка заслуг Сталина и вместе с тем говорилось о его ошибках и преступлениях. Но ныне и Брежнева чернят без конца и изо всех сил. Как будто он во всем виноват.

— Вы считаете, что это тоже несправедливо?

— Вот именно. Так и считаю. В оценке деятельности Брежнева должна быть тоже историческая объективность и справедливость. Надо не только чернить, но и отмечать положительное. Конечно, последний период деятельности Брежнева вызывает много нареканий. Зачем полезли в Афганистан? Зачем эти бесконечные награды, словоблудие, подхалимаж, эти его литературные труды, которые за него писали другие? Как могли допустить такую коррупцию, такие привилегии для верхушки? Но вместе с тем ведь было много хорошего. Вот вы говорите — «застой, застой». А была ясность, определенность, каждый знал, что ему делать и как себя вести. И порядка было больше: никаких забастовок, никакой национальной розни. А что сейчас? Кризис. Погибла социалистическая система, распадается Советский Союз. Гибнет партия. Грозит голод. Конечно, при Брежнев с продуктами было неважно, но такой разрухи даже в страшном сне не приснилось бы... Да и сам Леонид Ильич Брежнев, если отбросить последний, уже старческий период его работы — это ведь был авторитетный партийный работник, лидер, борец за мир, человек, искренне стремившийся к благу страны.

— Вас можно назвать брежневцем?

— Как угодно. Только хочу подчеркнуть: я не имею ничего общего с тем типом, который был распространен — типом бездельника, попавшего на высокий пост, взяточника — так сказать, «рашидовца» или «чурбановца». Нет, я — другой человек, я — труженик, и совесть моя чиста. Но при Брежнев я был уважаем, ценился. Да, я жил неплохо, имел некоторые и привилегии. Да, я тоже в какой-то степени «номенклатура». Но ведь все это было заслуженно. Я много работал, старался, потону и жил неплохо. Чувствовал себя на месте. Мне было ясно, что и как я должен делать. И в этом смысле я — брежневца. И уверен, что в будущем и Брежневу, и всему, что делалось тогда, будет дана правильная оценка.

С этим типом людей сталкиваешься на каждом шагу, он очень распространен. И у нас, в провинции, еще в силе.

Присмотримся к нему внимательнее... Собственно говоря, этот тип, а с ним и бюрократическая система в целом — все создано Сталиным. Но при Сталине бюрократу, аппаратчику при всех его привилегиях жилось неуютно, а подчас и страшно. Он в любой миг мог лишиться не только своих привилегий, но и жизни. С одной стороны, он был поставлен над народом, вознесен, входил в «элиту», но, с другой стороны, был ничтожен перед Сталиным и абсолютно бесправен перед самой системой.

По своему духу брежневцев полностью за бюрократическую систему, созданную Сталиным. Но, конечно, против произвола Сталина, его террора и деспотии. Отсюда — двойственность.

Брежневцы, как метко заметил один из западных авторов, «хотели бы жить, как при Брежневе, но чтобы народ жил, как при Сталине». Сам Брежнев в отличие от Сталина, кажется, был даже неплохим человеком, хотя и вызывал в последние годы своей власти полное неуважение и насмешки манией награждать себя орденами и присваивать себе различные премии.

Но дело не в самом Брежневе, а в системе в целом. Именно сталинская система, естественно и логично нашедшая свое продолжение в несколько видоизмененной брежневской, породила многочисленный тип функционера.

Он, на мой взгляд, особенно у нас в провинции, характеризуется рядом отличительных черт. И прежде всего это — человек средних возможностей, но занимающий социальное положение выше уровня своих способностей. Это социальное положение он получил при Брежневе, когда для успешной карьеры требовались не столько талант, незаурядность, оригинальность, сколько стандартность, «умеренность и аккуратность», не наличие ярких достоинств, а отсутствие недостатков (вернее того, что считалось недостатками).

Брежневцев — это человек-должность. Если лишить его должности, он теряет все, перестает как бы быть человеком. Потому он так заинтересован и в должности, и в системе в целом. Он интуитивно боготворит систему,

отождествляя ее с партией и советской властью, боготворит, как сталинист боготворил Сталина-отца. Он безоговорочно подчиняется начальству и требует безоговорочного подчинения себе. Любое инакомыслие приводит его в ярость. Он противник любых взглядов, не свойственных ему, и потому, по существу, противник демократии, хотя сейчас порой и рядится в демократические одежды.

У брежневца есть закономерные опасения, что в результате перестройки и демократизации его система рухнет и он лишится своего руководящего поста. А ведь он умеет лишь руководить (в его понимании этого слова) и больше ничего не умеет делать.

Такова, по моему мнению, «схема» брежневца. Конечно, любой конкретный человек сложнее «схемы». Но для людей подобного типа полное разоблачение сталинизма и брежневизма невыгодно. Для них такое разоблачение — крах, личная трагедия.

И хотя брежневцы, как правило, не вели открыто идейных споров, на деле они выступали против тех, кого стали называть демократами. Произошло столкновение двух тенденций — авторитарной и демократической: одна — за диктатуру (или различные ее варианты), другая — за демократию.

Первоначально казалось, что противников демократии даже большинство. И тут нечему удивляться: миллионы людей выросли в условиях диктатуры и склонны считать, что демократизация несет с собой одни беды. Сталинисты полагают, что страну спасет лишь «твердая рука». Брежневцы, конечно, против единоличной деспотии, они за обновленную «коллегиальную диктатуру» клана (как это было при Брежневе), им тоже нужен «порядок», сохраняющий в целом систему.

Антисталинизм — это демократия, правовое государство, собственно — перестройка. И последовательно выступать против сталинизма, на мой взгляд, означает на деле вести борьбу за демократию. Так я вернулся к своей работе, еще не зная, что мне предстоит.

...И ПИСАТЕЛИ

А предстояло неожиданное и потому особенно неприятное. К противникам моей работы присоединили авторитетный голос и вологодские писатели. Справедливости ради следует сказать, что В. Белов, А. Романов, В. Ши-

риков (он был в 1988 году ответственным секретарем вологодской писательской организации) отнеслись к моему повествованию с заинтересованностью и, хотя во многом критиковали меня и расходились со мной, в целом даже оказали мне поддержку. Но есть в Вологде «беловцы», которые более роялисты, чем сам «король». Позиция их очень своеобразна: они и против Сталина, и против демократии, при этом присваивают себе право говорить «от имени народа».

К этому времени уже вторая часть «Тени генералиссимуса» печаталась в «Вологодском комсомольце», вызывая множество эмоций. И сталинисты выдвинули против меня новое обвинение: мол, Аринин пишет все это ради личной наживы. Тогда я публично отказался от гонораров за эти публикации и просил переводить их отныне не мне лично, а на счет фонда будущего памятника жертвам сталинизма.

Однако нападки на меня не прекратились. В газете «Красный Север» (где я работал тогда) появилась статья одного из вологодских писателей, направленная в мой адрес. В ней, в частности, говорилось:

«Пока мы живем не так, как нам надо. Как сделать лучше? Этот вопрос не занимает литераторов-разрушителей. Искать выход из трудного положения им даже и в голову не приходит. Они усвоили для себя выигрышную тему ниспровержения бывших авторитетов. Повествуя о трагических явлениях сталинской и послесталинской поры, они повторяют друг друга, открывают одни и те же сюжеты. В большинстве своем это поверхностная, щекочущая по читательским нервам литература. Честный писатель никогда не смешает свой голос с победными криками тех, кто воюет с поваленными врагами. Особенно неприятно, когда автором разудалого опуса является перестроившийся из заурядного в храброго человека посредственный литератор.

И все-таки, кто же имеет особое право на воспроизводство трагических фактов нашей истории? Да только тот, кто прошел через них. Или знает об этих фактах, как человек глубоко компетентный. Примером тому — Варлам Шаламов, вологжанин, величайший поэт и прозаик, мученик, за плечами которого 17 лет лагерей. Примером тому — Николай Рубцов, кто любил нашу Вологду, как, быть может, самое сердце России, но был не понят и уничтожен временем, в котором господствовали безверие и цинизм».

Статья называлась «С честным лицом». Автор ее С. Багров хотел сказать, что у него — «честное лицо», а вот у «перестроившегося из заурядного в храброго человека» Аринина — лицо нечестное.

Не знаю, чем руководствовался автор статьи, когда апелировал к фамилии Рубцова, но что касается Шаламова, то он действительно прошел сквозь ад сталинских репрессий. Однако не могу не сказать, что первые публикации о нем в вологодской печати принадлежат именно моему перу, и не заметить этого было невозможно.

Появление статьи Багрова было для меня серьезным предупреждением перед возможными последствиями. На меня ополчились многие власть или влияние имущие, я стал своего рода «персона нон грата». И лишь каким-то чудом не был уволен с работы. Правда, меня разжаловали, переведя в литсотрудники отдела информации... Причины, разумеется, назывались другие. И было много сделано, чтобы эта книга не вышла...

* * *

Признаюсь, был момент, когда я чуть не прекратил работу над книгой. Но мне помогли преодолеть слабость мои единомышленники. Они звонили мне по телефону, присылали письма, множество писем с выражением понимания, поддержки, признательности.

Юная вологжанка Майя Струкова написала мне так: «Наверное, В. Аринин подумал: «А не будут ли меня преследовать и ругать?» Но мы не должны трусить. Теперь каждый человек должен смело высказываться». И хотелось сказать: «Молодец, Майя! Спасибо, Майя!»

Ко мне все время поступали рукописи людей, переживших сталинщину. Их не печатали ранее, и я должен был сделать все, чтобы эти свидетельства стали достоянием гласности.

Так я вернулся к своему повествованию.

Глава 3

СТАЛИНЩИНА НА ВОЛОГОДЧИНЕ

И снова началась напряженная работа... Я писал трагедию. По существу написанное мной ничем иным быть не могло. Притом все это — вологодская трагедия, создававшаяся на местном материале.

Никто и никогда в Вологде в полной мере этим не занимался. И осмыслить весь этот материал, даже когда гонения прекратились, психологически было тяжело: душа не выдерживала.

Еще не раз хотелось все это оставить, уйти в сторону. Но я уже не мог этого сделать, так как все более и более входил в свою главную тему — о годах сталинщины на Вологодчине.

ТИФОЗНЫЙ ХРАМ

Невольно возникает параллель между вологодской ссылкой десятых годов и сталинского времени.

Не собираюсь, понятно, приукрашивать то, что было до революции. Вологда в начале нынешнего века была превращена в «подмосковную Сибирь». Это означало, что на территории Вологодской губернии находилось несколько десятков политссыльных. Число это колебалось, но резко не возрастало.

За политссыльными существовал полицейский надзор, их права были ущемлены. В определенных случаях их могли подвергнуть аресту. Так и Сталин однажды просидел под арестом три дня.

Но при этом политссыльные получали пособие из казны — 7 рублей 40 копеек в месяц. Конечно, скудная сумма, но обратим внимание — правительство считало своим долгом, хотя и немного, но платить политссыльному. Притом, политссыльный мог еще и работать, если хотел. Как известно, Сталин не работал: вероятно, не хотел.

Таковы были условия царской ссылки. А посмотрим, что собой представляла вологодская ссылка в сталинское время...

Начну с 1930 года, хотя следовало бы говорить о ссыльной Вологде еще двадцатых годов. Но это — особая большая тема.

1930 год — вершина трагедии русского крестьянства, оставившей заметный след и в истории нашего города.

Вот один из архивных документов... Из резолюции Северного крайкома ВКП(б) от 1 апреля 1930 года: «Утвердить план размещения кулацких семей: Архангельский округ — 23,6 тысяч, Вологодский — 15 тысяч семей... Севкрайком ВКП(б) считает, что в основу расселения должна быть положена сельскохозяйственная колонизация преимущественно необжитых и слабо заселенных районов... Признать необходимым отпускаемое для них минимальное питание...»

Слово-то какое — колонизация! Оно возникает «из политики ликвидации кулачества как класса и решительного подавления противодействия кулачества и контрреволюционных элементов деревни» (это уже из другого постановления Севкрайкома).

И начинают поступать в Вологду спецпереселенцы. Они идут потоком из Оренбургской, Киевской, Одесской, Полтавской, Курской и многих других губерний. И начинается «колонизация». Возникает даже странное учреждение — Вологодская колонизационная партия.

Вот некий архивный документ от 14 июля 1930 года: «Настоящим Вологодская колонизационная партия сообщает, что гор. Вологда является центром пересыльных пунктов спецпереселенцев Северного края, которые следовали в разные округа».

Итак, Вологда — центр «колонизации». А что за всем этим?

Перехожу, к рассказу очевидца — известного вологодского медика, почетного гражданина Вологды, профессора В. В. Лебедева (ныне покойного). Вот что он мне рассказал:

«Когда началась кампания по раскулачиванию, Вологда оказалась пересылочным пунктом для раскулаченных. Их скопилось в Вологде множество. Вероятно, речь шла о тысячах и тысячах. Особенно много было украинцев. Их высылали далее, на север, в самые глухие, необжитые и гиблые места, а временно расселяли в вологодских церквах, большинство которых уже было закрыто для богослужения.

Там были построены нары, и людей битком набивали в церковные помещения.

И вспыхнул тиф. Началось страшное...

Вызывают меня тогда в губернское ГПУ, и начальник говорит мне: «Не ликвидируешь тиф — расстреляю».

Я пошел к одной из церквей вместе с гэпэушниками. Стоит у церкви охрана. А за дверьми — стон и крик. Открыли двери. А там — ад. Больные, здоровые, мертвые — мужчины, женщины, старики, дети. И живые кричат криком и тянут к нам руки: «Воды! Воды!». Много видел страшного в жизни, а такого не видел. И не выдержал, заплакал. А помогать-то как-то надо. Вернулся я к начальнику, чтобы доложить о виденном и попросить помощи. Не успел я ему все это рассказать, как приводят к нему в кабинет молодую украинку, очень красивую. И докладывают: «Вот, поймали. Бежала в третий раз». А он говорит: «Значит, расстреляем. Указ такой есть: за третий побег — расстрел». Я начал просить за нее. А он наставляет на меня револьвер и орет: «Ах ты, мать-перемать, контра... Да я тебя самого сейчас на месте расстреляю». Я испугался, вижу — он весь кровью налился, вижу он — больной, явно нервно-больной, на лбу у него жила вздулась. И я снова заплакал уже от бессилья и страха... А потом, как в бреду, пошел с тифом бороться... Да, с тифом мы все же постепенно справились. Правда, людей погибло — тьма.

Конечно, я не мог дословно запомнить рассказ профессора, но он врезался мне в память, и я стремлюсь передать его как можно точнее. И облик тифозного храма стал для меня страшным символом.

Рассказ профессора Лебедева дополняют письма многих вологжан, приславших мне свои воспоминания. Приведу отрывки из них...

Вологжанка М. В. Базова вспоминает:

«Я живая свидетельница сталинских репрессий и жестокостей периода сплошной коллективизации. В 1929 году мы жили у родственников на нынешней улице Маяковского, напротив церкви. Все, что происходило около нее, видно было как на ладони. В эту церковь, как и в другие, привозили раскулаченных украинцев. Среди них было много женщин, подростков и детей. Их никуда не отпускали, кроме как на луг около церкви. Сырое, холодное помещение было не приспособлено для жизни большого числа людей. Они сидели на полу, нар не хватало, освещение скудное. К нам приходила старушка (такой мне казалась эта женщина) за милостыней и какой-либо одеждой. У нее было трое детей: дочь 16 лет, два сына по 11-12 лет. У дочери что-то случилось с ногами, и она не могла ходить. Мать потому и отпускали, что она никуда не уйдет от детей.

Спросили мы у нее, а за что выслали, а она сказала, что муж никакого преступления не совершал, в хозяйстве были лишь корова, поросенок и другая живность, был и хороший сад. Считала себя ни в чем не виновной.

Их отправили в лагерь на станцию Плесецкая. Я знаю об этом, потому что она еще раз приезжала в Вологду и заходила к нам за тем же. Говорила, что ребята ее два раза из лагеря убегали, но их ловили и возвращали обратно.

Уже в те годы я была убеждена, что это была очень большая несправедливость, особенно по отношению к женщинам и детям. Это убеждение осталось навсегда.

Невероятно тяжелую обстановку конца двадцатых-начала тридцатых годов вспоминает и вологжанин Глебов. Он пишет:

«Начиная с 1929 года в вологодских деревнях началось раскулачивание, выселение. В Вологде появились люди, лишённые избирательных прав и продовольственных карточек. Город переполнили ссыльные, большинство с Украины. Был голод, особенно в 1933 году. Пустовавшие церкви были забиты ссыльными, женщины и дети содержались вместе с мужчинами. На окнах церквей были решетки и приколочённые доски, и нередко мы видели, как сквозь них протягивались детские ручонки, просившие хлеба. А хлеба в городе не было. Рано утром из церквей выносили трупы. Особенно высока была смертность в церкви Благовещенья, которая стояла между улицами Клары Цеткин и Батюшкова. Сейчас ее нет. Страшные сцены происходили и на вокзале. О себе я вспоминать не буду, это очень грустная, трагичная история, не хочу душу ворошить. Кратко скажу, был репрессирован в 1937 году, реабилитирован через 40 лет в 1977 году. Главное, что остался жив, этим все сказано».

Ю. Ф. Дмитриевский из деревни Морозово Верховажского района пишет:

«Я культ Сталина и его опричников на местах испытал на своем горбу. Многолетний, искусно созданный голод, страшная деревенская нищета — без хлеба, одежды и обуви, подростковый и детский труд в колхозе, несправедливые жестокости к родителям нашим — загон в колхозы с помощью нагана, непосильные налоги и «твердые задания», выявления и довыявления «кулаков-мироедов», а их в наших местах не было. И быть не могло. По ленинским декретам передел земли в 1920—1921 годах был по самому справедливому, демо-

кратическому, гуманному принципу — по членам семьи, по едокам. А при Сталине под видом кулаков угонялись в далекие края вместе с семьями и с малыми детьми обыкновенные трудолюбивые и умные крестьяне».

Старый воложанин В. В. Сизов вспоминает:

«В нашей деревне в 1932 году раскулачивали двух зажиточных крестьян (кулаков тогда уже не было). Сказать, что зажиточные, по сегодняшним временам даже смешно. Лишние две пары овец, десяток кур, два плуга, три-четыре старых венских стула. И все это «лишнее» у некоторых крестьян было потому, что они не пили и не курили, трудились дни и ночи.

А раскулачивание провели активисты, которые постоянно пьянствовали, вечерами играли в карты, не хотели по-настоящему трудиться. По указанию сельского Совета, у этих «зжиточных» конфисковали все «лишнее» и продали с молотка на торгах. Выгребли из амбаров зерно, не оставив хозяевам на посевную и на пропитание. Тяжело было смотреть, как работяга Калистрат Маслов плакал, когда у него выгребли добытое трудом и потом зерно. Оба крестьянина были участниками гражданской войны. У одного из них сын служил в Красной Армии».

Приведу еще рассказ заброшенного в те годы на Вологодчину украинца Малько:

«Родом я из деревни Савицы с Полтавщины. Мой дед Тимофей Филиппович Малько — полный георгиевский кавалер, участник русско-турецкой войны, приведшей к освобождению от турок Балкан, имел за храбрость личный подарок генерала Скобелева — именную саблю. Потом всю жизнь крестьянствовал. И отец крестьянствовал, и мы с братом иной доли себе не мыслили. Были мы середняками, имели четыре десятины земли. Когда начались притеснения во время коллективизации, дед надел на грудь свои георгиевские кресты и пошел в сельсовет выяснять, что же происходит. Председатель его слушать не захотел, а сорвал с груди кресты и выбросил их с криком: «Ах ты, царский крестonosец!» Дед заплакал, пришел домой и слег. А вскоре нас раскулачили. Большого деда оставили дома. А нас — отца, мать и троих детей — со множеством других раскулаченных погрузили в нетопленные телячьи вагоны и повезли. Обращение с нами было бесчеловечным. «А чего вас жалеть, — говорили энкэведешники, — кулачье». Еще в

пути стали многие умирать от голода и холода, особенно дети.

Привезли нас в Вологду. Здесь был сборный пункт в церкви Благовещенья, нары в пять рядов. Смертность была чудовищной. Но наша семья как-то еще держалась.

Весной нас увезли за Семигороднюю. Здесь в полутора километрах от станции были наскоро построены в лесу бараки, на нарах — хвоя, холод — как на улице. Через неделю, как мы прибыли, умерла сестренка. Опустили гробик в могилку, а она полна водой, и гробик все время всплывал, будто сестренка зарыть себя не дает. Мужики начали кольями бить по гробику, топить его. А мама, видя все это, поседела у нас на глазах.

Вскоре мы с братом убежали к себе на Украину. Добрались до родных мест. А там голод невероятный, страшный голод. Благодатные места, хлебные, фруктовые... Всегда хлебом и другими продуктами торговали. А коллективизация все разрушила. Дед умер с голода... Как мы выжили, не знаю... Вернулись с братом обратно на Север.

Тяжелую жизнь прожили — про все не рассказать. И будь во веки веков за все эти наши муки проклят Иосиф Сталин».

И еще одно письмо от Вениамина Константиновича Башкирцева из Вожегодского района, Нижне-Слободского сельсовета. Вениамин Константинович пишет:

«Прочитал в газете материал, в котором говорится о том, сколько завезено и планируется еще завезти семей на село в Вологодскую область из разных мест. И горько мне стало. Решил поговорить начистоту. Напишу, может, и не красноречиво, но сущую правду. Вот мы сейчас завозим в наши деревни из разных мест семьи, а сколько было выгнано со своих земель в тридцатые годы коренных жителей, которые вели сельское хозяйство... Только в Нижне-Слободском и в Мишутинском сельских советах от 150 до 170 семей были объявлены кулаками. Но откуда могло взяться столько кулаков? Ведь земля была разделена по едокам. И лишь пьяницы и лодыри могли быть бедняками. А раскулачивали лучших тружеников, кто трудился от зари до зари. Только в деревне Ереминская раскулачили около тридцати семей. Хватило лиха да слез. Начали людей забирать. Приезжают ночью и увозят неизвестно куда. Каждое утро страшная новость: «Забрали Федора»,

«Увезли Николая...» Люди побежали через леса и болота — куда попало. Наш сосед Иван Николаевич с женой ночью открыли двор, выгнали корову, овец и вместе с детьми ушли за десять километров до реки Кубены, сбили плот и уплыли до Харовской, где и поселились. Так и выжили.

А другие люди? Жил у нас в деревне до 1932 года старичок Матвей Иванович, ему было за восемьдесят. Его раскулачили за четыре месяца до смерти, но не увезли. А увезли в марте 1932 года его сына, он сидел в Вологде до августа. На него была написана анонимка, только в ней — ни слова правды. Сын вернулся домой, а сельсовет все его имущество уже распродал. Жена умерла, и осталось у него на руках четверо голодающих детей. Он забрал детей и подался с ними в Верховажский район, где много еще было единоличников. Там просили милостыню — так и кормились. В колхоз их не принимали, работы не было. Отец от переживаний умер. Кормилицей осталась старшая дочь Нина. Но на нее, как на внучку кулака, наложили «твердое задание» — и деньгами, и продуктами. Ей это было не выплатить и грозила тюрьма. Она спряталась в подполе и просидела там около года. Потом вышла на свет, думала — про нее забыли. А ее забрали, и два года она просидела в тюрьме в Вологде.

Некоторые говорят, что в сталинские времена была дисциплина. Да, в те времена людей приучили молчать и бояться. Но сколько покалеченных жизней... И не рассказать, не описать всего».

Вологжанин М. Н. Кузнецов, более подробные воспоминания которого составляют вторую часть этой книги, прислал на мои публикации такой отклик:

«В публикациях Аринина предпринята попытка предать гласности произвол, творившийся сталинистами в Вологде и нашем крае. Но автор предал гласности немного, и он не мог большего сделать. Основные преступления тех лет еще находятся в тайне. Но то, что им начато и что сделано, это большое и нужное дело. Я тоже хочу кое о чем рассказать...

В начале тридцатых годов я работал в Вологде, а потом в Архангельске на партийной работе. Был свидетелем и сопричастником к происходившему в те годы. Порой делалось страшное.

Лето тридцатого года в Вологде: жара, сухость, пыль. Город был превращен в перевалочный пункт в

кампании ликвидации кулаков на Кубани и юге России. Массой сосланных людей были до отказа заполнены монастыри: Духов, Прилуцкий, Заоникиевский и бывшие склады вологодских купцов, особенно на улице Урицкого.

Все эти люди были в изодранной одежде, грязные, голодные, истощенные. Среди них было много стариков и детей.

Купить в то лето в Вологде было нечего. В столовых тех лет кормили только супом из крапивы и салатом из капусты. Среди массы ссыльных была большая смертность. Особенно много находили умерших в Прилуках. Там лежали тела под стенами монастыря и в канавах.

В зиму 1930 года всю эту массу людей перевезли в леса. Сколько их там выжило, сколько погибло, неизвестно.

Что касается меня лично, то я в 1937 году в заключении содержался со многими вологжанами и архангелогородцами.

В апреле 1938 года в Вологду прибыл суд Военной коллегии во главе с Матулевичем. Он был одним из заместителей палача Ульриха, занимавшего пост председателя Военной коллегии. В Вологде проходили массовые расстрелы. Сколько осталось в живых после суда, не знаю.

Все же я остался живым. Прошел дороги тюрем и семнадцать лет Колымы и встретил только трех человек живыми после этого суда.

Мне не раз приходилось слышать от многих, что в Вологде остались три братских могилы расстрелянных. Где они и сколько в них было захоронено, мне неизвестно».

Прошу обратить особое внимание на трагичнейшую страницу в истории нашего города: в 1938 году, в апреле, Вологда стала местом массового уничтожения репрессированных вологжан и архангелогородцев. Видимо, это был пик убийств в нашем городе, и о том мы должны знать. Запомним время этой вологодской трагедии — апрель 1938 года...

* * *

А сколько вологжан было раскидано по всей стране и погибло в разных концах ее. Среди них и уроженец

деревни Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне территория Вологодской области), выдающийся крестьянский поэт Николай Клюев, объявленный кулацким поэтом. И это был его смертный приговор.

До последнего времени о смерти поэта Николая Клюева ходили противоречивые версии и слухи. Самой распространенной из них была версия о том, что поэт скоропостижно умер от сердечного приступа в Москве на вокзале. Во вступительной статье к избранным стихам Клюева, вышедшим в Архангельске в серии «Русский Север» в 1986 году, С. Куняев, в частности, писал: «О последних годах жизни поэта известно мало. Обстоятельства его смерти трагичны. Об этом написал Владимир Чивилихин в своей книге «Над уровнем моря»: «...на вокзале осенью 1937 года умер от разрыва сердца большой и сложный русский поэт Николай Клюев. Его чемодан с рукописями исчез, и пока никто на свете не знает, что написал Клюев в последние годы своей путаной и таинственной жизни».

Но оказалось, что это — ошибочные сведения. Время внесло свои поправки. Стали известны и обстоятельства последних лет жизни и смерти Николая Клюева. Опубликованы подборки его стихов, неизвестных ранее, поэма «Погорельщина». Поиски приносят все новые находки. Но не найдена его главная поэма «Песнь о Великой Матери», в которой, по словам критика А. Азодовского, «Клюев описывал, как баржи с раскулаченными, с трупами женщин, стариков и детей шли по Волге».

Теперь мы знаем, что происходило с самим поэтом в ту пору. Он был арестован в Москве 2 февраля 1934 года. За что? Якобы за «кулацкую пропаганду». Последовали — тюрьма, тяжеленные этапы, ссылка. «Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть, — писал Клюев писателю С. А. Клычкову. И далее: — Я — голый, даже без шапки, в чужих штанах, потому что все мое выкрали в общей камере шалманы. Подумай, родной, как помочь моей музе, которой зверски выколоты провидящие очи?!»*.

Он голодал, болел, подвергался множеству унижений. «Помогите!» — этот отчаянный крик звучит в письмах поэта, которые он писал многим известным лицам в Москву, писателям, художникам, музыкантам. Но,

---

* Новый мир. 1988. № 8.

увы, они не могли помочь. Единственно, чего удалось добиться — это перевода Ключева в Томск (октябрь 1934 года).

Тщетны были просьбы поэта в правительство о помиловании (хотя, собственно, в чем помиловать — никакой вины за ним не было). В отчаянии Ключев писал: «Признаю и преклоняюсь перед Советовластием как единственной формой государственного устройства, оправданной историей и прогрессом человечества!

...Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми ее директивами и бессмертными трудами!

...Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!»

Невозможно осудить Ключева за подобные признания, ибо пожилой, больной человек был замучен, истерзан, казался сломленным. Однако когда он был арестован вновь и подвергся смертельной уже опасности, то проявил твердость духа и мужество и никакой вины за собой не признал. Это стало ныне известно в результате поисков томского «Мемориала», председатель которого Л. Питурин рассказал о гибели поэта в местной газете*. Выяснилось, что Ключев был арестован в Томске 5 июня 1937 года. При аресте у него были отобраны рукописи стихов, которых мы, вероятно, уже никогда не узнаем.

Первый допрос поэта состоялся 6 июля 1937 года, речь шла на нем о поэме «Погорельщина». На втором допросе 9 октября 1937 года Ключеву было предъявлено «обвинение». Его объявили «активным сектанским идеологом повстанческой организации Союз спасения России». Такой организации на самом деле не существовало, но это не имело для местных подручных Ежова никакого значения. Л. Питурин в своей статье пишет: «К чести Николая Алексеевича виновным он себя не признал. Более того, когда в конце допроса ему был задан вопрос о том, что он может правдиво сообщить об организации (читай: кого он может оболгать и оклеветать), Ключев отказался от дальнейших показаний. В тот же день ему было объявлено о завершении следствия, а 13 октября 1937 года «тройка» управления НКВД вынесла постановление о расстреле Ключева... В документе о приведении приговора в исполнение, под-

---

* Красное знамя. 1989. 17 февр.

писанном какой-то неразборчивой закорючкой, указано, что расстрелян он 23-25(?) октября 1937 года.

И невольно возникает образ окровавленного, расстрелянного поэта из его стихотворения, написанного им еще в начале тридцатых годов:

Мои рыдания, пальцев хруст
Подслушал жимолости куст.
Он, содрогаясь о поэте,
Облился кровью на рассвете.

«ЛЕГКО, ПОЧЕТНО И ПРИЯТНО»

Не берусь утверждать, какой год был страшней — 1930-й или 1937-й, когда погибло людей больше. Горе не сравнивают.

Возможно, число жертв 1930 года, когда без жалости уничтожалось крестьянство, было наибольшим. Но 1937-й год по своей вакханалии убийств, беспрецедентным призывам к расправам, по психологическому вовлечению в эти кровавые расправы масс не имел ничего подобного в отечественной истории. Страна была охвачена безумием расправ. Казалось, в ней идет новая гражданская война. Никогда газеты в стране не писали столь откровенно, кошмарно, дико — «выявим», «разоблачим», «уничтожим», «расстреляем», «разобьем головы», «вырвем с корнем», «поставим к стенке», «ликвидируем» и прочее.

Перелистаем областную газету «Красный Север» за это время. Посмотрим, что мог узнать из нее вологодский читатель в 1937-38 годах.

В стране уже повсеместно царит обстановка культа личности. Разумеется, то же самое происходит на Вологодчине.

В каждом номере газеты «Красный Север» — имя Сталина, его портреты.

«Красный Север» за 2 ноября 1937 года. Трудящиеся колхоза «Активист» Вологодского района выдвигают Сталина кандидатом в депутаты Совета Союза. Газета печатает речь старого колхозника И. Н. Власова: «Сегодня радостный и счастливый день не только для меня, 73-летнего старика, но и для всех собравшихся здесь колхозников... Я выдвигаю нашего отца, учителя и друга Иосифа Виссарионовича Сталина». Обратите внимание, 73-летний старик называет Сталина (ему нет еще шестидесяти) отцом!

На другой странице в газете сообщение о том, что по Вологодскому избирательному округу кандидатами в депутаты Совета Союза выдвинуты Сталин, Молотов, Каганович, Ежов.

Рядом — заметка: «Глухонемые живут радостной жизнью» — о совещании в обществе глухонемых. Ныне она звучит как зловещая пародия. В ней, в частности, читаем: «Глухонемые — полноправные граждане СССР. Они живут радостной, полноценной жизнью... Выступавшие на совещании проклинали троцкистско-бухаринских мерзавцев, пытавшихся восстановить капитализм в нашей стране». И рядом — вот парадокс — большой портрет молодого Н. С. Хрущева с подписью «Член Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР — Никита Сергеевич Хрущев». Никто, конечно, да и сам он в то время не мог предположить, что именно ему предстоит сыграть решающую роль в развенчании «культа личности».

«Из номера в номер в «Красном Севере» печатаются звучащие как приговор материалы о разоблачении «врагов народа» на Вологодчине. Повсюду — «враги», «агенты», «фашистские наймиты», «изверги», «троцкисты», «бухаринцы». Они, оказывается, имеются и в партийных органах, и потому следует «разоблачать и уничтожающе громить врагов народов, орудовавших в бывшем Северном, а теперь Архангельском и Вологодском обкомах и Вологодском горкоме партии».

«Красный Север» печатает материалы о так называемых процессах, проходивших в то время в нашем крае. Вот некоторые выдержки из этих материалов. Начну с Чебсары:

«Чебсарский район — один из основных сельскохозяйственных районов Вологодской области... Этот район, в недавнем прошлом бывший отсталым в хозяйственном и культурном отношении, теперь имеет на своей территории две МТС, 197 колхозов, крупный совхоз... 78 школ, районный клуб, звуковое кино, радиоузел и т. д.

Однако при всех этих достижениях Чебсарский район далеко отстал от общих темпов развития сельского хозяйства области. Где коренная причина отставания?

На протяжении нескольких лет здесь орудовала контрреволюционная вредительская группа, состоявшая из работников райзо — ветврача Иеропольского, старшего агронома Никитинского и др. Все они — выходцы

из чужой среды. Эти подлые и грязные наймиты фашизма, злобные враги народа нанесли серьезный урон сельскому хозяйству района...»

Читаем следующие номера...

«Суд допрашивает главаря шайки вредителей — Иеропольского, бывш. старшего ветврача Чебсарского райзо. Когда председательствующий, члены суда и государственный обвинитель задают вопросы и приводят конкретные факты вредительской деятельности Иеропольского, он, как гадина, извивается, пытается увильнуть, замести следы своих злодеяний.

Председательствующий зачитывает показания Иеропольского, данные им на следствии. На 30 листах, скрепленных тридцатью подписями Иеропольского, подробно рассказывается о фактах вредительства...

Вредители организовали падеж молодняка: сливали молоко бруцеллезных коров со здоровыми и поили телят, кормили телят жмыхом, вредительски строили скотные дворы и т. д.»

И наконец сообщается:

«Специальная коллегия областного суда приговорила Иеропольского Л. А., Никитинского В. А., Якимиха М. Х., Распутина В. М., Забияко В. Г., Вахрамеева Г. А., Хрусгалева П. И. и Ширикова А. Н. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу...»

И далее: «Трудящиеся Чебсарского района с полным одобрением встретили приговор суда...»

Можно себе представить психологию этих несчастных людей, которые еще вчера были уважаемы, трудились, имели семьи, а теперь попали в ад: их допрашивают, пытаются, добиваются под пытками их признаний, судят, родственники отказываются от них, знакомые и сослуживцы гневно требуют их расстрела...

Вот газетное сообщение о суде в Никольском районе над «троцкистско-бухаринскими выродками» и «никольскими фашистами»:

«Прокуратура Вологодской области закончила следствие по делу троцкистско-бухаринской контрреволюционной вредительской группы, в течение нескольких лет творившей свои грязные дела в Никольском районе. Троцкистско-бухаринские выродки: Уткин, Церковников, Амосов, Помелова, Куклин, Елизаров и другие, пробравшись на высокие посты, всячески пакостили советскому государству.

Оголтелые мерзавцы держали курс на дезорганизацию хозяйственной и культурной жизни района...

Жуткие дела творились в никольских деревнях зимой, в период лесозаготовок. Уполномоченные по вербовке лесорубов врывались в дома колхозников, поднимали мужчин с постели и принудительно отправляли на лесозаготовки.

Перечисленными преступлениями не исчерпывается вредительская работа никольских фашистов. Материалы следствия приводят еще десятки гнусностей и мерзостей самого похабного, самого отвратительного свойства...»

И тут же — «голос народа»:

«Мы, колхозники колхоза имени Красной Армии Краснополянского сельсовета, узнав о процессе над врагами народа Уткиным и другими троцкистско-бухаринскими бандитами, просим специальную коллегия приговорить этих гадов к высшей мере наказания. В ответ врагам мы все выходим в лес, обеспечим к дню выборов в Верховный Совет СССР выполнение сезонного плана лесозаготовок на 100 процентов.

По поручению собрания — Слепухин».

Возникло «дело» и в Вологодском пединституте. Его директор Н. Воскресенский писал в июле 1937 года в статье «Враги народа на вузовской кафедре» о том, что троцкистская и бухаринская мразь долгое время вела в институте вредительскую работу и что теперь враги народа разоблачены, арестованы и во всем сознались. Это — бывший директор института Шишкин, его заместитель Бушля, бывший директор заочного института Паршинский, бывшие работники — профессор Головаленко, зав. кафедрами Григорьев и Шевелев, преподаватели Бузук, Ватолин, Чуев, Сиземский, Краснов, Лапин... Вот сразу сколько врагов! В статье еще не указывается, что были произведены многочисленные аресты и среди студентов. И некоторые из них (в том числе и девушки) исчезли бесследно.

А в статье А. Берсенева «Ликвидировать последствия вредительства в органах народного образования», напечатанной к началу нового учебного года, говорится, что «враги народа» проникли в гороно и многие школы. В частности «...до тяжелого состояния довели враги народа 22-ю среднюю школу. В прошлом году дисциплина там была развалена. 141 учащийся был оставлен на осенние испытания, имеется 93 второгодника». И потому «нужно выкорчевывать и уничтожать корни вредитель-

ства... руководствоваться указаниями товарища Сталина».

А что же Сталин? Он говорит, что Сталинская Конституция «не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав...»

Каковы были эти средства, испытали на себе миллионы невинных людей. И кажется мне, что сквозь пожелтевшие газетные страницы проступают и расплываются пятна крови...

* * *

Именно в 1937 году, 8 ноября, в Вологде открылся музей Сталина. Казалось бы, это должно быть преподнесено как исключительно радостное событие. Но заметка об этом, опубликованная в «Красном Севере», носит обескураживающее название — «Притупление революционной бдительности».

В ней говорится:

«Восьмого ноября в Вологде, в доме № 41 по улице Осоавиахима открылся музей И. В. Сталина.

26 лет назад в этом доме жил, отбывая царскую ссылку, вождь народов товарищ Сталин. В четырех комнатах верхнего этажа размещены отделы музея, отображающие детство Сталина, его революционную работу в Закавказье и годы ссылки на Севере. Наиболее полно освещен период вологодской ссылки.

В экспозицию включены фотокопии подлинных документов, обнаруженных в архивах бывшего вологодского жандармского управления...

Небольшая комната, которую занимал товарищ Сталин, реставрирована. В ней простая железная кровать, рабочий столик, этажерка, табуретка и скамейка, составлявшие обстановку комнаты в 1911—1912 годах.

Открытие музея товарища Сталина в Вологде имеет исключительное значение...

Трудящиеся Вологды с огромным интересом встретили открытие музея. Несмотря на то, что работники горкома партии и гороно, не поняв, видимо, значимости организации музея, не удосужились даже по-настоящему объявить населению об этом огромном мероприятии, за первые три-четыре дня этот маленький домик посетили свыше тысячи человек. Музей товарища Сталина

в Вологде, в городе, где великий гений трудящегося человечества пребывал дважды, имеет все возможности быть и должен быть образцовым музеем. Однако преступно безответственно подошли к делу организаторы музея. Почетная и ответственная работа по организации музея работниками горкома партии Дербиневым и зам. зав. горно Берсеновым была передоверена случайным людям, в числе которых оказался чужак и проходимец Федышин...

На политическое недомыслие и притупление большевистской бдительности, проявленные работниками, ответственными за организацию музея, не может не реагировать Оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области.

К. Сопов, Д. Рассказов».

И. Федышин, упомянутый в заметке, замечательный вологодский искусствовед и музейный работник, сохранивший от уничтожения множество первоклассных произведений древнерусского искусства в Вологде. Его имя навсегда вошло в историю нашего города. А тогда он был арестован, сидел, в лагере заболел открытой формой туберкулеза. И был выпущен по болезни...

Его сын Н. Федышин, продолживший в наше время дело отца, ставший известнейшим реставратором, рассказал:

— Наша семья жила в крохотной комнатке. Спали на полу, другого места просто не было. И однажды ночью отец, спавший рядом со мной, закашлялся, забился и... остыл. Он умер около меня...

Страшные последствия могла иметь газетная заметка в ту пору, когда в стране бушевала ежовщина.

* * *

Ежов... это имя во второй половине тридцатых годов звучало на всю страну.

В своей речи (напечатана в «Красном Севере» от 12 декабря 1937 года) нарком НКВД Ежов говорит, что ему свои задачи выполнять «легко, почетно и приятно».

А чуть раньше, 12 ноября, «Красный Север» заверил наркома:

«Вас, товарищ Ежов, за преданность партии и товарищу Сталину, за большевистские дела, за беспощадную борьбу с врагами народа любит вся страна, все, кому дороги интересы нашей родины и завоевания социалистической революции. Вы справедливо завоевали

любовь и уважение советского народа. И каждый честный гражданин нашей страны был бы счастлив отдать свой голос за Вас».

Как известно, Ежов сменил на посту наркома НКВД Ягоду. Когда в марте 1938 года начался процесс «анти-советского право-троцкистского блока», Ягода оказался на скамье подсудимых рядом с Бухариным, Рыковым и другими жертвами беззаконий.

Ягода признался во всем: в том, что снабжал Рыкова и Бухарина «секретными материалами», в том, что пытался организовать... отравление Ежова.

Какая трагикомедия! Кровавый театр абсурда: Ягода объявлен убийцей, предателем и преступником, Ежов возглавляет НКВД.

В наше время профессор Ю. С. Борисов пишет об этом человеке так:

«Мне доводилось встречаться с людьми, которые лично знали Ежова, работали с ним в одном аппарате. Общее впечатление этой фигуры весьма зловещее. Говорят о его низких моральных качествах, явных садистских наклонностях. Женщины, работавшие в НКВД, боялись встречи с ним даже в коридоре. Не исключено, что это был человек с какими-то серьезными отклонениями в психике. Собственно, это логично. То, чем он занимался, мог делать только человек, лишенный остатков совести, моральных принципов. Его конец был предрешен».*

Ежова расстреляли летом 1940 года. На авансцену террора вышла новая жуткая фигура — Берия, которого после многочисленных новых репрессий также ждал позорный финал.

По многомиллионному числу репрессированных СССР прочно удерживает рекорд в книге Гиннеса. Это число точно неизвестно (КГБ, Р. Медведев, А. Солженицын приводят разные цифры), но подобного массового уничтожения народа нигде никогда не было. Разве что геноцид Пол Пота в Камбодже был в процентном отношении еще выше (зловещий карлик Пол Пот в чем-то превзошел своих учителей — Сталина и Мао). Но в глобальном масштабе террор Сталина ни с чем в мире не сравним...

Невольно возникал вопрос — может, Сталин действительно был болен? Ведь поставил же ему великий

---

* Комсомольская правда, 1988. 2 апр.

психиатр Бехтерев диагноз — паранойя и поплатился за это жизнью. Но большинство исследователей ныне склоняется к мысли — Сталин действовал трезво, расчетливо, целенаправленно. И трудно не согласиться с Р. Конквестом, который пишет в своей известной книге «Большой террор», что «террористическая революция остается, как бы мы о ней ни судили, прежде всего, личным достижением Сталина».

«Террористическая революция» Сталина преобразовала в гигантскую тюрьму всю страну, и Вологодчина, место его дореволюционной ссылки, стала в тридцатые годы одним из огромных лагерей, хотя и несколько меньших размеров, чем Колыма или Воркута.

ВМН

Есть некая стыдливость и у палачей. Те, кто отправлял людей на смерть в годы сталинских репрессий, стремились избегать слова «расстрел», именуя его ВМН — высшая мера наказания.

Подобное было и у нацистов: они называли уничтожение людей «акцией». И хотя и те и другие были уверены в своей безнаказанности, все же пытались замести следы своих преступлений.

Так родственникам расстрелянных из НКВД сообщали фальсифицированные сведения о мнимых ссылках «без права переписки», о смертях, якобы, от болезней — с датами, поставленными наобум...

Эта главка о расстрелянных могла бы быть целой книгой. «Хотелось бы всех поименно назвать», — как писала А. Ахматова, но это невозможно. Поэтому я назову только некоторых из огромного скорбного списка подвергшихся ВМН.

Расстреляны в Вологде:

Чапурский Николай Христофорович, 1874 года рождения, бывший дьякон, беспартийный;

Горин Николай Дмитриевич, 1874 года рождения, кровельщик, беспартийный;

Шушнин Василий Михайлович, 1871 года рождения, плотник, беспартийный;

Воронин Василий Степанович, 1875 года рождения, детский парк, столяр, беспартийный;

Глаголев Сергей Сергеевич, 1865 года рождения, без определенных занятий, беспартийный.

Эти вологжане осуждены тройкой УНКВД 21 декаб-

ря 1937 года, в день рождения Сталина. Так сказать — подарок ко дню рождения вождя-людоеда.

Обратите внимание — расстреливали пожилых людей: слесарь Воронин расстрелян в 62 года, дьякон Чапурский — в 63 года, плотник Шушнин — в 66 лет. Однажды мне попало в руки дело о расстреле восьмидесятилетнего старика (фамилию его я, к сожалению, не запомнил).

А вот список расстрелянных женщин, бывших жительниц Кириллова:

Сибирякова Клавдия Петровна, 1882 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Юкалова Анна Ефимовна, 1876 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Егорова Анна Арефьевна, 1886 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Бочина Агния Ильинична, 1886 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Дичина Евдокия Тимофеевна, 1888 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная.

Все эти несчастные кирилловские женщины, домохозяйки в возрасте от 49 лет (Е. Т. Дичина) до 61 года (А. С. Юкалова), осуждены тройкой НКВД Ленинградской области 22 октября 1937 года и в тот же день расстреляны. Чудовищно!

И еще один список расстрелянных в Грязовце:

Лощенко Петр Кириллович, 1917 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Лощенко Михаил Кириллович, 1907 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Гагин Борис Петрович, 1914 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Гагин Андрей Петрович, 1909 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Беляевский Дмитрий Григорьевич, 1894 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, грузчик, беспартийный.

Таков итог работы тройки УНКВД в Грязовце за один день — 1 декабря 1937 года.

И эти кровавые списки можно продолжать и продол-

жать — по каждому городу, поселку, району. И так по всей стране...

* * *

Хотелось бы все же, чтобы была создана книга памяти убиенных. И позорная книга с именами палачей, которая открылась бы именем Сталина.

Глава 4 НЕЗАТУХАЮЩАЯ БОЛЬ

По воле обстоятельств автор стал в Вологде тем человеком, к которому уцелевшие, вырвавшиеся из сталинского ада и дожившие до наших дней люди понесли свои воспоминания, рассказы, исповеди, свои невыплаканные слезы, незатухающую боль. Они — последние из последних. И мой долг — помочь им облегчить душу, сохранить их живые свидетельства.

«ТЯЖЕЛЫЕ, КАК ТАНКИ...»

Рассказывает Л. М. Окунева

«Прошли сквозь молодость мою года тяжелые, как танки» — эти слова поэтессы Людмилы Татьяничевой в полной мере отражают мою судьбу, да и не только мою.

Еще при жизни В. И. Ленина я стала пионеркой. В годы первых пятилеток прошла путь от секретаря ячейки до работника Севкрайкома комсомола, а после учебы в Московском университете трудилась сначала в политотделе совхоза «Северная ферма», а затем — в Северном крайкоме ВКП(б).

С образованием Вологодской области осенью 1937 года мой муж, работавший тоже в Севкрайкоме партии, был переведен в Вологду и назначен замом заведующего сельхозотделом оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области. Еще в Архангельске я была очевидцем многочисленных арестов работников крайкомов партии и комсомола (В. И. Иванова, Д. А. Конторина, П. Королева и многих других). А приехав в Вологду, узнала, что первый секретарь оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области Григорий Андреевич Рябов, едва присту-

пив к своим новым обязанностям, тоже был арестован. И почти одновременно оказались арестованными несколько работников оргбюро, в том числе товарищи Акиньхов, Третьяков и другие. Чувствовалась тревога и недоумение по поводу происходящего, однако все увлеченно готовились к первым выборам в Верховный Совет СССР. Новый первый секретарь оргбюро Павел Тимофеевич Комаров доукомплектовал свой аппарат и включил всех в кипучую деятельность.

В день выборов царило торжественно-праздничное настроение, всюду — знамена, транспаранты, плакаты и множество портретов Сталина, которого мы любили до фанатизма, верили в его мудрость и непогрешимость.

А между тем «черный ворон» продолжал снова по городу, вырывать все новые жертвы вплоть до только что избранных депутатов.

В декабре 1937 года мой муж не вернулся с работы, а в час ночи на нашу квартиру явились двое работников НКВД и предъявили мне ордер на арест мужа и обыск.

Я привыкла верить действиям органов, созданных Феликсом Дзержинским, но не могла допустить и мысли о виновности моего мужа. Невероятно, чтобы сын крестьянина-бедняка, батрак, прошедший суровую школу лишений, активный комсомольский вожак, выросший до крупного партийного работника и всем этим обязанный нашему строю, нашей партии, мог поднять руку против своего Отечества.

Я была совершенно убита свалившимся на меня горем. Псложение мое усугублялось и тем, что в связи с переездом из Архангельска в Вологду я еще не успела определиться на работу. Да и состояние здоровья у меня было критическим: я только что перенесла туберкулез и принимала процедуры.

О муже я так ничего и не смогла узнать. Правда, у меня приняли несколько раз белье для него, возвращая грязное, в кровавых пятнах...

А 8 мая 1938 года арестовали и меня. Оторвали от плачущего четырехлетнего сына и, обезумевшую от нового горя, увели на долгие годы...

В тюрьме после прохождения унижительных процедур привели в камеру, наполненную рыданиями множества женщин. Забирали всех днем и, чтобы не было шума и слез, заявляли, что повезут на свидание с мужьями, а затем, не дав проститься с детьми, отправляли

в тюрьму. Детей же забирали в детприемник НКВД...

В камере — полумрак, тяжелый воздух от множества людей и от параши, крики отчаяния. Двое суток никого из нас не вызывали, и мы успели перезнакомиться. Здесь были И. Мальцева, А. Филина, В. Журавлева, Л. Попова, В. Грачева, А. Русиновская и еще много других.

На третьи сутки начали выводить на допросы. Дошел черед и до меня. Долго вели по коридорам, гулкой железной лестнице, через решетчатые ворота. Привели в небольшую комнату, освещенную настольной лампой под зеленым абажуром. Свет падал на письменный стол, за которым сидел молодой военный — немного за двадцать. Спросил мою фамилию, имя, отчество, действительно ли я являюсь женой Хватаева Тимофея Денисовича и предложил подтвердить все это подписью в поданной им бумаге, причем торопил, не давая прочесть содержание.

Печатный текст был кратким, и я все же успела прочесть его. Там говорилось примерно так: «Я, Окунева Лариса Михайловна, действительно являюсь женой бывшего зам. зав. сельхозотделом оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области Тимофея Денисовича Хватаева, знала о его контрреволюционной деятельности и не донесла органам НКВД».

Возмущенная такой нелепицей, я, разумеется, отказалась ее подписывать. После чего на меня был обрушен поток грубой оскорбительной брани с нецензурщиной и криком: «Убирайся!» Надзирательница отвела меня обратно в камеру. Мне было отказано в очередном поддувании легких, предписанных врачами.

Еще дважды ночью водили меня к этому грубияну. Он настаивал на моей подписи, я категорически отказывалась. Мой мучитель, вызвав надзирательницу, сказал: «Следовало бы эту... посадить в карцер, да ведь подохнет там. Уведи в камеру (назвал номер) и пусть сидит, пока сама не попросится ко мне».

Втолкнули меня в камеру уголовников, где сидели рецидивистки: они находились под следствием за бандитизм, кражи, побег, проституцию. Нет нужды описывать весь кошмар, который обрушился на меня. Драки, сквернословие... «В очко» наблюдали, считая, что меня избьют. Но меня не били. Даже уголовники были человечнее, чем иные следователи. И я к своему следователю так и не попросилась.

На четвертый день меня в «черном вороне» увезли в облуправление НКВД, находившееся на улице Герцена, в стенах бывшего монастыря.

Солидный военный спросил меня: «Почему вы не подчиняетесь следствию?» Я ответила, что никакого следствия не было, никто ни о чем не спрашивал, а только требовали подписать нелепый документ и в очень грубой форме. И услышала снова: «А вы подпишите». И тогда я на уголке бумаги написала — «Читала, но не согласна» и расписалась. Военный недовольно сказал: «Вашего согласия мы не просили, незачем было это писать! Уведите!»

Я снова оказалась в «своей» камере.

Недели через две в камеру явились двое военных. Один из них зачитал нам постановление особого совещания при НКВД СССР от 29 мая 1938 года, по которому каждая из нас приговаривалась к лишению свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях «как член семьи изменника Родины».

Сроки абсолютному большинству — восемь лет, мне и еще трем женщинам, по пять лет. Но за что? Ответа не было.

Вскоре начали отправлять в этап моих соседок. Меня же продержали в тюрьме еще семь месяцев в отместку «за неподчинение следствию».

Все лето 1938 года я просидела в душной, жаркой камере. Тело покрылось красной сыпью — потницей, грудь разрывал кашель, начался авитаминоз с большими багровыми пятнами на руках и шее. А затем еще образовался нарыв в паху, причинявший сильные боли.

Только в ноябре меня отправили по этапу. Долгим и тяжелым был путь в тюрьме на колесах. В Акмюлинском отделении Карлага НКВД, куда меня привезли, находилось около восьми тысяч жен так называемых изменников Родины. Среди них были и наши вологжанки: Наталья Ивановна Рябова, Ольга Всеволодовна Акиньхова, Ася Богданова, Ирина Мальцева, Вера Пегасова.

Много замечательных женщин находилось в лагере. Вспоминается Ия Гавриловна Вагина — научный работник из Москвы. Седая, с больными ногами, она восхищала нас своим оптимизмом, тактом и умом.

Были в лагере и Мария Николаевна Тухачевская (сестра маршала М. Н. Тухачевского), ленинградская

поэтесса Соня Солунова, бывший работник Коминтерна Зина Боярская и многие другие.

Пять месяцев я находилась в лагерной больнице, не способная ни к какому труду. Без лекарств и рентгена выхаживала меня очень добрая и внимательная врач Роза Александровна Ратнер (тоже из заключенных). Исключительно сухой климат Казахстана (даже ночами здесь не было росы) и, конечно же, стремление во что бы то ни стало выжить ради сына, ради правды — вот что, вероятно, помогло мне не погибнуть.

Заключенные много работали. Руками женщин были прорыты арыки, построены бараки, водочапка, швейная фабрика, подсобные помещения, разбит сквер американских кленов.

А наши вологжанки Ольга Акиньхова и Ирина Мальцева, возглавив небольшую бригаду, создали в этом знойном степном крае чудо-огород. Приезжавшие за урожаем казахи, в прошлом животноводы-кочевники, впервые увидели изумрудные огурцы, яркие помидоры, душистые дыни.

В самоотверженной работе мы стремились найти забвение от тяжелых дум и тревог. Даже в лагере мы считали себя коммунистами.

Летом 1939 года моя сестра Тася прислала мне в посылке недавно вышедший «Краткий курс истории ВКП(б)». Лагерные цензоры воликодушно отдали мне книгу.

Это было большим событием. В лагере находилось много людей, не согнувшихся под тяжестью унижений и клеветы, остающихся убежденными ленинцами. История партии штудировалась в небольших группах.

Книга эта дважды вновь переплеталась. Страницы ее пестрят разными пометками, подчеркнутыми строчками, отчеркнутыми абзацами (для конспектирования у нас не было бумаги). Листки книги поистерлись. Но я сохранила ее и привезла домой как реликвию.

В лагере было очень тяжело. В летний период песчаные бураны закрывали от нас белый свет. Все покрывалось мраком, ревел ветер, на зубах трещал песок. Он просачивался в барак через щели. В такие буранные дни было особенно тягостно на душе у всех нас. Были даже случаи психического помешательства...

Первой не выдержала Ольга Билик, жена, кажется, одного из бывших работников Министерства путей сообщения СССР. Она спала на средних нарах против

меня (мой топчан был у окна). И ночью мы улашали ее крик: «Купите марки для сыночка! Купите же!» Когда зажгли коптилку, увидели ее с распущенными седыми волосами, безумными глазами. Попытались успокоить — вроде заснула. Потом вскочила, убежала в тамбур, там упала на пол и завывала страшно, как волк. Утром Ольгу увезли, и о дальнейшей ее судьбе мы так ничего и не узнали.

Скончалась Наталья Ивановна Рябова. Она была гипертоником и очень горевала о своих четырех детях, особенно о младшенькой, трехлетней Эммочке, затерявшейся в детприемнике НКВД.

После моего освобождения по отбытии срока я добилась у начальства лагеря выдачи под расписку вещей Рябовой для передачи ее сиротам. Сувениры, сделанные для детей руками погибшей матери, я привезла и передала ее старшей дочери Валентине Рябовой, работавшей тогда в детсаде в Котласе.

Возвратившись на родную вологодскую землю, я шестнадцать лет проработала в сельской школе учителем и завучем. Приходилось быть и директором. Закончила свою трудовую деятельность в Вологде. Но и после избавления от лагеря в 1943 году я еще целых тринадцать лет ощущала опалу.

И только в 1956 году XX съезд партии избавил меня от тяжелого груза и нелепого обвинения. Реабилитировали и восстановили в партии сначала меня, а вскоре и мужа, но его посмертно. Он погиб в 1939 году... Узнала об этом почти через два десятка лет.

ДОЧЬ «ВРАГА НАРОДА»

Рассказывает М. В. Базова

Родители мои Василий Максимович и Александра Николаевна Базовы пользовались уважением, дружили со многими замечательными людьми. Например, были в дружеских отношениях со знаменитым красным командиром Авксентьевским. Близкой подругой матери являлась Мария Бабушкина, родственница Н. В. Бабушкина. Знала ее и я, она проездом нередко гостила у нас.

Отец, очень любивший сельский труд, работал агрономом и зоотехником, а затем и заведующим разными совхозами, куда его направляли. Мы много ездили с места на место.

Хорошо помню бывшее имение богатого помещика

Брянчанинова в селе Покровском Грязовецкого района. Мы жили в левом крыле здания, где раньше находилась прислуга. Отец не позволял нам, детям, заходить в центральные залы, боясь, что мы что-либо разобьем или испортим. Но в окна я видела великолепные расписные потолки и стены. Была там и хорошая мебель, рояль, сервизы тонкого китайского фарфора. Все до мелочей было переписано и занесено в акты как народное достояние и тщательно оберегалось. Куда все это потом увезли, я не знаю. Но мы не пользовались ни одной вещью, хотя очень нуждались, ведь тогда многого не хватало.

Позднее отец работал участковым агрономом и зоотехником и ходил пешком по колхозам. А в 1933 году, уже получая пенсию за выслугу лет, поступил на работу в Вологодское райзо.

Вот с этой работы его и забрали в январе 1938 года. Тогда были арестованы все работники отдела.

Мы обращались к городскому и областному прокурорам, но ответ был один: мол, они не судят, а судят «тройки».

С трудом узнали мы, что отец находится в тюрьме на Московской улице (ныне Советский проспект). Я простаивала у тюрьмы почти целыми сутками: уходила в четыре часа утра и возвращалась поздним вечером. Более месяца простояла я так у тюрьмы, чтобы узнать хоть что-либо и передать отцу белье и махорку. Политическим больше ничего передавать не разрешали, а уголовникам передавали и хлеб, и деньги.

В конце июня мне разрешили одно свидание с отцом. Оно проходило в небольшой комнате внутри тюрьмы. Между нами была деревянная перегородка, а дальше до потолка мелкая железная решетка. Отец мне сказал: «Я не виноват, это страшная ошибка. Нас здесь много, большая скученность». Но надзирательница сразу прервала его, закричав: «Говорите о семейном, иначе я вас выставлю».

Больше отца я не видела. Его перевели в Орел. После многих ходатайств разрешили переписку по адресу: Орел, п/я 15. От него мы получали ответы, но в них ничего не говорилось о том, как он живет. Но чувствовалось — он очень тоскует и очень болен.

Отца не стало 17 апреля 1940 года. Мы продолжали писать в Орел, посылать деньги, хотя ответа и не было. Только после наших усиленных хлопот, спустя пять ме-

сяцев, пришло свидетельство о его смерти. В графе «причина смерти» стоял прочерк.

Мать, спустя три месяца после ареста отца, тоже арестовали. Ее увели обманом: пришел энкэвэдешник днем (нас с сестрой не было дома) и, сказав, что ей дали свидание с мужем, велел идти с ним. Она поверила и не взяла с собой ничего, даже пары белья.

Ее никто не судил, ей просто было объявлено, что ее высылают за то, что писала в Верховный Совет в защиту мужа. Выслали ее в Рослятинский район. Их, высланных, везли, как она потом рассказала, на пароходе под конвоем, в углу, огороженном проволокой. Они сидели и лежали прямо на полу...

Какая-то пассажирка-крестьянка, присмотревшись, с удивлением воскликнула: «А ведь это люди! А я думала, скотину везут».

От Тотьмы нужно было идти пешком. Но мать не могла идти, и ее часть пути везли на телеге с вещами. В Рослятино она приехала под вечер, намного раньше своих спутниц, которые шли пешком, и на ночь ее заперли в крохотной камере, где она, задыхаясь, едва дожила до утра...

У матери был педагогический стаж более тридцати лет, она имела награждения и почетные грамоты. Но в Рослятине учительской работы для нее не нашлось. А физической работой она не могла заниматься из-за болезни. Поэтому страшно голодала. А мы помочь ничем не могли...

Брата, который жил с семьей в Ленинграде, сразу уволили с работы и исключили из партии как сына врага народа. Потом брат прошел всю войну: начинал сапером, служил в стрелковом батальоне, затем в воздушно-десантных войсках. Был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. На фронте его вторично приняли в партию.

Сестра и я, когда арестовали наших родителей, были студентками. Оставшись без всяких средств к существованию, мы постоянно голодали. К тому же многие знакомые даже перестали с нами здороваться: мол, дочери врага народа.

Если сказать, что было трудно, значит ничего не сказать. Много раз меня увольняли по сокращению штатов, переводили с одной работы на другую с более низкой оплатой. Вся моя трудовая книжка испещрена записями. Никому не нужны были дети «врага народа».

И все же, несмотря на все невзгоды, выпавшие на нашу долю, мы с сестрой не озлобились и всегда старались работать честно. В войну дежурили в госпиталях, ездили на сельские работы. И я очень горжусь медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которой меня впоследствии наградили.

Родителей моих реабилитировали в 1957 году. И я рада, что дожила до этих дней, до восстановления доброго имени погибших в годы репрессий.

МОЯ ПАМЯТНИК ОТЦУ

Рассказывает Л. С. Осташева

Недавно я получила документ, завершающий горькую и трагическую историю моего отца.

Впрочем, история обыкновенная. Был арестован. После XX съезда КПСС реабилитирован.

Не государственный деятель, не политический руководитель. Обыкновенный командир Красной Армии, капитан. Всю жизнь служил в Вологде.

Вот от 31 октября 1988 года ответ, проливающий свет на его судьбу уже через тридцать лет после реабилитации: «На ваш запрос сообщаю, что ваш отец Бобров Сергей Михайлович, 1900 года рождения, был необоснованно привлечен к уголовной ответственности по обвинению в участии в антисоветском военно-фашистском заговоре и осужден Военной коллегией Верховного суда СССР от 9 октября 1938 года по ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 к расстрелу.

Точной даты приведения приговора в исполнение в материалах, имеющихся в Военной коллегии, не имеется, но, как правило, в тот период времени он приводился немедленно после вынесения.

Место захоронения вашего отца в настоящее время установить не представляется возможным, так как по существовавшему в 1938 году правилам данные места не фиксировались.

22 октября 1957 г. Бобров С. М. был полностью реабилитирован и его прекращенное дело было направлено в УКВД по Вологодской области...

Начальник секретариата
военной коллегии Верховного суда СССР
А. Никонов».

Значит, расстрелян. В 1938 году. А ведь по сведениям, полученным при реабилитации — умер 4 декабря 1941 года. Точная дата. Неважно, что придуманная. Теперь уже известно, что «разносили по годам», чтобы не пришлось слишком много на тридцать седьмой и тридцать восьмой. Хорошо, что мы никогда не верили этой дате.

Значит, мучили палачи, издевались, глумились «все-го-то» полгода. А я-то гадала все долгие годы, где он нес свой страдальческий крест: на Мудьюге — острове смерти (по детскому своему, книжному понятию), на Соловках, в Норильске, в Магадане (с возрастом осведомленность расширялась).

Так судила Военная коллегия... И приговор приводился в исполнение немедленно... Значит, тогда же, 9 октября 1938 года, там же, в подвале, его и убили.

Но неужели моего отца везли расстреливать из Вологды в Москву? Или заочно там подписали список, а послушные земляки расстреляли?

Как могли оклеветать и предать отца вологжане? И кто мог клевете поверить?

Здесь его хорошо знали. Он из бедной многодетной семьи. Четырнадцать лет уже работал на железной дороге. В девятнадцать вместе с юной женой (она работала телефонисткой) ушел сражаться на фронтах гражданской войны. Только после расформирования Юго-Западного фронта они возвращаются в Вологду, похоронив в Харькове своего первенца.

И потом все семнадцать лет на глазах земляков: помощник военного коменданта, комендант станции Вологда, с переездом из Москвы управления Северной железной дороги работает в управлении военно-транспортной службы. По работе был знаком с половиной города — и с железнодорожниками, и с военными.

Кто мог поверить, что Бобров — шпион и вредитель? Уж не тот, во всяком случае, кто сочинял гнусный клеветнический донос. И не тот, кто «вел следствие», подгонял содержание «дела» к участию в несуществующем военно-фашистском заговоре. Вон сколько разделов политической 58-ой статьи инкриминировали ему. Смотрю по публикациям — почище чем у крупных руководящих деятелей. Вот как славно поработал верный вологодский слуга наркома Ежова!

«Черный ворон» сновал по ночной Вологде. А утром дети приходили в класс сиротами. Или не приходили

совсем. И тогда мы бежали после уроков к высокому забору детского приемника-распределителя НКВД и сквозь щелочки меж досок высматривали уже неузнаваемых, перепуганных насмерть, наголо обритых подружек и друзей.

Там я нашла свою самую дорогую подругу Регину Грачеву с маленькой сестричкой Светой. Утром, зайдя за ней по дороге в школу, увидела опечатанную дверь на ее крыльчке, на Транспортной улице. У щели забора было наше последнее свидание. Их родители работали в пединституте. После их ареста девочек отправили в приют в Солотчу Рязанской области.

Остались без отца Таня Makeева с сестрой Ольгой, Эля Калугина с братом Гегой, Зоя Рукина — кажется, все они дети педагогов, Миша Гаммер, сын музыканта, дирижера. Да всех не перечислишь. Наша школа № 21, бывшая 1-я образцовая, у Красного моста, становилась настоящим вологодским «домом на набережной», как называли такие гнезда несчастья писатель Юрий Трифонов.

Осиротели и многие ребята в музыкальной школе. Среди них Соня, дочь самого видного военного в городе — командира дивизии Трифонова.

И вот он пришел, трижды проклятый мартовский день, когда я поняла со сверхестественным ясновидением бесконечной кровной любви, что сегодня я вижу моего родного папу в последний раз.

Он опоздал к ужину, а мы никогда не садились без него: это были лучшие часы, когда семья собиралась вместе. Был он в тот вечер непонятный, растерянный. Не снимая военного френча, сел за стол. Неуклюже сочинял, почему задержался. А я безмолвно отвечала за него: «Я был у прокурора. Меня вызвал прокурор». И все хотелось погладить рукав его френча, утешить.

Да, в свои тринадцать лет я уже хорошо знала это слово — прокурор. Газеты, радио без конца повторяли его: шли процессы над «вредителями, двурушниками, изменниками». Уже были объявлены врагами народа, шпионами и диверсантами все маршалы и видные военачальники, кроме легендарных героев Ворошилова и Буденного, про которых мы пели песни.

В шесть утра я узнала — папу забрали. В доме все было перерыто, перевернуто вверх дном. Был обыск. На столе лежал протокол или акт в четверть странички.

Отец был для меня Великим другом, Великой лю-

бовью. Никто и никогда не занял в душе его места. В то мартовское утро зашло светлое солнце моей жизни.

Из квартиры нас выгнали: меня, маму, брата Леню, члена нашей семьи, мамину семидесятилетнюю тетю Веру, и пса Джерку, который все копал и копал накануне беды лапами мерзлую землю под нашими окнами.

Жить пустила к себе временно бабушка, мать отца Пелагея Михайловна. На одном из допросов, на которые вызывали маму, следователь передал ей записку: «Катя, продай все, ничего не жалея. Попроси мою мать, пусть пустит жить к себе». Это была последняя записка отца. И единственная.

В первый день после ареста отца я горько плакала на подоконнике школьной лестничной площадки.

— Что случилось? — участливо подошла классная руководительница.

— У меня папу забрали.

Ах, Мария Павловна, Мария Павловна! Как я вас запомнила на всю оставшуюся жизнь. С каким ужасом вы шарахнулись от меня, озираясь, не заметил ли кто, не заподозрил ли в сочувствии. Как гулко застучали ваши каблучки вниз по лестнице.

Вот так разбежались все.

Винить ли людей, пребывавших тогда в массовом психозе подозрительности и страха? Держать ли на них зло? Такого права у пострадавших от репрессий не было. Нас нельзя было жалеть, нам не полагалось сочувствовать. Это было опасно. Могло стоить свободы и жизни.

Мама с трудом устроилась на работу. Четыре месяца отказывали. Спасибо, взяли в швейный цех артели инвалидов «Новый путь». Помогла инвалидность по болезни: порок сердца. И был навык: еще девочкой из многодетной семьи была отдана в обучение к портнихе, а потом жила в услужении — обшивала семью священника.

Брат Леонид закончил школу. В военное училище, как мечтал, его не приняли. В армию служить не брали: не доверяли. Призвали перед самой войной. Офицером на фронте все-таки стал. С июня сорок первого до 24 февраля сорок пятого воевал в Карелии, под Ленинградом, в Заполярье, в Норвегии. Погиб гвардии лейтенантом в Померании. Могилу его ищу до сего дня.

Я в седьмом классе училась без мамы: ее арестовали.

И за мной приходили — отправить в приют. Но бабушка не отдала.

Мама вернулась из тюрьмы. Однако с тех пор до конца своих дней не могла спать ночами. Вскрикивала, услышав, что у дома затормозила машина — не за ней ли приехали. Боялась закрывать дверь в комнату — тогда как в камере. И окаменела — навек разучилась плакать. Страх ее был так велик, и настолько она не верила больше ничему и никому, что умоляла меня всеми святыми не писать курсовую работу о разоблачении культа личности Сталина после XX съезда (конечно, мне пришлось учиться заочно, работая).

Только незадолго перед смертью, выходя на какое-то время из сумеречного состояния, длившегося не один год, мама стала рассказывать мне, что пережила и чего насмотрелась в тюрьме. Раньше остерегалась, потому что дала подписку «о неразглашении». Когда началась реабилитация невинно осужденных, она пророчески предрекла: если скажут, что он не виноват, я сойду с ума.

После «реабилитации посмертно за отсутствием состава преступления» моего отца маме дали пенсию «за кормильца» — 46 рублей. За свой тяжкий труд она получила бы больше. Но эта пенсия была для нее как бы документом о реабилитации. Как и для нас, детей. Правда, для Леонида уже посмертно. При жизни он правды не узнал.

Все эти трудные годы мысленно отец был со мною. Когда мне бывало невероятно трудно, я обращалась к нему с мольбой о помощи, и он мне всегда помогал.

Теперь должна помочь ему я: публично вернуть ему честное имя и найти место, где среди таких же безымянных и зарытых не по-людски, лежит во рву или в яме его прах.

Я специально ездила в Вологду, где не живу уже почти 45 лет, и обошла все памятные места. Стояла под окнами вокзала, где отец работал. Побывала у бывшей гостиницы «Золотой якорь» — здесь было управление Северной железной дороги. Зашла в музыкальную школу — теперь там общежитие. Здесь, в зале, разделенном теперь на закутки, отец слушал меня, мечтая, что дочка его будет пианисткой. В классе железнодорожной школы у вокзала постояла в недоумении: ничего из той жизни не осталось, а класс как стоял, так и стоит. Сюда отец привел меня учиться.

Впервые за пятьдесят лет решила войти в свой бывший дом на завокзальной стороне. Здесь произошла великая катастрофа, смертоносные лучи которой пронизали всю жизнь нашей семьи.

Воинская платформа, военный городок, дом № 1, квартира 1. Даже телефон помню: 1-54. Теперь тут детские ясли.

Я зашла в свою «маленькую комнатку» — так она называлась. Сейчас здесь шкафчики для малышей, раздевалка. Дверь в бывшую родительскую спальню заделана. Дверь в столовую — где была.

Ноги стали ватные. Дальше пройти не смогла. Это было — как стоять над разверзшейся могилой.

Журналист Николай Матуковский пересказывает со слов многих очевидцев: в лесном массиве Куропаты под Минском, где расстреляли в 1938 году тысячи невинных людей, вскоре после расстрелов стали расти ярко-красные грибы. Никто — ни взрослые, ни дети — не собирали их и смотрели на них с ужасом.

Может, знает кто такое место и где-то под Вологодой?

Я должна поставить памятник своему отцу. И пусть войдет имя моего отца Сергея Михайловича Боброва в Мартиролог 1938 года — список его великомучеников.

У меня есть сыновья и внуки. И старший внук Сергей тоже уже надел военную шинель. И на фуражке у него, как у многострадального прадеда Сергея, красная звезда. Я не хочу, чтобы... Ну это понятно из моего рассказа. Я не хочу, чтобы с ним могло случиться то, что случилось с моим отцом и его прадедом. Я не хочу, чтобы прошлое повторилось.

Я хочу, чтобы мои дети и внуки, и дети внуков всегда жили в стране, где правит Закон и Совесть.

СУДЬБА СЕМЬИ

Рассказывает С. В. Смирнов

Отца моего раскулачили. А потом увезли в Кадниковскую тюрьму. У меня были два свидания с ним — добился я этого с великим трудом.

Помню, отец горько плакал. «Не о себе плачу, — говорил мне, — чувствую, меня скоро не станет. О вас плачу... Что будет с вами, моими детьми? Восьмерых оставлю круглыми сиротами». Мать наша умерла еще в 1918 году от воспаления легких.

Отец был объявлен врагом народа и 16 июля 1931 года вместе с двумя крестьянами нашей деревни и местным священником расстрелян...

Какой это был для нас удар, описать невозможно. Мы остались не только сиротами. Мы стали детьми «врага народа». Но и это еще было не все...

Мои сестры Люба и Нина за «контрреволюционную связь с кулаком-отцом» тоже были арестованы, осуждены и брошены в лагерь. Они сгинули без вести, погибли в этом аду. А дом, в котором жила наша семья, был в половодье весной сброшен в реку Корбангу и по реке Двинице сплавлен до впадения ее в Сухону. И сейчас этот дом стоит на берегу.

А второй наш дом, в котором жили в прошлом мои родичи, дяди Василий и Арсений, до сих пор стоит в деревне. По словам сельчан, его владельцем стал человек, бывший в сталинские годы конвоиром по сопровождению заключенных. Он — уроженец этой деревни, но имеет квартиру в Вологде. А в доме живет только в летнее время. Во всяком случае, так мне рассказывали сельчане...

Страшно было жить, невероятно трудно было выжить. Но все же я добился своего: стал учителем, работал в родной Корбангской школе, потом перебрался в Вологду.

Пришел 1938 год... И настали новые, тяжкие испытания.

26 июля 1938 года — этот день до конца моей жизни останется в памяти. Стояла жаркая погода. Собиралась гроза. Слышались отдаленные раскаты грома.

В указанный час я должен был явиться в местное отделение НКВД. Я понимал, что это значит: люди уходили и исчезали. Но оставалась надежда: ведь я ни в чем не виновен, вся моя жизнь проходила в честном, добросовестном труде педагога в школе.

Попрощался с Ниной, моей молодой женой. Наша жизнь только начинала устраиваться. Мы жили в частной маленькой комнатухе в девять квадратных метров...

Попрощался и с трехмесячной дочуркой Наташенькой, которая сладко спала в кроватке-колясочке в тени во дворе, на свежем воздухе. Поцеловал ее, и сжалось сердце, выступили слезы. Увижу ли еще раз?

И вот я у следователя. Он предъявил ордер на мой арест «за участие в антисоветской организации» и пред-

ложил написать о моей контрреволюционной деятельности.

Я категорически отказался что-либо писать, заявив, что я педагог и моя цель воспитывать и учить детей и юношей, отдавая им свои знания.

Меня увели во внутреннюю тюрьму в одиночную (для начала) камеру. И как-то сразу с болью и тоской я понял, что отсюда выхода на волю уже не будет. Посмотрел на себя — одет по-летнему, в легкой вышитой рубашке-косоворотке, сандалиях, летних брюках. Из более теплой одежды абсолютно ничего с собой не захватил из дома.

После обыска часы, очки, ремень отобрали, волосы остригли наголо, даже пуговицы сорвали. И последовали 730 дней, проведенных в вологодских тюрьмах в истязаниях и муках.

Следователем Яковлевым была предпринята попытка сфабриковать групповое дело об антисоветской организации. Но все это ничем не подтвердилось. Тогда он попытался создать индивидуальное обвинительное дело, но и оно не нашло подтверждения: фактов никаких не было. И, чтобы получить от меня вымышленные сведения, следователь начал истязать меня.

Начались бесконечные, длившиеся непрерывно по несколько суток подряд «стойки», изнуряющие до потери сознания. Иногда ставили на «стойки» голым, выставляли на сквозняке при открытом окне — ночью глубокой осенью. Ноги деревенели, опухали, я терял сознание, падал. Меня поднимали — и снова «стойка».

Время превратилось для меня в какой-то непрерывный кошмар. Но сфабрикованный следователем вымысел я не подписывал.

Осенью меня перевели в тюрьму на Советском проспекте, поместив в камеру вместе с рецидивистами-уголовниками. Привезли сюда ночью. Уголовники спали голыми на голом полу по кругу — головой к стене, а ногами к центру. И когда конвоир, открыв дверь, втолкнул меня в камеру, я ужаснулся: голые тела лежащих на полу, спертый воздух, вонь из параши...

Потрявоженные уголовники встретили меня пинками. А утром отняли «пайку» хлеба и лишили воды. Мне достались смешанные с глиной остатки ее на дне принесенной посуды.

Место мне определили у параши. Уголовники не раз избивали меня. А «черный ворон» без конца возил меня

к следователю и доставлял обратно измученного и истерзанного.

Полное безразличие и апатия овладели мной, что, видимо, и помогло выжить... И вот особым совещанием НКВД от 27 августа 1940 года я был осужден «за участие в антисоветской организации» на пять лет в исправительно-трудовых лагерях.

Бросали меня из одного лагеря в другой: был я в Медвежьегорске, Конецгорье, в Устьвымлаге и других местах. Тяжелейшие этапы... Зверское отношение конвоиров, сопровождавших этап с собаками. Приказы «сесть, встать» с бранью, матом — все это входило в систему работы НКВД того времени.

А в лагерях главенствовали уголовники. Им дано было право издеваться над нами и даже уничтожать, как они говорили, «политиков».

«Блат, мат и туфту» — основу основ лагерной жизни — я испытал сполна.

Мы работали на лесоповале. От истощения и болезней люди умирали изо дня в день. А как хоронили погибших? На лошади, впряженной в обледенелый деревянный ящик, в который бросали, как туши замороженного мяса, оголенных умерших, их увозили куда-то в лес.

На всем протяжении от Вологды до Архангельска существовали такие лагеря. И сколько погибло в них людей? Без счета...

27 июля 1943 года по отбытии пятилетнего срока наказания меня направили в лагерь для освобожденных в поселок Вожаель Коми АССР. Однажды случайно начальник лагеря увидел, что я рисую, и назначил меня на должность художника клуба. И только в 1944 году я был освобожден по инвалидности и болезни и вернулся в родную Вологду.

Удалось устроиться учителем. Казалось, годы тюрем и лагерей остались позади. Но 19 июня 1951 года я был вторично безвинно арестован. Лишь 30 августа 1956 года тяжкие мучения мои и моей семье окончательно закончились: определением военного трибунала Северного военного округа от 19 июля 1956 года дело, по которому я был осужден, прекращено производством за отсутствием состава преступления, и я полностью реабилитирован.

Признано сфабрикованным дело и по обвинению моего отца Смирнова Владимира Арсеньевича. Мной получена справка о реабилитации отца — посмертно.

* * *

В добавление к этим воспоминаниям сообщу о некоторых других фактах из жизни С. В. Смирнова. Более тридцати лет Сергей Владимирович был руководителем городской секции преподавателей рисования и черчения. Работа С. В. Смирнова в Вологодском пединституте и школах города в качестве преподавателя рисования и черчения вызвала множество самых добрых отзывов, благодарностей, газетных публикаций.

Уйдя на пенсию, он полностью обратился к творчеству. В 1968 году состоялась его первая выставка в Вологде, на которой было представлено семьдесят работ. С тех пор С. В. Смирнов участвовал в пятнадцати художественных выставках в Москве, Вологде, Великом Устюге, Липином Бору, Грязовце. Большинство этих выставок — персональные.

С. В. Смирнов является обладателем одной из самых крупных личных библиотек в Вологде. Много сил он отдает краеведению, им собран обширный материал по истории родного края.

В Сергее Владимировиче Смирнове воплотились замечательные черты русского человека, которого не смогли сломить сталинские репрессии.

Глава 5 О ЛИЧНОМ, ИЛИ КАК ПИСАЛАСЬ ЭТА КНИГА

Когда я однажды пожаловался в письме В. И. Белову, что мне приходится трудно, Василий Иванович ответил мне так: «Ты знал, на что идешь... Но все равно все надо собрать и записать, если даже не опубликуют — для будущего. Конечно, о Сталине писать трудно...»

Действительно, эта книга давалась мне трудно. Но работая над ней, я чувствовал, что постепенно освобождаюсь от внутреннего гнета сталинизма. И это духов-

ное освобождение стало для меня самым важным личным итогом работы.

Эта книга написана не случайно. Я шел к ней всю жизнь.

МОГ ЛИ Я БЫТЬ РЕПРЕССИРОВАННЫМ?

Мог. Как и любой советский человек.

Со мной в мои отроческие годы случилось неожиданное: я перестал любить Сталина, более того — я стал не любить его. Произошло это не потому, что я был умнее других, а, вероятно, в силу некоторых особенностей моего характера. С отрочества я увлекался всем необычным, странным, писал романтические сказки и стихи, не любил обыденности. Да и трудно было любить ее: нужда, аварийный коммунальный дом, скверная еда... Это были тяжелые послевоенные годы. А радио и газеты вокруг без конца твердили: счастливая жизнь... ее создал товарищ Сталин.

И как сказка о какой-то другой, красивой жизни воспринимались западные «трофейные» фильмы, которые шли тогда на наших экранах постоянно: американские (мы видели Голливуд 30—40-х годов, в том числе знаменитого «Тарзана»), немецкие (с «секс-звездой» того времени Марикой Рокк), а также английские, французские. Они являли потрясающий контраст с убогой, скучной, казарменной нашей жизнью, где все было регламентировано и ханжески «нравственно». Они представляли полный контраст и с большинством фильмов советского производства, такими как «Падение Берлина», «Сталинградская битва», «Кубанские казаки», главным героем которых был Сталин.

И в большинстве книг того времени было то же самое — Сталин, Сталин, Сталин...

Так еще в отрочестве я перестал верить тому, что мне внушали. Перестал верить Сталину. И раздражение по отношению к нему стало все более и более скапливаться в душе.

От этого было нелегко. Это как бы отделяло меня от большинства сверстников. И надлежало молчать и таиться. А молчать, особенно в юношестве, так трудно...

Однажды в споре с одноклассником Левкой я в запальчивости допустил несколько неосторожных фраз. И Левка, встретившись где-то на улице с местным представителем органов госбезопасности (не знаю, какова

была его должность), рассказал ему обо мне и о том, что я плохо отзываюсь о товарище Сталине. Левка был лично знаком с этим человеком, и потому он вроде и не донес, а как бы поделился, посоветовался...

Возможно, это был самый критический момент в моей жизни. Меня вполне могли арестовать. Ведь это было бериевское время... Но и в бериевском ведомстве встречались нормальные люди. И тот незнакомый мне человек (я даже не знаю его фамилии) оказался человечным и спас меня.

Все ограничилось беседой. Я покаялся, расплакался... И дело на меня не было заведено. Мой вечный поклон этому человеку...

Может, я что-то преувеличиваю? Ведь я был тогда несовершеннолетним. А что взять с шестнадцатилетнего?

Однако в сталинскую эпоху малолетние подвергались не только заключению, но даже расстрелу. Сошлюсь на Юлиана Семенова. Он пишет:

«Расстрел ребенка был тогда делом узаконенным: накануне «большого террора», десятого апреля 1935 года, по предложению Сталина был проведен закон, по которому уголовной ответственности — вплоть до расстрела — подлежали все граждане Советского Союза, начиная с двенадцатилетнего возраста»*.

Бесчисленное количество детских судеб было изломано в сталинское время. И хотя лично со мной ничего не случилось, все же страх с той поры возник где-то в глубине моей души, и этот страх терзал меня долгие годы.

Как-то раз в поезде мне попался попутчик, который, как это часто бывает в дороге, начал откровенничать... Оказалось, в свое время он был начальником одного из лагерей на территории Вологодской области. И он стал жаловаться (!), видимо, рассчитывая на сочувствие.

— Ты думаешь, легко было работать? Ой, парень, как нелегко. Дают план на начало года на один контингент. А ведь к весне-то в лагере столько вымрет, что контингент-то уже другой, намного меньше. А план-то прежний. Вот и крутись. А не выполнишь план-то — сам за проволоку пойдешь.

---

* Вечерний Ленинград. 1988. № 88.

Я испытал ужас от его откровений. И подумал, что ведь тоже мог быть среди «коинтингента», пусть и другого какого-нибудь лагеря...

Сколько людей многие годы жили с чувством страха в душе. Но я верю, что, избавившись от черной тени генералиссимуса, мы избавимся и от своего постоянного страха.

КЛАССИКИ

Превращению меня в убежденного антисталиниста во многом способствовали русские писатели-классики.

По счастливой случайности еще в свои студенческие годы я попал в дом московского писателя Н. В. Б., подружился с его сыном, своим однокурсником, и стал бывать здесь. Дом был замечательный. Его хозяин, хотя и не являлся известным писателем, тем не менее дружил с такими выдающимися мастерами, как Борис Пастернак, Андрей Белый (после смерти Белого в доме хранился его архив). В этом доме бывали Булгаков, Грин, Ахматова и многие другие широко известные литераторы. Здесь имелась прекрасная библиотека, и я имел возможность прочитать много замечательных, редких книг.

Особенно много открыли для меня книги Достоевского. Они объяснили, казалось, необъяснимое.

Предупреждение человечеству о том, что может появиться новый тип преступника, который будет совершать злодеяния во имя блага человечества и требовать за свои деяния благодарности и восхищения, высказывалось Достоевским неоднократно (и не им одним). Но именно им в романе «Бесы» нарисован с такой жуткой откровенностью облик будущей диктатуры, одержимой идеей всеобщего блага и готовящей ад на земле.

Некоторые образы в «Бесах» утрированы, доведены до крайности. Но сегодня на горьком опыте стали очевидны глубочайшие прозрения Достоевского.

Вот некоторые мысли «бесов», тогда, в пору моей студенческой юности, так поразившие меня:

«Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом... Новая религия идет вместо старой... Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому... Без деспотизма еще не было ни свободы, ни равенства...»

Очевидные и характерные «сталинские» черты несет в себе и образ Новодворова из романа Толстого «Воскресение». Он не относится к числу главных героев романа, но это тоже предупреждающее всех предвидение гения.

Вот что пишет Толстой: «Вся революционная деятельность Новодворова... представлялась... основанной только на тщеславии, желании первенствовать перед людьми... Благодаря отсутствию в его характере свойств нравственных и эстетических, которые вызывают сомнения и колебания, он очень скоро занял в революционном мире удовлетворяющее его положение руководителя партии. Раз избрав направление, он уже никогда не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался... Он... ко всем выдающимся людям относился как к соперникам и охотно поступил бы с ними, как старые самцы-обезьяны поступают с молодыми, если б мог. Он вырвал бы весь ум, все способности у других людей, только бы они не мешали проявлению его способностей. Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним...»

Кажется, что Толстой заглянул в сталинское время. И он помог понять многое и мне лично.

* * *

Большое значение имело для меня и то, что в свои двадцать с небольшим лет я имел возможность читать труды Владимира Соловьева, Бердяева, Флоренского, Розанова, Мережковского и многих других, чьи имена возвращены в духовную жизнь страны только в последние годы, во времена перестройки.

Помню, как в те пятидесятые годы, мы с друзьями часто ездили на старое Новодевичье кладбище, на могилу Владимира Соловьева. Она была запущена...

Разумеется, далеко не все нам тогда было понятно и доступно. И мы не были диссидентами, так как не совершали никаких политических действий. Но далекие от политики, мы жили в мире идей русского гуманизма. И именно потому стали антисталинистами.

Глава 6 ТРАГИЧЕСКИЙ КОЛУМБ КОЛЫМЫ

Особое место в обличении сталинщины принадлежит в литературе трагическому Колумбу Колымы, большому русскому писателю Варламу Шаламову. Имя его мне стало известно в шестидесятые годы, когда я был еще московским студентом. Один из моих друзей лично знал Варлама Тихоновича, рассказывал о нем, приносил почитать кое-что из его рукописей.

Но тогда я еще не думал, что мне выпадет доля писать о Шаламове первую статью в вологодскую газету «Красный Север», где его имя до этого ни разу даже не называлось.

Когда я писал этот свой еще очень краткий и несовершенный материал, просто не верилось — пишу о Шаламове. Шел 1988-й год. Но тогда имя Варлама Шаламова у себя на родине, в Вологде, было еще не известно.

Ныне оно знаменито на всю страну.

ИЗ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

Академик Д. С. Лихачев, назвав его «большим русским поэтом и прозаиком», пишет: «Варлам Тихонович Шаламов родился в Вологде в 1907 году в семье священника, многодетной и дружной, с прочными семейными традициями. На его долю выпало и счастливое время, и горестное, и трагическое. Судьба ни в чем не пощадила этого мужественного человека, но он до конца своих дней оставался именно человеком — гражданином, любящим Родину, служившим ей верой и правдой... Он умер 17 января 1982 года. Прожив жизнь невероятно многострадальную, он оставил документ времени, правды, истории в своих «Колымских рассказах», в биографическом романе «Четвертая Вологда», в стихотворениях «Колымской тетради» и во множестве статей о времени и литературе»*.

Сам о себе Шаламов сказал так:

Я — северянин. Я ценю тепло.
Я различаю, где добро и зло.

С Вологдой многое связано в его жизни. И жизни его родителей.

«Отец поэта Тихон Николаевич после окончания семинарии был православным миссионером на Алеутских

---

* Юность. 1987. № 11.

островах. Он памятен как человек широких прогрессивных воззрений. Его возвращение в Вологду в 1905 году пришлось на мятежные дни первой русской революции. За отправление панихиды по жертвам черносотенцев... был временно лишен права священнослужителя»*.

Варлам Шаламов унаследовал от отца внутреннее постоянное стремление к справедливости. И это было в нем уже навсегда.

Вологда имела для Шаламова особое значение. И. П. Сиротинская, ответственный секретарь по творческому наследию писателя, заместитель директора Центрального государственного архива литературы и искусства (привожу фрагмент своего интервью с нею) говорит об этом так:

«Вологда — истоки его жизни и творчества. Там сложился он как личность. Оттуда, из юности — его бескомпромиссное неприятие лжи и несправедливости. Это становится совершенно понятным после прочтения повести «Четвертая Вологда».

Вологда — начало начал, а в литературном плане повесть о ней, как говорил сам Варлам Тихонович, это попытка писать по-новому, живой скорописью вслед за мыслью и чувством. Это — самая большая его вещь. Попытка создать не рассказ (рассказы он писал «не отрываясь», это — его манера), а крупную вещь, единую по замыслу, анализ «истории собственной души». Он всегда, правда, писал «историю собственной души». На мой взгляд, он и в прозе этот творческий метод сохранил — писал все через себя, через свою душу. «Новая проза» так, по его словам, и должна быть написана»**.

Варлам Шаламов сказал о своей повести:

«Я пытался в этой книге соединить три времени: прошлое, настоящее и будущее. Во имя четвертого времени — искусства. Что же в ней больше? Прошлого? Настоящего? Будущего? Кто ответит на это? Есть три Вологды: историческая, краевая и ссыльная. Моя Вологда — четвертая» (цитирую по машинописной копии с авторской правкой).

Варлам Шаламов смотрит на родной ему город своеобразно и трагично, считая, что вологодские «тюремные» традиции складывались испокон веков.

И социальное, и духовное существо города, по мне-

* Юность. 1987. № 3.

** Красный Север. 1988. 18 дек.

нию Шаламова, сложилось из двух противоположных начал: с одной стороны, свободомыслия ссылки, с другой — каменного консерватизма вологодской тюрьмы.

«...Конвойная служба от века до века в руках вологжан. Свое место в царской империи вологжане заняли, охраняя царские замки.

Выражение — «вологодский конвой шутить не любит» — ...укрепилось в тюремной традиции и дошло до наших дней, вписав надлежащие сведения в охрану концлагерей двадцатых, тридцатых, сороковых годов...»

Может, и не в полной мере можно согласиться с автором «Четвертой Вологды», но несомненно, что эта книга своеобразна, талантлива и особого ряда.

Житейские обстоятельства уведут Шаламова из Вологды. Он работает дубильщиком на кожевенном заводе в Кунцово. В 1926 году поступает в МГУ.

В 1929 году Варлам Шаламов был арестован. За что?

Ю. Шрейдер пишет: «...Варлам Шаламов свой первый лагерный срок получил в 1929 году за участие в подпольном издании «Завещания Ленина». Рассказы о его подневольной работе на строительстве Березниковского химкомбината образуют цикл под названием «Вишерский антироман»*.

Обратимся к этому автобиографическому произведению и попытаемся на основе его определить, каким был Варлам Шаламов по своему характеру, убеждениям, морали. Ныне о нем есть воспоминания, свидетельства современников. Но более всего об этом свидетельствует его проза.

Шаламов сказал о себе так: «Я никого не прошу мне верить, и сам не верю никому». Это — очень горькие слова, сказанные человеком, перенесшим тяжкие страдания. И тем не менее я абсолютно убежден — Шаламову можно и нужно верить, он абсолютно честен как человек и писатель. Шаламов способен открыто сказать о себе и своих близких то, чего обычно не говорят, — о самом тяжелом, потаенном, «подпольном» (по Достоевскому). Он не боится этого.

В «Вишере» писатель рассказывает о многих своих поступках этого времени. По ним мы о нем и судим.

Повествование начинается с ареста: «19 февраля

---

* Московские новости. 1988. 28 авг.

1929 года я был арестован. Этот день и час я считаю началом своей общественной жизни — первым истинным испытанием в жестоких условиях».

Для большинства репрессированных арест — это страшный перелом, крах. Шаламов воспринимал арест иначе. «Мне подлежало испытать свои истинные качества... Никакой подавленности не было, точно все это — и цементный пол, и решетки — все это было давно видено мной, испытано в снах и мечтах. Все оказывалось таким же прекрасным, как в моих затаенных сновидениях, и я только радовался».

Молодой Варлам Шаламов, натура деятельная, кипучая, был идеалистом. По его словам, он являлся «представителем тех людей, которые выступали против Сталина... Со школьной скамьи я мечтал о самопожертвовании, уверен был, что душевных сил моих хватит на большие дела. Скрытое от народа завещание Ленина казалось мне достойным приложением моих сил. Конечно, я был еще слепым щенком тогда. Но я не боялся жизни и смело вступил с ней в борьбу — в той форме, в какой боролся с жизнью и за жизнь герои моих детских и юношеских лет — все русские революционеры. Увы, все оказалось гораздо страшнее».

С Шаламовым обращались как с уголовником. Ему не дали возможности ни для политического диспута, ни для обличительной речи на суде. Он оказался среди арестованных уголовников и прошел пешим этап до лагеря в Вишере (тогда это был филиал Соловецких лагерей на Урале).

Шаламов избавлялся от иллюзий жестокой ценой. Однако не намерен был сдаваться. И был вскоре выделен среди многих — своей смелостью, умом, принципиальностью.

Следует сказать, что условия лагеря в 1929 году при всей их жестокости резко отличались от того, что воцарилось повсеместно в последующее время. «Лагерь блестел чистотой». «В лагере никто не голодал. Тяжелых работ не было. На работу никто не понукал». Заключение пользовались некоторыми элементарными правами. Люди имели возможность проявить себя на работе, во внутрилагерной жизни.

Но обстановка менялась на глазах. Сталинский террор в стране усиливался. «Население арестантское росло. День и ночь шли поезда, этап за этапом. Четвертое отделение Соловков было преобразовано в самостоя-

тельный лагерь УВИГЛ. Общее количество заключенных в нем к январю 1930 года достигло 60 тысяч. А в апреле, когда пришел наш этап, было только две тысячи».

Ужесточались, становились все более бесчеловечными условия жизни заключенных. Сталинская пропаганда без конца твердила о «перевоспитании» и «перековке» этих людей. На самом же деле они превращались в рабов, и за счет массового рабского труда создавались гигантские стройки. «Бесплатный, безучетный труд каждого должен быть умножен в миллионы раз — вот и вырос Березниковский гигант, за который начальник строительства получил Красное знамя... Десятки таких гигантов, как Березниковский, можно было построить. Миллион транзитников — это уже масштабы Москанала, Беломорканала, Колымы».

Но как отмечает Шаламов, «на самом деле, рабы не все». И он сам не стал рабом. Он оставался мужественным, принципиальным, несломленным. И его поступки доказывали это.

Вот характерный случай... Конвой избивает беспомощного человека, сектанта.

«Я подумал, что, если я сейчас не выйду вперед, я перестану себя уважать.

Я шагнул вперед:

— Это не Советская власть. Что вы делаете?

Избиение остановилось. Начальник конвоя, дыша самогонным перегаром, придвинулся ко мне:

— Фамилия?»

Ночью в отместку Шаламова вывели на снег, под дулами винтовок приказали раздеться догола. Он выдержал и эту изуверскую месть.

Вспоминая пережитое, впоследствии он напишет: «Я и сейчас могу заставить себя пройти по горячему железу». Во имя справедливости и правды. Такое и сказать и совершить может только человек исключительной внутренней силы. И таковым был Варлам Шаламов.

В бесчеловечных условиях лагеря он не только стремился выжить, но и боролся, как мог. Когда в лагере возникло, так сказать, внутреннее дело и Шаламов был ложно обвинен в вымышленных проступках, он держался стойко и ничем не унизил своего достоинства. И так — во всем.

Он сохранял жгучий интерес к жизни, вступал в

контакты со многими интересовавшими его людьми, и рассказы о них заполняют страницы «Вишеры». Это — видные чекисты Берман и Берзин. И полковник Ушаков, получивший за лагерную службу звание Героя Социалистического Труда. И балерина — арестантка Елена Шмидт, дочь знаменитого фабриканта, участника революции 1905 года. И князь Шен-Гирей, в прошлом начальник штаба корниловской «Дикой дивизии», перешедший на сторону Красной Армии. И Осипенко, бывший секретарь Распутина, служивший до ареста в ленинградской милиции. И красный командир Степанов, который отпустил взятого в плен главу тамбовского восстания Антонова, потому что они вместе с ним сидели при царском режиме в Шлиссельбургской крепости. И многие другие... О судьбе каждого из них можно было бы написать по отдельной увлекательной книге.

Но особо ценно, что «Вишера» раскрывает многие черты самого автора... Заключение Шаламов смело поднимает голос в защиту женщин в лагере. Совместно с еще одним мужественным человеком, как он сам пишет: «Поздней осенью 1930 года мы подали заявление в адрес правительства — нет, не просьбу о прощении, а протест по поводу положения женщин в лагерях. Положение женщин в лагерях ужасно. Ни в какое сравнение не идет с положением мужчин. Помимо наказания, определенного приговором суда или особого совещания, женщине в лагере приходилось нести унижения особого ряда. Не только каждый начальник, каждый конвоир, но каждый десятник и каждый блатарь считал возможным удовлетворить свою страсть с любой из встречных заключенных».

Разумеется, такой протест не мог понравиться лагерному начальству. На Шаламова обрушились новые неприятности. Но он не мог поступить иначе, и это лишний раз свидетельствует, каким он был человеком.

Заключительные главы «Вишеры» рассказывают о вторичном аресте Шаламова, о страшной обстановке 1937 года.

Снова цитирую Ю. Шрейдера: «Последующий арест... привел Шаламова на Колыму. Там он получил и третий срок по доносу, отнюдь не ложному, а за то, что назвал Ивана Бунина великим русским писателем».

Из автобиографии Шаламова:

«Работал по 14 часов с 1938 года. Арестовывался на Колыме с заведением «дела» не один раз. От гарантин-

ских расстрелов меня спас лагерный следователь Ск(ановский)... разорвал мое дело на моих глазах. Позднее Скановский был расстрелян сам. В декабре 1938 года арестован на прииске «Партизан» и отвезен в Магадан, как участник дела юристов, и находился в Магаданской тюрьме. Накануне возбуждения нашего «дела» начальник СПО капитан Стеблев был арестован сам — и всех, кто был арестован по его ордерам за последнюю неделю, выпустили на пересылку «без последствий»...

На Аркагалинской шахте встретил войну. В это время у меня кончился пятилетний срок, в январе 1942 года я должен был выйти на волю, но освобожден не был, как, впрочем, и почти все, осужденные по «КРДТ»...

И вскоре я был арестован на Аркагале и отвезен в сталинский ДАХАУ — в спецзону Колымы на прииск «Джелгала». Это грозило смертью — но мне было все равно...

По доносу И. П. Заславского и М. Кривицкого... я был арестован и обвинен в восхвалении гитлеровского оружия. Федоров, а также Заславский, Кривицкий считали, что делают богоугодное дело...

Все это узналось впоследствии. Я был осужден на десять лет».

Почти невероятно, но Шаламов выжил. В таких условиях из тысяч выживали единицы.

И снова невероятно — в 1953 году он был освобожден. Сумел «обосноваться в Калининской области, а затем в Москве. Понемногу начинают выходить его стихи, но основная проза автора печатается только за границей» (Ю. Шрейдер).

Варлам Шаламов, отсидев семнадцать лет в лагере, не только выжил. Стал писателем, заглянувшим в бездны человеческого падения. Стал основателем нашей «лагерной» литературы и беспощадным обличителем всей бесчеловечной системы.

...«В июне 1956 года Шаламова полностью реабилитировали. Он вернулся в Москву, но очень скоро тяжело заболел и вынужден был оформить пенсию. Сначала ему назначили гроши. Но потом из Магадана прислали справку о том, что он десять лет провел на подземных работах, и ему дали пенсию 72 рубля. На эту «большую

сумму» он и прожил до конца своих дней» (из интервью с И. П. Сиротинской) *.

ДОКУМЕНТ ДУШИ ШАЛАМОВА

Варлам Шаламов вернулся в литературу как поэт. В 1961 году вышла первая книжка его стихов «Огниво» (автору было тогда 54 года).

Постепенно в Москве у него выходят еще четыре небольших поэтических сборника (последний при жизни — «Точка кипения» в 1977 году).

Но известности среди массового читателя поэзия Шаламова не получила. «Поэта Варлама Шаламова читатель знает плохо», — писала «Литературная газета» в 1968 году (№ 5). И это объяснимо: лирика его очень сложна. Шаламов продолжил линию в нашей поэзии, идущую от Баратынского, Тютчева, Заболоцкого, Пастернака. О чем бы ни писал поэт — о природе, о любви, о творчестве — во всем, как правило, чувствуется глубинный подтекст, второй план, философичность.

Но главный литературный подвиг Варлама Шаламова — его проза, его «Колымские рассказы». Это — целая энциклопедия лагерной жизни сталинского времени. Но вместе с тем это не просто свидетельства очевидца о репрессиях и беззакониях периода культа личности Сталина. Это — «документ души» писателя, большая, настоящая литература. «Колымские рассказы» можно сравнить с «Записками из мертвого дома» Достоевского и другими крупными произведениями того же жанра.

Это — художественное исследование о человеке, который оказался в невиданных и неслыханных в отечественной истории по своему размаху и извращенности трагичнейших обстоятельствах. Это — исследование бездны души человека.

Варлам Шаламов стал одним из основоположников «новой прозы», в которой художественное и документальное образуют единый сплав, и все это освещено глубокой философской мыслью. >

Разумеется, такая проза в годы застоя не была нужна. И «Колымские рассказы» не печатали. Но люди уже знали о них: переписывали, перепечатывали, передава-

* Книжное обозрение. 1988. 26 авг.

ли друг другу. Попали его рукописи и за рубеж. Шаламова издали во многих странах.

Последние годы многострадальной жизни Шаламова сложились опять же очень тяжело. Снова процитирую И. П. Сиротинскую (из моего интервью с нею):

«Варлам Тихонович был очень серьезно болен. Есть у нас в архиве заключение о состоянии его здоровья — его просто страшно читать. Больное все — сердце, печень, нервы, наступала глухота и слепота. С 1979 года он находился в Доме инвалидов. Я там бывала, и это всегда было тяжкое зрелище. Он уже был полным инвалидом, но не сдавался, диктовал свои стихи:

До последней минуты,
До конца, до конца!

В этом искалеченном, бедном теле жила душа — несломленная, неустрашимая.

Последние его месяцы — тема особого разговора. Я об этом написала, надеюсь, когда-нибудь опубликуют. Но этот Дом инвалидов для него, знавшего лагеря, не был страшен. «Здесь очень хорошо», — говорил он и медленно, веско добавлял. — «Здесь очень хорошо кормят». Точки отсчета у нас и у него были другими.

Но в нем всегда ощущалась незаурядность, большой масштаб личности, «крупность». Он и сам был настоящий северянин — высокий, голубоглазый. Сразу ощущался характер — сильный, твердый. Конечно, был он очень неоднозначен, противоречив, сложен. Кратко о нем рассказать трудно».

Шаламовская «Вишера» издана с предисловием Олега Волкова, тоже удивительного человека, просидевшего в ГУЛАГе двадцать восемь лет и написавшего в уже преклонном возрасте замечательные книги. Шаламова он хорошо знал и так пишет о заключительном периоде его жизни:

«Измученным инвалидом подошел он к концу своего трагического пути. Наконец, забрезжили первые отсветы признания, был замечен его незаурядный талант. Он выстоял, у него хватило сил, чтобы остаться человеком — вопреки ожесточавшим и принижавшим условиям. Однако ценой веры в возможность добра, ценой отчуждения от людей».

Глава 7

НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЕДШЕЕ

Наверное, найдутся те, кто будет недоволен моей книгой. Но положи руку на сердце могу сказать, что в меру своих возможностей я хотел только добра, очищения и понимания.

Я не политик, а литератор. И к политическим явлениям подхожу с тех позиций, которым меня учила наша классическая литература, руководствуясь прежде всего великим русским гуманизмом, созданным отечественной философией, религией, культурой. Этим измеряю прошедшее и настоящее.

ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

Время Сталина — так мне всегда казалось — было фантазмагоричным, невероятным, с примесью какой-то жуткой фантастики...

Но невольно ловишь себя на мысли — а разве наше время не фантастично? Сегодня так много всего необычного, как никогда. Вот и НЛО появились.

Когда в июне 1989 года в московской печати замелькали заметки о «харовском феномене», о прилете НЛО в этот уголок Вологодчины, то, на первый взгляд, казалось — очередная фантазия. Мало ли их сегодня?

Но в печати появляются все новые и новые сообщения о странном, необъяснимом, высказываются крупные ученые, ссылаются на Вернадского и Федорова (последний, как известно, верил в воскрешение мертвых и поселение их в космосе). Академик В. П. Казначеев, к примеру, пишет: «Феномены, подобные имевшим место в Вологодской области, могут оказаться более чем контактами... Мы — дети космоса. А это значит, что надо дружить со всеми мыслимыми и немыслимыми формами жизни»*.

Ну, а если такая дружба невозможна? Если человечеству грозит смертельная опасность и земле бессильны перед ней? Есть и такая точка зрения. Тогда вся

---

* Сов. Россия. 1989. 3 сент.

земная история — суета сует... А может, НЛО — это символы другой реальности?

И земные дела сегодня тоже поразительны. Василий Белов ставит перед всеми нами глобальный вопрос: «Сможет ли человечество остановить захватывающую и трагическую гонку промышленного прогресса?» И предостерегает: «Экологическая обстановка в мире ухудшается с каждым годом... Сделан еще один шаг к самоубийству...» *

Мир меняется на глазах. Невиданные перемены потрясли Восточную Европу. А внутри страны — международные распри, кризис в экономике, продовольственные трудности...

Правда, Вологда, как прежде, довольно консервативна и относительно спокойна. Но уже и здесь действуют разные партии, проходят митинги и забастовки. Крепки еще позиции аппаратчиков.

Оживилась религиозная жизнь. Шествуют крестные ходы. Никого не удивляет, что представители духовенства читают публичные лекции, в том числе в пединституте.

Резкий взлет эротики. Женское тело обнажено публично. В Вологде этого, возможно, меньше, чем в больших городах, но тем не менее...

Ленинградский молодежный театр показывает при переполненном зале свой спектакль «Носорог» по знаменитой абсурдистской пьесе Ионеско. В спектакле есть все: мощно звучит молебен, потом по ходу действия в зал начинают валить клубы дыма, вызывая панику среди зрителей (не пожар ли?). И, наконец, на авансцену выходит обнаженная девушка. Правда, на ней прозрачные колготки, но они ничего не скрывают... Для Вологды пока это фурор, в кассе — аншлаг.

И нет уже никакого фурора в том, что в бесчисленных видеотеках показывается порнография.

Что это все означает? Что последует за этим? Во всяком случае, уже есть страшное наказание — СПИД. И в Вологде появилось объявление: «Анонимно на проверку СПИДа». Официально ни заболеваний «чумой XX века», ни вирусоносителей в Вологде не обнаружено. Но уже ходят слухи — на самом деле СПИД добрался и до Вологды.

---

* Лит. газета. 1989, 4 окт.

И значительный рост преступности, в том числе сексуальной... В нескольких метрах от подъезда своего дома в девять часов вечера зверски изнасилована и убита двадцатидевятилетняя Светлана Ч. А другая несчастная жертва — двадцатилетняя Ирина С., выйдя в восемь часов вечера на троллейбусную остановку, бесследно исчезла... Кривая преступлений лезет вверх.

Полки магазинов пусты. Почти на все виды продовольствия введены талоны.

В городе поют частушку:

Ой, подруженька моя,
Что тебе хочу сказать:
Нам на новые талоны
Мужиков начнут давать.

И возникает страх, что же будет завтра? И идут споры — кто же виноват? О Сталине сегодня уже не спорят. Спорят о Ленине...

* * *

Мы уже открыто читаем у Солженицына его убийственное осуждение ленинизма. Бурные споры вызвала публикация неоконченной повести В. Гроссмана «Все течет»*. В предисловии к ней редакция выразила свое несогласие с точкой зрения автора, утверждая, что «отождествление Сталина с Лениным абсолютно неверно», но признала, что «процесс генеральной перепроверки уже начался...»

Затем появилась работа В. Солоухина «Читая Ленина». Потом пошли публикации в «неофициальной» печати. Конечно, выступила и «Правда». В статье «Ленин с нами» профессор В. Старцев писал:

«В справедливом гневе против сталинских репрессий радикалы вдруг обнаружили, что и при Ленине Советская власть судила, ссылала и расстреливала людей. Последователи и защитники Сталина тоже и с тем же рвением цитируют ленинские записи и резолюции, декреты и письма. И находят там все те же, осуждаемые сейчас общественным мнением, слова: «отдать под

---

* Октябрь. 1989. № 6.

суд», «подержать в тюрьме», «расстрелять мерзавцев» и т. п. и т. д. Вот видите, слышится уже многоголосый хор, Сталин вырос из Ленина! Сталин лишь продолжил то, что до него начал Ленин. Тема террора — вот первый рычаг, с помощью которого хотят сбросить монумент Ленина с пьедестала народной памяти, как это уже сделали в Новой Гуте.

К бронзовой фигуре с кепкой в вытянутой руке подбираются и с других концов. «Кремлевский мечтатель» не знал, дескать, жизни, не знал крестьянской России. Он навязывал нам социализм, к которому ни страна, ни народ не были готовы, — слышится слаженный разномастный хор. Построенный им за полтора года «военный коммунизм», воспетый его ближайшими соратниками Троцким и Каменевым, Зиновьевым и Бухариным, явился прообразом сталинского казарменного, феодального «социализма». России не нужен социализм, не нужен коммунизм, а следовательно, и Ленин с его «марксизмом-ленинизмом». Дайте нам вернуться назад и начать снова прерванный Лениным путь...

Одна из причин такого всплеска критических мнений о Ленине заключается, на мой взгляд, в несоответствии казенно-благостного портрета, насаждавшегося в народе официальной историко-партийной наукой на протяжении десятилетий, с реальным обликом руководителя правящей большевистской партии и Советского государства в труднейший период гражданской войны в стране»*.

Я привел столь подробную цитату, потому что она свидетельствует о позициях сторон, о глубине и остроте спора. Идет он и на вологодской земле.

Появились антиленинские публикации (например, в неформальном «Вологодском эхе»). Осенью 1990 года в Череповце во время демонстрации, организованной Демократическим союзом, к памятнику Ленина был возложен «венок» из колючей проволоки с надписью «Величайшему преступнику XX века». Группа коммунистов-ветеранов от имени череповецкой партийной организации заявила решительный протест.

---

* Правда. 1990. 3 апр.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЛОГДЫ

В. И. Ленин лично сыграл значительную роль в истории Вологды и всего Севера. Приведу некоторые факты из вологодской ленинианы, они, на мой взгляд, говорят сами за себя.

Обращусь к 1918 году... Обстановка тогда была сложной — война, интервенция.

Ленин в телеграмме 9 августа потребовал «напрячь все силы без церемоний для беспощадной расправы с белогвардейцами, явно готовящими измену в Вологде, и для подготовки защиты».

Следуя ленинскому приказу — «немедленно мобилизовать буржуазию рыть окопы», в Вологде была проведена своего рода массовая операция: все мужчины от 17 до 45 лет из «буржуазных» слоев были направлены на создание оборонных сооружений и рытье окопов. «Это мероприятие помогло очистить Вологду от значительной части контрреволюционных элементов и провести важные оборонительные работы», — пишет В. Малков в книге «На северном плацдарме», выпущенной в 1963 году Вологодским книжным издательством.

В ответ на докладную записку о нуждах Северного фронта, поданную наркомом Кедровым, последовало распоряжение Ленина Высшему военному совету: «Немедленно дать просимое; сегодня же отправить из Москвы; дать мне тотчас имена 6 генералов (бывших) и адреса и 12 генералов генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят».

Кедров, следуя указаниям Ленина, установил в Вологде обстановку красного террора, что изменило само лицо города. Вологда изменилась быстро и резко. Провинциальный город, дворянский, купеческий, чиновничий, мещанский в результате массовых репрессий стал осадным, революционным, советским по своему духу.

В. Шаламов в документальном рассказе «Экзамен» пишет:

«Я с удивлением думал о том, что Вологда — единственный город в России, где не было никогда ни одно-

го мятежа против советской власти. Такие мятежи потрясали весь Север: Мурманск, Архангельск, Ярославль, Котлас. Северные окраины горели мятежами — вплоть до Чукотки, не говоря уже о юге, где каждый город испытывал не однажды смену властей.

И только Вологда, снежная Вологда, ссыльная Вологда — молчала. Я знаю, почему... Этому было объяснение.

В 1918 году в Вологду приехал начальник Северного фронта М. С. Кедров. Первым его распоряжением по укреплению фронта был расстрел заложников. Двести человек было расстреляно в Вологде. Котлас, Архангельск — все счет особый.

Кедров был тот самый Шигалев, предсказанный Достоевским. Акция была настолько необычной даже по тем кровавым временам, что от Кедрова потребовали объяснений в Москве. Кедров не моргнул глазом. Он выложил на стол ни много ни мало, как личную записку Ленина... Вот ее приблизительный текст: «Дорогой Михаил Степанович. Вы назначаетесь на важный для республики пост. Прошу вас не проявить слабости. Ленин».

Варлам Шаламов — человек неистовый, тенденциозный. К его словам нужно подходить с осторожностью. Неизвестно, например, откуда он взял эту цифру — двести расстрелянных заложников. Документально она не подтверждается. Но тем не менее Шаламов — живой свидетель вологодских событий осени 1918 года.

Приведу некоторые фрагменты из его «Четвертой Вологды»:

«Наш учитель химии Соколов внезапно исчез, только потом я узнал, что Соколов расстрелян.

Конечно, я видел знаменитый вагон Кедрова, стоявший на запасном пути у вокзала, где Кедров творил суд и расправу. Я не видел лично расстрелов, сам в кедровских подвалах не сидел. Но город дышал тяжело. Его горло было сдавлено...

Кедровские обыски были каждую ночь более года — по тогдашней квартальной профилактике. Обыск был еженочный и очень тщательный, иногда — дважды в ночь...

Ленин обвинил Кедрова в том, что тот «проворонил Архангельск» — дал ему строгий выговор и подстегнул телеграммой. Кедров в Вологде превзошел сам себя...

Из Плесецкой Кедров послал телеграмму в Архангельск, чтобы оттуда прибыли инженеры для разбора завала путей. Инженеры прибыли, и Кедров тут же у вагонов их расстрелял, обвинив в измене...

Впоследствии ряд лет в ВЧК-МВД работал Кедров. Все время кого-то разоблачая, донося, проверяя, уничтожая врагов революции. В Ежове Кедров видел наиболее ленинского наркома — сталинского наркома. Но Берия, сменивший Ежова, не понравился Кедрову...

Вспоминал ли Кедров перед смертью вологодских заложников, расстрелянных им, не знаю.

У Шаламова к Кедрову отношение абсолютно однозначное — негодующее. Подобное чувствуется и в романе В. Белова «Год великого перелома». А вот что пишет А. Антонов-Овсеенко:

«По приказу особо уполномоченного Совнаркома Михаила Кедрова в Архангельске казнили людей, отказавшихся принять новую власть. Позднее он скажет. «Я старался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться, хотя бы они служили орудиями в руках других»*.

Такое впечатление, что Кедров в Вологде и на Севере в 1918 году как бы провел репетицию 1937 года. И ведь это было при Ленине... Правда, повторяю, шла борьба с интервенцией, бушевала гражданская война. Но семена насилия были густо посеяны и потом дали обильные кровавые всходы.

* * *

Вернусь к событиям, происходившим ранее, в июне 1918 года.

2 июня газета «Известия» Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов (предшественник «Красного Севера») публикует воззвание правительства:

«Рабочие и крестьяне! Честные и трудящиеся граждане всей России!

...В эти трудные дни Совет Народных Комиссаров считает необходимым прибегнуть к чрезвычайным мерам для прокормления голодающих рабочих и крестьян

---

* Юность. 1988. № 7.

и для сокрушения врагов народа, покушающихся на Советскую Республику.

Дело идет прежде всего о хлебе насущном...

Если мы сокрушим сейчас сопротивление сельской буржуазии и с оружием в руках обеспечим себя хлебом до нового урожая, мы будем непобедимы.

В поход против контрреволюционных мятежников и заговорщиков, смерть врагам народа!

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по военным и морским делам Троцкий.

Времен. зам. народ. комиссара по иностран. делам Чичерин.

Народный комиссар И. Сталин».

Как видим, подписи Ленина и Сталина под этим воззванием появились вместе.

На село двинулись продотряды. Вологодская эсеровская газета «Северное эхо» писала тогда об этом как о важнейшем после октябрьского переворота мероприятии Советского правительства. В газете, в частности, говорилось: «Явными и скрытыми врагами революции и Советской власти... оказываются крестьяне, не продающие своего хлеба... Страшная междоусобная война окажется перенесенной в самую глубину, в самую суть России — деревню».

На Вологодчине в числе прочих будет действовать и карательный отряд под командованием некоего Эпштейна. Он пошлет такую телеграмму: «Контрреволюционное движение усмирится пока спокойно». Этот Эпштейн под фамилией Яковлева станет затем сталинским наркомом и будет главным проводником коллективизации.

* * *

Разумеется, надо быть абсолютно слепым или полностью лицемерным, чтобы отрицать прямую связь между ленинизмом и сталинизмом. Сталин есть не просто ученик, а кровное дитя Ленина. Но, конечно, имеется и определенное духовное различие между ними. Ленинизм — соблазн души человеческой, пытавшейся заменить вечные истины о Боге, Царстве Божиим, бессмертии представлением о материальном царстве человека

и общинном счастье человечества. Сталин не извратил ленинизм, но устранил из него наивный материалистический идеализм. И явился нам мир почти антихристовый полностью искаженный. И исказилась человеческая душа. Но, надеюсь, не погибла.

НАВЕЧНО

Вместо эпилога

Недалеко от Вологды есть небольшая деревенька Ермолово и старинный парк около нее. Место это замечательное. Здесь находилась знаменитая раньше усадьба Ермолово.

В свое время побывал в здешних местах великий русский полководец Суворов. Гостил у своей сестры, бывшей замужем за владельцем усадьбы.

А впоследствии, во второй половине XIX века, усадьба перешла во владение князю Волконскому, дальнему родственнику Льва Толстого. В молодые годы Лев Николаевич был увлечен Луизой Волконской, ставшей женой князя. Она явилась прототипом «маленькой княгини» Лизы в «Войне и мире».

Луиза Волконская вторую часть своей жизни провела в Ермолове, основала здесь любительский театр. От этих времен в парке осталось несколько старых аллей — двухсотлетние дубы и липы. Хорошо бывать здесь... Прекрасна окрестная природа — луга, излучины реки, леса.

А в летнее время старый парк звенит детскими голосами: здесь сейчас пионерлагерь. Природа, история, дети — это живая жизнь.

А неподалеку, в окрестностях соседних деревень и сёл, говорят, есть безвестные массовые могилы жертв сталинщины. Это — смерть. Ходит много слухов, что подобные массовые могилы есть не только в самой Вологде, но и в Кувшинове, и Кубенском, и близ деревни Яминово и Анцифорово.

...Иду по аллее ермоловского парка. Осень, листопад, и здесь, среди старых могучих деревьев, тихо, пустынно. Вот старик-дуб, огромный, в морщинах, похожий, наверное, на тот самый дуб из «Войны и мира».

Достаю записную книжку, в ней выдержки из «Пути жизни» Толстого. Вот одна из них... Приведя известные библейские слова «Иго мое благо и бремя мое легко», Толстой далее пишет: «Слова эти значат то, что как бы тяжело ни было человеку, какие бы горести и беды ни напали на него, ему стоит только понять и принять в сердце истинное учение в том, что жизнь и ее благо в соединении души... с душами других людей и Богом, и сразу исчезает все кажущееся зло».

М. КУЗНЕЦОВ

ПРОИЗВОЛ

Записки репрессированного

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГУЛКА

Вместо предисловия

16 июня 1937 года (эта дата запомнилась мне на всю жизнь) мы с женой Леной решили прогуляться по Архангельску. Вышли на набережную Северной Двины, присели на свободную скамейку...

Вечер выдался по-летнему хороший. Но на душе была свинцовая тяжесть. Мы сидели и молчали. Вдруг Лена сказала:

— Возможно, это последняя наша прогулка. Скоро тебя со мной не будет.

— Как это не будет? — встревоженно спросил я.

— Эх, Миша, неужели тебе ничего не говорит то, что многие, с кем ты работал и с кем был близко знаком, арестованы как вредители и шпионы. Неужели ты веришь, что они виноваты?

— Не знаю... Но я-то ни в чем не виноват.

В то время я работал в Архангельской городской партийной организации. Жили мы тогда как на военном положении. Почти каждую неделю нас вызывали на экстренные совещания при крайкоме партии. На них нам говорили такие странные вещи, что расходились мы в полном смятении.

На одном из таких совещаний нам сообщили, что в кремлевской больнице среди врачей раскрыта контрреволюционная организация, которая ставила перед собой задачу — отравить деятелей партии и правительства и что именно ими был отравлен Максим Горький.

В другой раз нам сказали, что в самом ЦК раскрыта контрреволюционная террористическая организация, готовившая убийство Сталина и его соратников.

Все это порождало страх и недоверие. Мы перестали ходить в гости к знакомым. Даже встречаясь на улице, обходили друг друга.

Тревога не покидала нас. Но зная, что я ни в чем не виноват, я старался успокоить и себя и Лену.

...А через час я был арестован.

ЛЕНА

Обо всем, что было в жизни, не расскажешь... Но все же, когда я вспоминаю годы до ареста, то главным в этих воспоминаниях является Лена.

...В 1929 году я прибыл на работу в качестве пропагандиста в коммуну «Смена». Она находилась в селе Погорелово (ныне центральная усадьба Вологодского конезавода), что в двадцати двух верстах от Вологды.

Здесь я и встретил девушку с греческим профилем и волосами цвета спелой соломы, которая сразу привлекла мое внимание. Одета она была в короткий дубленый полушубок, отороченный по воротнику и низу лисьим мехом, а на голове — как-то небрежно — шапка-ушанка.

Эту девушку звали Елена Васильевна Мальцева. Работала она в коммуне «Смена» зоотехником. Тогда она и вошла в мою жизнь.

А что сказать о себе?

Родился я в 1905 году в деревне Старый Двор Грязовецкого уезда Вологодской губернии в семье крестьянина-бедняка. В 1916 году отца призвали в армию. Нас, ребят, с матерью осталось четверо. Я был самый старший, и пришлось мне брать на свои неокрепшие плечи хозяйство. Так в свои двенадцать лет стал хлеборобом и пахарем. Образование у меня тогда было всего два класса приходской школы.

Политикой я стал интересоваться с первого года революции. А в 1923 году вступил в комсомол.

Видимо, надо сказать немного и о том, что представляла собой тогда деревня. Сельская жизнь после тяжких революционных лет начала налаживаться. Появился достаток. Строились новые дома и дворы. Появился хлеб, и почти в каждой избе гнали самогон. С фронтов вернулось много парней и мужиков, принесших с собой оружие. Винтовки укорачивали, превращали в обрезы. В деревнях Грязовецкого и Вологодского уездов почти каждый праздник превращался в попойку

и драку с применением оружия. Статистика тех лет свидетельствует, что в этих драках молодежи погибло больше, чем на фронтах гражданской войны.

Вот в таких условиях и возникла у нас комсомольская ячейка. Создала и возглавила ее избач Феня Линкова, девушка огромной энергии и прекрасной души. Мы, первые сельские комсомольцы, повели борьбу с пьянством, изучали программу КИМа и речи Ленина, своими силами оборудовали клуб. Я занимался всем этим очень увлеченно.

Шепяковский комитет комсомола послал меня на учебу в Вологодскую совпартшколу. После ее окончания меня и направили в коммуну «Смена».

Работа партийного пропагандиста для меня была новой, незнакомой. А посоветоваться, как лучше ее организовать, было не с кем.

В мои обязанности входила организация политической учебы не только в коммуне «Смена», но и в трех соседних совхозах: Можайское, Грибцово и Минкино. Поэтому я постоянно находился в разъездах от совхоза к совхозу.

В то время началась кампания за сплошную коллективизацию. Округом партии утвердил меня ответственным за вовлечение крестьян-единоличников в коммуну «Смена». И, организовав актив коммуны из учителей местной школы и работников сельсовета, мы двинулись в деревни разъяснять преимущества коллективного хозяйства перед единоличным.

Но наша агитация понимания у крестьян не находила. Мужики вступать в коммуну категорически отказывались. И хотя в помощь мне из Вологды райком партии прислал 25 агитаторов, и они мало чего добились. На то были причины... Коммуна была создана в начале двадцатых годов из приезжих крестьян Вологодского и Грязовецкого уездов на базе богатого помещичьего имения Зубовых. По тем временам она считалась одной из передовых коммун в республике. Действительно, «Смена» имела тракторы, механические сушилки, большое молочное стадо и обширные земельные угодья. Но мужики сюда не шли из-за невероятной неорганизованности и отсутствия какой-либо дисциплины в хозяйстве. В коммуне было много таких, кто хотел не работать, а пожить за счет государства, тем более что оно не скупилось и удовлетворяло все требования коммунаров. Уже в двадцать девятом году коммуна настолько задолжала

государству, что ее годовых доходов хватало всего лишь на уплату процентов по займам и ссудам. В дальнейшем все это привело к ее ликвидации.

В те месяцы сумасшедшей работы по коллективизации наши встречи с Леной были редкими. Я почти не бывал у себя дома. Но однажды, появившись в своей комнате, не узнал собственного жилища: все здесь было прибрано умелыми руками. В местной школе мне сказали, что порядок у меня навела Лена, и я не мог не поблагодарить ее. Мы стали встречаться чаще, и наши отношения стали более душевными.

Но вскоре окружком партии откомандировал меня сначала в Вологду, а потом в село Леденск (ныне Бабушкино) заведовать орготделом райкома партии.

Центр района Леденск — село старинное, большое, расположенное в 35 километрах от Тотьмы. В старое время оно было знаменитым тем, что здесь на богатых минеральных источниках работали солеваренные заводы Строганова.

Когда я прибыл в Леденск, никаких солеваренных заводов здесь уже не было. Но минеральные источники действовали и поражали всех приезжающих. На шестнадцать-семнадцать метров над поверхностью поднимались фонтаны минеральной воды, очень богатой по своему составу.

Прибыв в Леденск, в райкоме партии я застал лишь секретаршу Катю Бабушкину, дальнюю родственницу сподвижника Ленина Ивана Бабушкина. Ни первого секретаря, ни других работников еще не было: райком только формировался.

Но вскоре появился первый секретарь. Им оказался бывший профессиональный революционер, прошедший царские тюрьмы и лагерь смерти на острове Мудьюг в Белом море Иван Петрович Ключев. Он был опытным и знающим партийным работником, тактичным в обращении с людьми. Я многому научился у него.

Для жилья я снял комнатку у местных старожилов, людей душевных и гостеприимных. Имея корову и овец, они полностью обеспечили меня молоком и мясом. А ведь я прибыл из голодной Вологды, в которой в те годы купить было нечего.

Жизнь на новом месте налаживалась, но мне не хватало Лены. И я решил привезти ее в Леденск как жену.

Придя в кабинет к Ивану Петровичу, попросил его отпустить меня в поездку в Вологду.

— Это зачем же? — спросил он.

— Мне нужно к доктору.

К доктору мне, действительно, было нужно из-за болезни носовых пазух. А о Лене я постеснялся сказать.

— Ну что ж, раз необходимо к доктору... А может, еще что другое? — словно догадался Иван Петрович.

И я был вынужден выложить ему все, что было на душе.

— Пора устраивать личную жизнь, — поддержал он меня. — Поезжай.

И я поехал.

Лена тогда работала уже не в коммуне «Смена», а в пригородном колхозе имени Калинина. Мое появление для нее было неожиданным.

Я сразу сказал ей, для чего приехал. И, не ожидая отказа, сразу стал распоряжаться:

— Для сборов у нас времени мало, всего двое суток. Завтра я буду у врача, мне предстоит небольшая операция. А через два дня приеду за тобой. За это время ты должна уволиться с работы и приготовиться к отъезду.

А Лена сидела и молчала, как будто все это ее не касалось.

— Что же ты молчишь? — почти закричал я. — Не думаешь ли ты, что я уеду без тебя?

Наконец она заговорила:

— Мне кажется, поехать с тобой в Леденск я не готова. Ведь это все так серьезно.

Я ожидал что угодно, но только не это. И повторил с упрямой решимостью:

— Через два дня я приеду за тобой.

И, как обещал, через двое суток рано утром явился к Лене. К огорчению, я увидел, что она действительно не готовилась к отъезду. Времени у меня не оставалось, и я решился на отчаянный шаг: в присутствии Лены уложил все ее вещи в большую плетеную корзину, а то, что не вошло, завернул в матрацные наволочки. И ушел за подводой в правление колхоза.

Подвода мне была предоставлена. Я подъехал к дому, погрузил вещи, а Лене сказал, что пароход отходит в пять часов вечера, и я уже с билетами буду ждать ее к этому времени на пристани.

...За полчаса до отхода парохода на пристани Лены

не было. Я не находил себе места, волновался: неужели не придет?

Вот уже первый удар колокола, извещающий, что до отхода парохода остается десять минут. А Лены нет.

Второй удар колокола. До отхода парохода осталось пять минут. Лены все нет.

Наконец последний удар судового колокола. Матросы взялись за поручни, чтобы оттащить трапы, когда показалась бегущая Лена.

Я крикнул матросам, чтобы они немного задержались. И вот Лена на пароходе...

* * *

Сложное это явление — душа человеческая. А Лена была человеком тонкой и богатой души. Пережив свои сомнения, она стала для меня любящей и заботливой женой.

Наша семейная жизнь складывалась отлично, если не считать, что о случившемся ни мои, ни Ленины родители ничего не знали. За своих родителей я не беспокоился: я уже шесть лет жил самостоятельно, и сам принимал все решения. Но жившие в Ленинграде Ленины родители строго придерживались старых традиций. И когда Лена все же решила сообщить им о нашей совместной жизни, то в ответ получила упреки и проклятия за то, что она не испросила родительского благословения и вышла замуж за коммуниста.

Но постепенно их родительский гнев прошел, и наши отношения стали налаживаться.

В 1932 году я был направлен на работу в Архангельск. Сначала работал секретарем парторганизации 26-го лесопильного завода, затем заместителем секретаря Маймаксанского райкома партии и, наконец, секретарем парторганизации на строительстве Соломбальского целлюлозно-бумажного комбината.

Скажу прямо, было нелегко являться женой партийного работника в те тридцатые годы. Постоянная смена мест работы, частые переезды из района в район, неустроенность в быту — все это иногда становилось причиной домашних размолвок во многих семьях. Приезжая на новое место, приходилось месяцами ютиться у незнакомых людей на кухне или снимать угол в комнате. И, главное, мы, партийные работники, очень мало времени уделяли своим семьям. У нас не было ни выход-

ных, как у других, ни праздников. В канун праздников мы почти сутками находились в своих коллективах, готовясь к меропрятням. И праздничные дни тоже должны были проводить в своих коллективах. Приходя домой, мне не раз приходилось заставить Лену в слезах:

— Я ведь человек и хочу хоть в праздник быть с мужем.

В 1936 году я получил возможность поступить на учебу в Архангельскую промышленную академию. Лена тогда училась в медицинском институте. Мы так радовались этому.

Но вот все рухнуло. Лена, Леночка... Я не знаю, что сделали с тобою сталинские палачи. Мне известно лишь, что через год после моего ареста Лена была тоже арестована как жена врага народа. Ее продержали в архангельской тюрьме пять месяцев, а затем выслали в неизвестном направлении.

Спустя много лет, вырвавшись из сталинских лагерей, я искал Лену, но так и не нашел ее, так и не узнал, что стало с нею...

А память все время возвращается к нашей последней прогулке 16 июня 1937 года. Этот год сломал нашу жизнь.

АРЕСТ

В тот вечер, в одиннадцать часов, раздался звонок. Мы уже собирались ко сну. Открыв дверь, я увидел на пороге квартиры работника краевого управления НКВД Павла Демидова.

Павла Демидова я знал и раньше. Еще в середине двадцатых годов мы вместе учились в Вологодской совпартшколе, правда, на разных курсах. Затем мы встречались с ним и в Архангельске. Мог ли я представить, что этот мой знакомый станет одним из моих истязателей...

Войдя в квартиру, Демидов сказал, что он приехал по поручению начальника краевого управления НКВД Бака, который приглашает меня к себе.

Бак тоже был мне известен. В те годы я был членом Соломбальского райкома, Архангельского горкома и ревизионной комиссии севкрайкома партии. Нас часто созывали при краевом комитете на совещания и собрания, на которых всегда присутствовали работники НКВД.

Шли массовые аресты. В Архангельске уже тогда были в тюрьме руководители Северолеса и Экспортлеса, большая группа инженеров с «Красной кузницы» и лесопильных заводов.

На Соломбальском ЦБК были арестованы начальник строительства и завода Маршак, его первый заместитель Оншин, главный инженер строительства Дашевский, ведущие инженеры Андрушкевис, Балашов, Минарский.

Когда Демидов сказал, что приехал за мной, Лена вскрикнула и упала в обморок. Подняв с полу и усадив на диван, я успокаивал ее, говорил, что меня приглашают всего лишь на встречу.

— Нет, — сквозь слезы воскликнула Лена, — увозят тебя навсегда. Увезли же Оншина и Дашевского, работавших вместе с тобой. Где они?

Демидов все время поторапливал меня. Когда мы с ним вышли на лестничную площадку, двери квартиры снова раскрылись, и Лена набросила на меня пальто. А когда мы были уже внизу, она крикнула:

— Миша, прощай!

Выйдя на улицу, я увидел черный лимузин, стоявший у подъезда. Таких лимузинов в Архангельске было три: у крайкома партии, крайисполкома и НКВД.

У меня все еще теплилась надежда, что это не арест, а всего лишь вызов для какого-то разговора. Вот ведь и лимузин прислали...

Подъехав к серому зданию, в котором размещалось управление НКВД, мы вышли из машины и поднялись на третий этаж. Демидов открыл дверь одного из кабинетов.

Кабинет оказался очень большим, полы были застланы коврами, посреди — огромный письменный стол, покрытый зеленым сукном, по бокам стола — два мягких кожаных кресла. На стене висел в золоченой раме портрет Ежова. За столом сидел начальник краевого управления НКВД Бак.

Он в Архангельске появился в конце 1936 года и возглавлял массовые репрессии, проходившие на Севере. А затем жестоко поплатился и сам.

В 1937 году, на совещании краевого партактива, проходившего в драмтеатре, Бак делал доклад о бдительности. По окончании совещания, когда он подходил к своей автомашине, на него напали неизвестные, набросив презент на голову.

Машина уехала, и Бак исчез навсегда. Что с ним стало, можно только предполагать... Такие люди исчезают бесследно.

Но в пору моего ареста он все еще был полным хозяином наших судеб и жизнью.

Когда Демидов пропустил меня в кабинет, Бак, поднявшись из-за стола, с наигранной улыбкой направился ко мне навстречу.

— Ну вот, наконец-то! А я думал, что вы откажетесь приехать.

Приказав удалиться Демидову, Бак усадил меня в кресло и, по-прежнему улыбаясь, стал расспрашивать о делах, о моем здоровье. Потом сразу посуровел.

— У меня к вам есть вопросы, на которые хотелось бы получить ответы.

— Что за вопросы? — спросил я.

— Я думаю, — сказал Бак, — вам известно, что руководители строительства Соломбальского завода Маршак, Оншин и Дашевский арестованы и находятся у нас. Вы по совместной работе должны хорошо их знать и представлять, чем они занимались на строительстве.

— Как чем? Разумеется, руководили строительством. И руководили неплохо, ведь на строительство завода потребовалось менее двух лет.

— Нет, — прервал Бак, — они занимались вредительством. Об этом мы и хотели бы получить от вас показания.

— Таких показаний я вам не дам.

— Почему же?

— Да потому, что никакого вредительства при строительстве завода не было.

— Неправда...

— Нет, правда. Возвести и пустить завод с полной технологической линией за год и восемь месяцев и одновременно построить жилье для рабочих и электростанцию — поистине задача незаурядная.

Мои слова звучали как дерзость, но в них была правда. И впоследствии я не отступил от того, чтобы говорить с энквэдешниками прямо, дерзко и правдиво. И ни в чем не сознаваться. Это было трудно, невероятно трудно. Но именно это мне сохранило жизнь.

Бак удивленно посмотрел на меня, потом поморщился:

— Так и не дадите показаний?

— Нет.

— Что ж, если не сейчас, потом дадите.

Лицо Бака стало злобным. Он нажал кнопку, замаскированную на столе. Вошли двое в военной форме, взяли меня под руки и повели прямо во внутреннюю тюрьму.

КОНВЕЙЕР

Внутренняя тюрьма Архангельского НКВД находилась во дворе этого мрачного дома. Внешне двухэтажный дом, выходящий фасадом на Поморскую улицу, казался обычным. Но был огорожен двухметровым каменным забором. Окна здесь тоже выглядели обычными. Но мало кто знал, что они были застеклены матовым стеклом с массивными железными решетками между наружными и внешними рамами. А первый цокольный этаж, тщательно скрытый от постороннего взгляда, вмещал камеры для пыток и издевательств.

Из кабинета Бака меня доставили в приемное отделение тюрьмы. Здесь меня раздели догола, тщательно всего «исследовали», обрезали крючки, пряжки и пуговицы у брюк и пиджака и поместили в камеру № 34 на втором этаже.

Было это за полночь. Камера, освещенная маленькой электролампой, врезанной в стене высоко над дверью, вмещала семь коек.

Войдя, я потоптался у двери, не решаясь шагнуть ни в одну сторону. Мне казалось, что я очутился здесь по какой-то ошибке.

— Товарищ, вы только с воли? — послышался голос из-под одеяла.

— Я вам не товарищ. Я здесь по недоразумению. Утром меня выпустят.

— Мы тоже так думали.

— Ничего, — проговорил другой, — назавтра ты поиному заговоришь. А пока устраивайся на полу у дверей. Утром дадут и тебе казенную койку.

Так оно и получилось. Утром получил койку, тюремное полотенце и наставление о поведении.

В камере находилось шесть человек. Двое из них были мне даже лично знакомы.

Все единодушно сказали:

— Трудно вам будет. Не сдадитесь — изломают.

Так началось мое заключение. Прошли сутки, вто-

рые... Никто мной не интересовался, как будто забыли, что я существую.

На девятые сутки меня впервые вызвали на допрос в кабинет Демидова.

Указав мне на табуретку, Демидов спросил:

— Привыкаете?..

Не получив ответа, продолжил:

— Я назначен к вам следователем. Вы обвиняетесь в том, что, работая на строительстве Соломбальского завода, входили в существовавшую там троцкистско-бухаринскую контрреволюционную организацию и занимались вредительством. В объявленном вам расписи-тесь и идите в камеру. Когда вы будете нужны, я вас вызову.

Я был потрясен. Но он более не стал говорить со мной.

Вызвал он меня лишь через десять суток. Был злым и раздражительным. Допрос продолжался пять часов.

Начал он с того, что предложил мне добровольно рассказать о своей контрреволюционной деятельности.

— Мне не о чем рассказывать. Я никакой контрреволюционной деятельностью не занимался.

— Расскажите, кто вас завербовал в правотроцкистский блок.

— Никто меня не вербовал, и ни в каком я блоке не состою.

— А Дашевский?

— Разве он контрреволюционер? Это для меня новость.

— Не прикидывайтесь. Может, вы совсем не знаете Дашевского?

— Нет, почему же... Дашевского знаю. Даже хорошо знаю. Разве можно не знать главного инженера строительства, на котором я работал секретарем парторганизации? Но то, что он враг Советской власти, слышу впервые.

— Но именно Дашевский дал нам показания, что он завербовал вас в троцкистско-бухаринскую контрреволюционную организацию. Будете отрицать? Что молчите?

— Одно могу сказать: завод построен в более короткий срок, чем намечалось.

— Но строительство цеха регенерации было сорвано.

— Цех регенерации тоже построен в срок. Правда,

что он не был пущен вместе с заводом. Но это не по вине строителей. Оборудование для этого цеха было заказано в Англии, а англичане не поставили его в условленные сроки. Как видите, вина не наша.

— А рабочий поселок, построенный на свалке, разве не вредительство?

— Нет. Где же его иначе построишь, если сам завод построен на пустыре и городской свалке. А потом место для строительства выбирали не мы, строители, а краевые и городские власти.

Так в течение пяти часов между Демидовым и мною шла изнурительная беседа, называемая допросом. В конце его Демидов в угрожающем тоне заявил:

— Не будете писать показания, придется применить такие меры, чтобы вы... чтобы ты заговорил.

Через сутки Демидов снова вызвал меня на допрос. Указав на табуретку, спросил:

— Надумали?

— Не о чем мне думать. А под ложью, пока я буду в сознании, не подпишусь.

— Тогда на этой табуретке будете сидеть до тех пор, пока не сознаетесь во всем. Вот вам бумага и карандаш. Сидите.

О дальнейшем рассказать невозможно. Я сидел семнадцать суток без сна и горячей пищи. Следователи менялись через каждые семь-восемь часов. Днем сидел в кабинете Демидова, а на ночь меня поднимали на четвертый этаж в комнату, похожую на кладовку.

При многосуточных непрерывных допросах, когда мой организм от усталости и бессонницы становился неуправляемым, я сидя засыпал, падал с табуретки на пол. Чтобы привести меня в сознание, следователь бил меня линейкой по плечам и по голове до тех пор пока я не приходил в себя.

От длительного сидения ягодицы вспухли, на них образовались кровоточащие рубцы, прикосновение к которым вызывало резкую боль.

Наступало такое состояние, когда я терял сознание. Тогда следователь обливал меня водой.

Следует сказать, что допросы в сидячем положении применялись к людям молодым и здоровым. Пожилых допрашивали в положении стоя. Учитывалось, так сказать, возрастное состояние.

В этом случае отравление организма наступало раньше. Ноги быстро отекали, становились толстыми,

как бревна. У сердечнобольных быстро наступали обмороки и приступы, нередко кончавшиеся гибелью.

Именно так погиб замечательный человек, коммунист, председатель Архангельского горисполкома Николай Александрович Басин.

Вот это и был конвейер, излюбленный метод пыток. Одни выдерживали десять суток, другие — до двадцати.

Для меня был избран метод допросов в сидячем положении. Первые пять суток допросов организм был еще в состоянии переносить усталость и бессонницу. На восьмые-десятые сутки появилось полное безразличие ко всему. Единственным желанием был сон.

На одиннадцатые-двенадцатые сутки от усталости и бессонницы все чаще и чаще терялось сознание. Не только удары линейкой, но и обливание холодной водой мало что давало.

На двенадцатые-тринадцатые сутки я почти совсем потерял ориентировку и понимание, где нахожусь и что со мной происходит. Не различал, где пол, где потолок: все находилось как бы в круговом движении. В единственное окно мне стало видеться, что к тюрьме подходят одна за другой черные кареты, из которых выводят все новых и новых арестованных. Чередуюсь с черными каретами, подходили кареты с красным крестом, из которых выносили мертвецов, завернутых в белые полотна. Не знаю, бред ли это был или явь.

На тринадцатые-четырнадцатые сутки я почти постоянно находился в полузабытьи. Сознание мое часто исчезало, потом снова возвращалось, но всякий раз по-разному. Осталось в памяти лишь то, что я находился уже в каком-то большом помещении со множеством людей. Слышались голоса женщин и мужчин, стучали пишущие машинки. Потом я совсем впал в небытие. А когда я пришел в сознание, то увидел, что нахожусь в тюремной камере, на своем топчане... Мне дали немного передохнуть. Но какой ценой — вскоре я узнал об этом.

Но не только «конвейером» добивались наши мучители подписания фантастических признаний. Для этого широко использовались также провокации и подлоги.

Как-то раз Демидов спрашивает меня:

— При строительстве моста через Кузнечиху вы тоже не совершали вредительства?

Следует пояснить, что одновременно со строительством целлюлозного завода в Соломбале шло строитель-

ство моста через Кузнечиху. Оно велось при долевым участии краевых и городских организаций. Его осуществляло управление строительством при крайисполкоме. Но поскольку у крайисполкома не было высококвалифицированных кадров, то решением крайкома партии техническое руководство строительством моста возлагалось на коллектив Соломбальского завода.

Когда строительство моста шло к завершению — это была вторая половина 1937 года — внезапно оно было приостановлено «из-за вредительства». Поскольку техническое руководство строительством моста осуществлялось нашим коллективом, то он и был обвинен во вредительстве. Вот почему Демидов и задал мне вопрос о мосте.

— Нельзя ли узнать, в чем же заключалось это вредительство? — ответил я ему встречным вопросом.

— В том, что опоры моста построены на неустойчивом основании и при эксплуатации они деформируются.

Для чего нужен был этот вымысел? Только для того, чтобы вызвать у населения города к руководству края и города, а также и к строителям чувство возмущения и гнева. Отсутствие моста разделяло город на две части и создавало большие неудобства для общения и транспортных связей.

Мост через Кузнечиху был построен спустя двадцать лет на старых опорах, которые безупречно служат и до сих пор. И настоящим вредительством было лишать население этого моста.

На другом допросе мне была подброшена фальшивка — выписка из несуществовавшего показания бывшего первого секретаря севкрайкома партии Иванова Владимира Ивановича, в то время наркома лесной промышленности, находившегося под арестом.

Из этой фальшивки следовало, что ему, Иванову В. И., известно, что я, Кузнецов, являюсь руководителем одной из право-троцкистских групп в Архангельске по свержению Советской власти в Северном крае.

Да, Владимира Ивановича Иванова я хорошо знал. Впервые мы встретились в 1931 году в Харовске, где я был секретарем райкома. Район не выполнял плана по лесозаготовкам, и Владимир Иванович провел в Харовске двое суток. Мы с ним вместе ездили по лесопунктам.

И потом, когда я работал в Архангельске, мне приходилось много раз встречаться с Ивановым, даже бы-

вать на заседаниях бюро крайкома. И представить, что он был троцкистом, для меня было невозможно.

Много еще было со стороны Демидова подлогов и провокаций. Но вернусь к тому, что произошло со мной сразу после «конвейера».

...Я снова оказался в кабинете Демидова. Демидов показал мне на табуретку, стоящую у стола, положил передо мной стопку бумаг и сказал:

— Вот подпишите эти протоколы и будете свободны.

Свободен? Невероятно...

— Какие протоколы?

— Те, что вы уже подписали.

— Я ничего не знаю. Я ничего не подписывал.

— А это что? Ваши подписи.

Демидов показал мне еще одну стойку бумаг. И к ужасу своему я действительно убедился, что они подписаны мною. Одни из них были напечатаны на пишущей машинке, другие написаны от руки, но все были с моей подписью.

Лежавшая на столе стопка листов, напечатанных на машинке, по словам Демидова, являлась копиями моих показаний, и мне надо было сличить их с черновиками и подписать. В этих бумагах говорилось, что я, Кузнецов, являюсь членом бухаринско-троцкистского контрреволюционного центра, в который был завербован главным инженером Дашевским. Указывалось, что в свою очередь в эту организацию были завербованы такие-то (шло перечисление фамилий). И дальше утверждалось, что эта контрреволюционная организация занималась вредительством и диверсиями при строительстве Соломбальского целлюлозно-бумажного комбината.

Прочитав эти листы, я понял, что видевшееся мне как во сне светлое помещение и множество в нем людей и стучавшие пишущие машинки были не галлюцинациями, что Демидов, используя мою усталость и потерю сознания, соорудил эти фантастические протоколы допроса и получил от меня подписи.

И я понял, что подписал себе смертный приговор. Единственный выход теперь — уничтожить эти бумаги. Но как? Подписанные протоколы находятся в руках у Демидова, и он дает мне из них по листу для сравнения.

Неожиданно мне повезло. Зазвонил телефон, стоящий на тумбочке в углу комнаты. Направившись к нему, Демидов оставил листы на столе. И я, схватив их,

стал рвать на мелкие куски. И рвал до тех пор, пока сильным ударом по голове не был свален на пол. На меня посыпались удары и пинки.

Я стал кричать. Видимо, на крики в кабинете появился Бак. Он приказал снова посадить меня на непрерывный допрос и допрашивать до тех пор, пока не будет подписано все.

Меня снова подняли на четвертый этаж в комнату, похожую на кладовую. Но следователи появились новые. И снова начались муки...

На четвертые сутки ночью появилось неизвестное мне лицо, видимо, большого ранга. Почему он вмешался в мою судьбу, я не понял тогда и сегодня не понимаю. Но я снова очутился в своей камере.

После непродолжительного сна я стал изо всех сил стучать в дверь. И, вызвав надзирателя, потребовал, чтобы он доложил начальнику тюрьмы — мне нужна встреча с прокурором. Надзиратель пообещал доложить о моем требовании, но при этом добавил, что прокурор вряд ли придет: такое здесь не принято.

Так оно и получилось: прокурора я не дождался. А дней через пять меня снова вызвали на допрос. Войдя в кабинет Демидова, я был крайне удивлен: здесь находился один Дашевский, бывший главный инженер нашего строительства, арестованный в апреле 1937 года.

Удивило меня и то, что он не был похож на заключенного: откормленный, чисто выбритый, в хорошей домашней одежде и обуви.

Но не успел я перекинуться с Дашевским и словом, как в кабинет вошел Демидов.

— Вы знаете этого человека? — показывая на Дашевского, обратился он ко мне.

— Да, знаю.

— А вы? — обратился Демидов к Дашевскому.

— Это наш бывший партийный секретарь.

— Вот и хорошо. Ваша встреча будет представлять очную ставку.

Демидов извлек из стола бумагу и сказав, что это выписка из показаний Дашевского, зачитал ее. В этих показаниях Дашевский признавал, что секретарь парт-организации на строительстве Соломбальского целлюлозно-бумажного комбината Кузнецов был завербован им в состав правотроцкистской контрреволюционной организации, занимавшейся вредительством и диверсионной деятельностью.

Я был потрясен. Допустить такую ложь — это было выше моего понимания.

Не дослушав, я в гневе обратился к Дашевскому.

— Вы в своем уме? Ведь никакой контрреволюционной организации на строительстве не существовало. Никакого вредительства и диверсий не было.

— Я подписал все то, что от меня требовали, — мрачно произнес Дашевский.

— Подтверждаете свои показания? — спросил Дашевского Демидов.

— Да, подтверждаю.

— А вы, Кузнецов?

— Я отвергаю. Это ложь. Это клевета.

— Тогда подпишите свое несогласие.

После этого я был отправлен в тюремную камеру. А еще через три дня снова вызван в кабинет Демидова.

На этот раз я увидел здесь бывшего начальника строительства Маршака. Его арестовали первым, еще в марте 1937 года.

Маршак, как и Дашевский, москвич. Начальником Соломбальского строительства был направлен по решению ЦК партии. Его родная сестра являлась женой Рыкова. Поэтому арест Маршака мы вначале объясняли арестом в Москве Рыкова.

Мое появление в кабинете Демидова не вызвало ни интереса, ни удивления у Маршака. Показывая на меня, Демидов спросил его:

— Знаете ли вы этого человека?

— Да, знаю, — тихо склонив голову, ответил Маршак.

Выглядел он иначе, чем Дашевский. Будучи пожилым, он еще до ареста часто болел и всегда казался переутомленным. А сейчас это был полуживой человек, которого ничего не интересовало.

Объявив нашу встречу как очную ставку, Демидов зачитал выписку из показаний Маршака об услышанном им сообщении Дашевского, что секретарь парторганизации Кузнецов был им завербован в состав правотроцкистской контрреволюционной организации, существовавшей на строительстве.

— Подтверждаете свои показания? — обращаясь к Маршаку, спросил Демидов.

На это Маршак никак не прореагировал. Тогда Демидов сам его рукой подписал это показание. Потом обратился ко мне:

— А вы подтверждаете показания Маршака?

— Нет, это показания не Маршака. Это показания, добытые насилем.

И снова я был направлен в тюремную камеру. Пять месяцев длились допросы, насилия, провокации. Но могу с гордостью сказать, я ничего не признал. Не очернил ни себя, ни других. И в конце концов был из внутренней тюрьмы НКВД перемещен в городскую уголовную тюрьму.

Там я обратился с заявлением к начальнику тюрьмы, снова требуя встречу с прокурором. И через несколько дней надзиратель тюрьмы привел меня в камеру дознаний.

За столом я увидел человека в прокурорской форме. Состоялся примерно такой разговор:

— Что вам от меня нужно?

— Я хочу высказать жалобу.

— В чем содержание вашей жалобы?

— Я жалуюсь на неправильное следствие.

— По какой статье вы привлекаетесь?

— По 58-ой.

— Не буду вас выслушивать.

— А письменную жалобу принять можете?

— Нет. Не могу.

— Почему?

Прокурор потер пальцами виски и как-то нерешительно сказал:

— Нам ни в какой форме принимать жалобы от арестованных по 58-ой не разрешены.

На этом моя встреча с прокурором закончилась. Потом меня надолго забыли. А в апреле 1938 года снова вызвал Демидов. Но этот вызов происходил не во внутренней тюрьме НКВД, а в городской, уголовной.

Когда я вошел в следственную камеру, то Демидов меня сразу предупредил:

— Никаких допросов не будет. Мне предложено объявить дополнительное обвинение вам по статье 58-й, параграф 8/17.

— Это же террор. Полная несправедливость.

— А мы передадим вас суду Военной коллегии Верховного суда СССР, там разберутся во всем объективно. И еще объявляю, что следствием ваше дело закончено.

И тогда я, глядя ему в лицо, сказал:

— Неужели вы думаете, что творимый вами произ-

вол и насилие никогда не будут известны народу? Рано или поздно вы будете осуждены и понесете ответственность за все.

Ответа я не услышал.

СТАЛИНСКИЙ СУД

В апреле 1938 года среди заключенных Архангельской тюрьмы прошел слух, что скоро обвиненные по 58-й статье будут судимы Военной коллегией Верховного суда СССР. Это вселило в нас какую-то надежду. Для нас было ясно, что тройки, созданные вместо конституционных судов — это лишь камуфляж законности для штампования приговоров НКВД. Даже областные суды и ревтрибуналы были несвободны в своих решениях. Нам казалось, что только суды Военной коллегии остались независимыми от НКВД и что только они в состоянии объективно разобраться в фантастических обвинениях и вынести справедливые приговоры. Но это оказалось иллюзией.

16 апреля 1938 года, поздно вечером, меня посадили в милицйскую машину и в сопровождении двух военных привезли на Архангельский железнодорожный вокзал. Там поместили в один из стоявших в тупике станций вагонов, который был уже полон людьми.

Мне указали на место в углу и объяснили, что запрещено разговаривать или иным способом общаться с кем-либо из окружающих. Для надзора в каждом купе был поставлен военный.

Вскоре наши вагоны были прицеплены к основному составу, и поезд пошел на юг, на Вологду. Туда нас доставили 17 апреля утром. За ночь в вагоне мне удалось увидеть многих знакомых и друзей, в том числе Маршака и Оншина.

В Вологде нас разместили по тюрьмам. Одна из них — это старая каторжная тюрьма на улице Чернышевского, из которой в свое время бежал Менжинский. Второй, еще более старой и внешне похожей на старинный замок, была тюрьма на Советском проспекте. Обе они сохранились и по сегодняшний день.

Меня поместили в тюрьму на Советском проспекте, на нижнем этаже под южной башней. Камера без окон и отопления имела высоту в человеческий рост и была размером два с половиной на четыре метра. Она предназначалась на двоих или даже одного заключенного,

а в нее втиснули более двадцати человек. Воздух в камеру поступал только через отверстие в двери, через него мы получали и пищу.

Чтобы разместиться на ночь, приходилось ложиться «валетом» и поворачиваться только по команде. Через пару дней все обитатели камеры покрылись розовой сыпью, и, чтобы легче ее переносить, вынуждены были находиться в нижнем белье.

Из Архангельска здесь были двое, остальные — вологжане, главным образом работники Вологодского горкома ВЛКСМ. Некоторых я и сейчас еще помню: это — Старостин, Шутов, Валяев. Со Старостиным мне пришлось еще встретиться на Колыме. Он также выжил и вернулся в Вологду.

Я как-то спросил вологодских комсомольских работников, за что же их арестовали. Оказалось, их обвинили в том, что, являясь активными участниками кружка «Ворошиловский стрелок», они готовили убийство Кагановича.

27 апреля, в шесть часов вечера, на милицейской машине в сопровождении двух конвойных меня доставили в главное здание Вологодского НКВД, размещавшегося в то время по улице Менжинского, где ныне находится КГБ. Провели на второй этаж и посадили лицом к стене в один из углов длинного коридора. Сзади стоял конвойный с винтовкой. Было сказано, что мне запрещается смотреть по сторонам, разговаривать и задавать вопросы конвойному и людям, проходившим мимо.

В коридоре, кроме меня, находилось и много других заключенных. Поздно вечером нам были вручены обвинительные заключения, чтобы мы с ними тщательно ознакомились перед судом Военной коллегии.

От предъявленного мне обвинения я пришел в ужас. Все то, что за пять месяцев следствия приписывалось мне Демидовым, в обвинительном заключении подавалось как доказанное. И более того... В нем говорилось, что на меня как на члена право-троцкистского контрреволюционного объединения было возложено руководство одной из опорных групп по свержению Советской власти в Архангельске и по отторжению Архангельска и всего Северного края от Страны Советов с целью присоединения его к Финской буржуазной республике. Таким образом якобы планировалось создать единое Угрофинское буржуазное государство.

Конечно, такие фантастические утверждения любого человека могли привести в замешательство. И главное, в этом обвинении было то, о чем за пять месяцев допросов ни Демидов, ни другие следователи не говорили мне ни разу. Выходило, что эти допросы всего лишь фикция и что дело не в Демидове: он всего лишь пешка, которую двигают чьи-то руки.

Но если предъявляется такое нелепое обвинение, значит за этим скрывается какая-то цель. Но какая?

Я долго не мог прийти в себя. И вдруг услышал тихий голос конвоира:

— Это вы, Михаил Николаевич?!

— Да, я, — не оборачиваясь, ответил ему.

— Но как же? За что вас? — в голосе было сочувствие.

— Не спрашивайте, это для вас опасно.

Кто был стоящий за моей спиной, я так и не узнал. Но было ясно, что он знал меня и сочувствовал мне.

После бессонной ночи нам выдали по куску хлеба и кружке воды. А затем всех обвиняемых поставили в затылок друг другу, словно в очередь.

В десять часов утра над дверью, возле которой нас выстроили, зажегся красный свет. И двое конвойных, взяв первого в очереди под руки, повели его в сопровождении сержанта с наганом в руке.

Как только они скрылись за дверью, свет погас. А спустя пять-восемь минут снова вспыхнул. И снова двое конвойных повели очередного заключенного.

В этой очереди я стоял последним. Когда наступил мой черед, двое конвойных в сопровождении сержанта ввели и меня, поставив перед столом посередине комнаты.

Комната была внушительных размеров. За покрытым зеленым сукном столом восседал человек мрачного вида в полувоенной форме — такую в те годы носили партийные работники высокого служебного ранга. Рядом с этим человеком сидела женщина средних лет, видимо, его секретарь. Перед женщиной на столе лежала большая пачка папок. Это и был особый суд Военной коллегии, которого мы ждали. Здесь не имелось ни заседателей, ни обвинителей, ни защиты. Суд... в единственном лице. И этим единственным лицом был представитель Военной коллегии Верховного суда СССР Матулевич.

Матулевич в те годы являлся заметной фигурой в

высших судебных инстанциях. При его участии были приговорены к расстрелу многие полководцы Красной Армии и так называемая группа Бухарина и Рыкова.

Конечно, это был не суд, а инсценировка, устроенная от имени Военной коллегии для того, чтобы проштамповать приговоры, подготовленные в кабинетах НКВД, начальство которого восседало тут же за столом, покрытым красным кумачом.

Матулевич поднялся, открыв папку, поданную женщиной, и, обращаясь ко мне, спросил:

— Фамилия, имя, отчество?

Я ответил.

— Вы знакомы с предъявленным вам обвинением?

— Да, знаком.

— Признаете себя виновным?..

— Нет, не признаю.

— Как же? Вы во всем изобличены.

— Кем?! Ими? — я показал на сидящих за красным столом.

Наступила пауза. Но только на мгновение.

— Увести, — последовал приказ Матулевича.

И все. И весь суд.

Конвоиры вывели меня через другую дверь и втолкнули в темное помещение, где находились люди, которые ранее меня прошли процедуру так называемого суда. Все были полны смятения и растерянности. Что же это такое? Что же происходит? Почему мы полностью без защиты? Что они творят с нами?

Сколько мы находились в этом помещении, не знаю. Время для нас остановилось. Наконец последовала команда на выход. Нас опять построили в том же порядке в том же порядке, как и ранее. На этот раз нам предстояло заслушать приговоры.

Когда меня вторично поставили перед человеком в полувоенной форме, он зачитал:

«Выездное присутствие Военной коллегии Верховного суда СССР рассмотрело дело Кузнецова М. Н. и признало предъявленные обвинения следствием правильными и доказанными и от имени Российской Федеративной Республики Кузнецова М. Н. приговорило к десяти годам лишения свободы с отбыванием в тюрьмах особого режима с последующим лишением прав на пять лет. Приговор обжалованию не подлежит».

Таким был сталинский суд, проводившийся одним из палачей того времени — Матулевичем.

В этот же день меня одного привезли обратно в тюрьму. Втолкнули в камеру, не в старую, а в новую, значительно больших размеров, в которой никого не было. Это показалось мне более чем странным: еще вчера — переполненные камеры, а сегодня — пустота, я — один. Ведь в Вологду из Архангельска привезли несколько вагонов заключенных. Да и арестованных вологжан вряд ли было меньше. Куда же девались все эти люди?

Страшная догадка впоследствии подтвердилась: в тот год на вологодской земле производились массовые расстрелы.

НОМЕР 11

Как уже говорилось, я был приговорен к десяти годам лишения свободы с отбыванием срока в тюрьмах особого режима. Что это за тюрьмы особого режима? Раньше я о таких не слышал. А теперь сам попал в одну из них в Новочеркасске.

По дороге до Харькова я был один во всем вагоне, разумеется, кроме конвоя, состоящего из семи человек. В Харькове посадили довольно изрядную группу арестантов, и всех нас повезли на станцию Аксай. А оттуда на грузовых машинах под усиленным конвоем доставили в Новочеркасскую тюрьму.

Эта тюрьма находилась на северной окраине города (не знаю, сохранилась ли она до настоящего времени). Она состояла из трех корпусов, построенных в разные годы и соединенных вместе наподобие креста.

Меня поместили в корпус самой старой постройки. Прежде чем развести по камерам, нас сводили в душ и одели в тюремную одежду. Она, кроме белья, состояла из куртки и брюк, сшитых из «чертовой» кожи с большими червонными тузами из темно-бордового материала, нашитых на спине и коленях. На голову выдавались береты из того же материала и с таким же червонным тузом.

Затем с нами, новичками, был проведен инструктаж о тюремном режиме и нашем поведении. Нам было объявлено, что с сегодняшнего дня мы лишаемся фамилии, имени и отчества. Каждому присваивается определенный номер, которым обозначается и койка. Услышав «свой» номер, арестант обязан встать и сказать: «Я».

Если появится необходимость обратиться к началь-

ству тюрьмы, то следует подойти к двери, позвать надзирателя, назвать номер и изложить свою просьбу.

Койку надлежит держать застланной. Садиться или лежать днем на ней воспрещается.

При раздаче пищи следует подходить только при названии номера. Если номер не назван, значит вы лишены пищи.

Для естественных оправлений в камере находится параша, которую каждое утро надо выносить в тюремный туалет.

Разговаривать между собой и обслугой тюрьмы можно только шепотом. Несоблюдение всех этих правил будет наказываться карцером.

Таков был инструктаж. После этого меня отвели в камеру № 56 на третьем этаже и указали на предназначенную для меня койку за номером 11.

— Вот этот номер койки и будет служить вам фамилией и именем,— сказал сопровождающий.

Камера, в которую меня поместили, была большой, но имела всего два маленьких окна с массивными железными решетками между рамами и деревянным прикрытием снаружи. Через щели в нем свет едва проникал внутрь.

В камере находилось одиннадцать коек, намертво вмонтированных в цементный пол. В центре стоял деревянный стол с двумя скамейками. Имелся также железный бак для воды и параша в углу.

В нашей камере № 56 были собраны люди из разных концов страны: ленинградцы, украинцы, белоруссы, жители Поволжья, южного Урала. По служебному положению это были работники районного масштаба.

Всем нам было понятно, что эта тюрьма предназначалась не только для изоляции человека от общества, но и для подавления в нем всего, что присуще человеку...

Общий подъем в тюрьме проходил в семь утра. Сразу после этого дверь с шумом раскрывалась, и в нее входили три откормленных тюремщика. Раздавалась команда: «Строиться!» Это означало приказ — раздеться догола. И начиналась унижительная процедура: по очереди у каждого ошупывали скинутую одежду, потом осматривали самих, заставляя нагнуться и пальцами разжать задний проход. Проверяли половые органы, подмышки, заглядывали в уши и лезли в рот пальцами, только что побывавшими в заднем проходе.

На мой взгляд, тюремщики, занимавшиеся всем этим, были людьми с извращенными наклонностями. Для чего все это проделывалось? Чтобы найти у нас что-то запрещенное? Но ведь мы были полностью изолированы от внешнего мира. Поэтому уверен — подобное творилось для унижения, для оскорбления заключенных, для выхолащивания из нас всего человеческого.

Неприятно обо всем этом писать. Но люди должны знать, как издевались над нами. Например, каждому из нас выдавали бумажку размером с папиросную закрутку для посещения туалета. А затем надзиратель пересчитывал количество бумажек, использованных и брошенных в жестяную банку, а также сданных ему неиспользованными. Если количество бумажек не сходилось, он запирали всех в туалете, и начинался допрос, кто не возвратил бумажку и с какой целью. Виновный наказывался карцером.

Однажды подобное случилось и со мной. Выданную мне бумажку я вместо банки бросил в унитаз и после подсчета одной бумажки не хватило. Пришлось сознаться, что «виновен» я.

Тогда я и узнал, что такое карцер Новочеркасской тюрьмы. Это — каменный гроб размером три на три метра, в который не проникает никаких звуков из внешнего мира. Освещается этот гроб маленькой электролампой, врезанной в стене над дверью. Не на что ни сесть, ни прилечь. В этом гробу нет ничего, кроме параши. Для того, чтобы не расслабиться, выдержать, следовало собрать остаток сил. Я стал ходить из одного угла в другой. В одну сторону четыре шага и в другую четыре — это восемь. Затем сорок, сто, двести...

Ходил я из угла в угол до полного изнеможения. Когда у меня исчезали последние силы, я опускался на пол. Иногда этот отдых сопровождался сном. Но долго ли я спал, не знаю. Очнувшись, я начинал свой марафон снова. Ведь надо было не сойти с ума.

Единственным ориентиром служил кусок хлеба, выдававшийся один раз в сутки вместе с кружкой воды. И так от одного куска хлеба до другого.

Вот получил пятый кусок и подумал: «Не последний ли?» Мы знали, что любое истязание измеряется нечетным числом. И если я посажен в карцер на пять суток, то сегодняшний пятый кусок должен означать последние сутки. У меня появилась надежда на выход. И она сбылась!

Бесшумно растворились двери, раздался голос: «Одиннадцатый к выходу». И я снова очутился в своей камере.

Когда я вошел, все обитатели ее встали и устремили на меня свои взгляды. Я спросил: «Что вы так смотрите на меня, как на чудо?» — «Да это и есть чудо,— ответили мне.— До вас был у нас подобный случай: с вашей же койки увели в карцер человека, и он не вернулся. А вы вернулись».

Вот, оказывается, почему была свободна койка № 11. Вот какова была судьба моего предшественника. Он не выдержал...

В Новочеркасской тюрьме и сам южный климат использовался для истязания заключенных. Тюрьма никогда не отапливалась, и зимой здесь стоял холод. А летом была невыносимая жара. Воздух становился влажным, липким и пронизанным зловоньем. Тела заключенных покрывались малинового цвета сыпью, вызывавшей невероятный зуд. Он еще более усиливался от того, что в жаркое время нас кормили только соленой рыбой: утром — рыба, в полдень — рыба и вечером — рыба. Ко всем нашим мучениям добавлялась еще и постоянная жажда.

КОЛЫМА — ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

В начале мая 1939 года нас погрузили в товарные вагоны и через всю страну повезли в сторону Владивостока. А там перегрузили на пароход «Дальстрой» — и на Колыму.

Ехали мы туда с надеждой, что там сумеем убедить тюремщиков в нашей невинности. Нам тогда не приходило в голову, что этот длинный путь для большинства будет последним, а Колыма станет массовой братской могилой.

Колымой называлась входившая в Хабаровский край обширная территория, на которой могло разместиться несколько европейских государств. Управлялась эта вотчина НКВД через трест «Дальстрой» во главе с генералом Никишовым. Он был царь и бог. В его подчинении имелись суд и прокуратура, внутренние и конвойные войска и десятки тысяч заключенных.

Далек и труден был наш путь. В Магадане нас погрузили на машины и под конвоем развезли по золотым приискам. Вместе с двумя сотнями других я по-

пал в центральный лагерь прииска Мальдяк в Сусуманском районе.

В лагере нас распределили побригадно (по 25 человек в бригаде), выдали по тачке, кайлу и лопате и вывели в забой для заготовки песков (так называется грунт, в котором содержится золото). При этом сказали, что наша норма питания будет зависеть от выполнения нормы выработки.

А нормы выработки оказались такими, что выполнение их было под силу только людям очень здоровым и тренированным. Мы такими, конечно, не были.

Притом половину сделанного нами приписывали уголовникам, особенно рецидивистам, которые не работали, а жили за наш счет. Мы же получили штрафной режим: хлеба 400 грамм, черпак затирухи (ржаная мука, растворенная в воде) и двенадцатичасовой рабочий день с двумя штрафными часами. Это означало — уничтожение.

Наша партия заключенных стала быстро таять. Мы превращались в ходячие скелеты. Дизентерия стала косить людей, как траву. Спустя три месяца у меня на руках от истощения и дизентерии скончался В. А. Микулин, которого я знал по Архангельску: он работал первым заместителем управляющего трестом Северолес, был хорошим товарищем.

Ненасытная пасть Колымы глотала людей... Но и этого нашим палачам было мало. В октябре 1939 года на Мальдяке создали специальный лагерь «для врагов народа». Вернее, от общего лагеря было отгорожено колючей проволокой семь жилых бараков. Сюда свезли из лагерей Сусуманского района около семисот человек. А через полгода в живых из них осталось чуть более двухсот.

Это был в полном смысле слова лагерь смерти. Люди сознательно обрекались в нем на гибель. Если в общем лагере рабочий день был летом десять, а зимой девять часов, то здесь он был увеличен зимой до десяти часов и летом до двенадцати часов плюс к этому два штрафных. В итоге получалось четырнадцать рабочих часов. Какой же человеческий организм, да еще при той скудной пище, как наша, вынесет такой труд? При этом мы, «враги народа», не имели ни выходных, ни праздничных дней на протяжении трех с половиной лет.

Но вернусь к осени 1939 года. Температура воздуха в верховьях Колымы, где находился Сусуманский рай-

он, понижалась до 30-35 градусов. А мы работали в открытом забое в летнем обмундировании. Начались массовые обморожения, прежде всего рук, ног и лица. Для лечения не было ни медикаментов, ни хирургических инструментов. Ампутацию рук и ног производили плотницкими ножовками и кухонными ножами. Действовали и слесарными кусачками или клещами. Отовсюду слышались стоны и вопли о помощи. Лагерь из рабочего превратился в лагерь умирающих.

Жильем для нас служили бараки, вернее, брезентовые палатки, натянутые на деревянный каркас. В каждой палатке были оборудованы сплошные двухъярусные нары, на которых размещалось более ста человек.

Посреди барака — печка из железной бочки из-под бензина. Она должна была давать тепло для барака и сушки одежды и обуви. Но в лагере топливо не заготавливалось, его должны были приносить мы сами при возвращении с работы. А где его взять? В забоях ничего подходящего не имелось. И мы, приходя с работы в сырой одежде и обуви, в такой же уходили на работу.

В бараках было нестерпимо холодно. Люди месяцами спали не раздеваясь. Если ложились головой к брезентовой стене, голова примерзала к ней, если ногами — ноги.

Утром, вставая, мы часто обнаруживали рядом застывших мертвецов. Потом их голыми отвозили в сопки.

Вырыть могилу в колымской мерзлоте было невозможно: любая сталь при ударе крошилась как стекло. Поэтому умерших зарывали в растительный слой, а весенними потоками мертвецы вымывались, и их кости разносились по распадам и ручьям.

Когда пришло время подготовки к новому промысловому сезону, то оказалось, что уже нет людей, которые могли бы работать на промывке. Тогда в лагерь приехала комиссия из высоких чинов. Ходила она сумрачной толпой. И было отчего помрачнеть: из семи бараков пять было пустых. Да и оставшиеся в живых заключенные мало походили на людей: это были скелеты, обтянутые грязным тряпьем и желтой кожей.

Уехала комиссия быстро. И после ее отъезда у нас исчез комендант лагеря Попов и медицинский работник Алексеевский. Потом нам объявили, что их расстреляли.

Но и после этого наше положение и условия жизни не улучшились. Даже стало хуже: с наступлением про-

мывочного сезона для нас ввели штрафные смены по двенадцати часов подряд.

Когда нас осталось совсем мало, то последовал перевод на прииск Линьковый, который был очень старым и запущенным. Лагерь, в котором нас разместили, являлся по существу тюрьмой. Он состоял из двух жилых барачков и нескольких строений бытового характера, срубленных из лиственницы, и был обнесен высоким забором с козырьками натянутой колючей проволоки. По углам стояли четыре сторожевые вышки с сильными прожекторами.

Начальником лагеря был некий Тергин, человек с садистскими наклонностями. Он нередко проводил «смотри», обходя наш строй с рукоприкладством и матерщиной. А после работы, когда мы еле двигались от усталости, он устраивал сумасшедшие гонки в лес за дровами с натравливанием на нас собак. Многие падали и уже не могли встать...

Работали мы в шахтах. В них было теплее, чем наверху, и это нас спасало от дальнейшего обморожения. Но шахты были абсолютно не оборудованы: все в них делалось вручную.

Освещались шахты копилками из консервных банок с фитилем. Разумеется, света было недостаточно. А воздух сильно насыщался газами.

Высота в шахтах — с человеческий рост, и работать в них было тесно и неудобно. Во время взрывов нас наверх не поднимали, и мы прятались в дальних забоях и штреках.

Поработав в таких шахтах, мы все становились черными. Даже слюна была как деготь. Но в баню нас водили раз в месяц, а то и в два месяца. Да и что это была за баня... Видно, надо и о том рассказать.

Колымская баня — это сарай, сколоченный из досок с бойлером и дезакамерой. Каждому наливали в таз котелок горячей и котелок холодной воды. Вот этим и обходились, как умели...

В апреле 1943 года тех из нас, кто еще уцелел, переместили на прииск Скрытый, который только осваивался. Но и здесь в нашей жизни ничего не изменилось: режим и работа оставались такими же, как и прежде.

В результате из семисот человек, прибывших на Колыму в 1939 году, в живых осталось сорок с небольшим.

САМОРОДОК

При возвращении с работы в лагерь часто проводились обыски. И если у кого обнаруживали золото, его сразу же уводили в изолятор и давали семь-восемь лет дополнительного срока.

Тем не менее доведенные до полного истощения зеки шли на риск. Голод был сильнее страха.

И вот однажды мне выпал редкий случай: я нашел в забое довольно крупный самородок. Голод заставил меня решиться пронести самородок в лагерь, чтобы обменять его на пайку хлеба или черпак затирухи у обслуги столовой.

...Закончился двенадцатичасовой каторжный день. Конвой с собаками повел нас в лагерь. Перед воротами мы выстроились в колонну по пять человек в ряд в ожидании процедуры подсчета и сверки.

И вот вместо ворот открылась проходная, из которой вышли пять конвойных с начальником охраны лагеря. Обыск!..

Раздалась команда: «Раздеться догола!» Мой разум помутнел, ноги подломились. Конец...

Вот обыскивали первую пятерку. Обыск был тщательный: просматривали в одежде и обуви все швы, заглядывали в рот, ощупывали промежности.

Из первой и второй пятерок в лагерь пропустили всех. Из третьей и четвертой оставили по человеку и отвели в сторону под наблюдение солдата с собакой.

Я стоял в последней пятерке. И когда четвертая пятерка была пропущена в лагерь, начальник с усталым видом подошел к нам, окинул безразличным взглядом и командовал: «В лагерь — марш!»

У меня после этой команды что-то оборвалось внутри. Пронесло...

Схватив свою одежду и одеваясь на ходу, мы из последних сил бросились в свой барак.

Прибежал я в барак, немного отдышался и стал думать, что мне делать с самородком дальше. И понял, что не смогу предложить его в обмен на пайку хлеба. Хватит мне пережитого из-за него у лагерных ворот.

Я вытащил из штанины спрятанный самородок, укутал его в тряпицу и, выйдя из барака, зарыл его в землю. А на следующий день выбросил самородок в бункер. Пусть он не достанется никому.

МНЕ ПОВЕЗЛО

Мне повезло. Я оказался одним из немногих, кто выжил. Все-таки кто-то должен пройти все и выжить, чтобы рассказать людям правду о сталинских преступлениях.

Что же помогло мне выжить? Наверное, главная причина в том, что для меня тяжелый физический труд не был столь непривычным, как для многих других. Уже в десять лет я пахал и выполнял другой крестьянский труд. А к пятнадцати годам пошел на лесозаготовки и там получил закалку, которая позволила мне вынести непосильные для большинства нагрузки на сталинской каторге.

Кроме того, попав на Колыму, я сразу понял, что помощи ждать неоткуда. И будучи еще в общем лагере, когда начались холода, сделал все, чтобы раздобыть себе одежду. На свалке лагеря я нашел два изодраных полушубка и из этого рванья сшил себе меховые чулки, обшив их брезентом, тоже найденным на свалке. Кроме того сшил безрукавку, шапку и рукавицы и этим самым уберег себя от обморожения.

И еще вспоминается немало такого, что помогло мне. Например, когда мы прибыли на прииск Скрытный, я сразу начал обследовать лагерную территорию — не осталось ли от строителей чего-нибудь из съестного. И какая удача! Роясь в яме для отходов, я обнаружил целое ведро смерзшейся гречневой каши и некоторое время поддерживал ей свои силы.

А однажды случилось то, о чем говорят: «не было бы счастья, да несчастье помогло»... Завершался промывочный сезон. План находился под угрозой срыва. Для выполнения его не хватало людей. И тогда меня, ходячего скелета, уже терявшего последние силы, десятник поставил на промывку грунта.

Был октябрь. Сильный ветер вздымал водяные брызги, которые застывали на одежде ледяной коркой. И вскоре я превратился в ледяное чучело с крайне ограниченными движениями. Поэтому большое количество грунта оставалось непромытым.

В это время ко мне на эстакаду поднялось «высокое начальство» в сопровождении начальника участка и прораба. Увидев, что много грунта сносится в отвал непромытым, высокий начальник пришел в ярость и стал избивать меня металлической тростью. А затем

приказал снять меня с работы и посадить в изолятор.

Снять с работы было делом нетрудным. Но в изолятор посадить меня не удалось. Так как сам идти я был уже не в состоянии, в лагерь меня привезли на лошади и передали в медпункт.

Это было редкое счастье. В медпункте тогда работал доктор Минухин, который не побоялся послушаться приказа: вместо изолятора он отправил меня в Магадан, в центральную больницу управления северо-восточных лагерей для лечения. И это помогло мне выжить, продержаться до конца срока.

ЖЕЛАННАЯ СВОБОДА

17 марта 1947 года мне выдали справку, что я отбыл свое наказание и выпущен на свободу с последующим поражением в правах на пять лет. Эта справка была единственным документом при оформлении на работу и при прописке. Ее называли «собачьим паспортом».

В руках «собачий паспорт». В кармане семьдесят рублей. Стоит лютая колымская зима. Где же укрыть голову от непогоды и утолить голод?

Главное, надо обзавестись работой. Но где и какой? Сунулся в первое учреждение, спросил, не надо ли рабочих. Получил ответ, что надо. Подаю паспорт. Посмотрели и протянули обратно — не можем взять.

Пошел во второе учреждение, в третье, четвертое — повсюду один ответ. Вечером пришел в барак временно проживающих (ждуших парохода на выезд с Колымы).

Комендант, посмотрев мою справку, сказал:

— Даю койку на три дня. Если за эти три дня не принесете справку о принятии на работу или пропуск на выезд с Колымы, то уходите.

— А куда же мне?

— Это не мое дело.

Прошли и эти три дня, на которые предоставлена была мне койка. Положение мое не изменилось.

Деньги, полученные при выходе из лагеря, кончились. Да и надолго ли могло их хватить, если буханка хлеба на базаре из-под полы стоила сорок рублей? Впереди никакого просвета: нет работы — нет прописки. Вот такой оказалась для меня при выходе из лагеря желанная свобода.

Я решил на последний отчаянный шаг: пошел к начальнику НКВД, майору Симанову. Его я знал еще

по лагерю. Знал и он меня: я принимал участие в строительстве его личного особняка в Магадане, и майор был тогда мной доволен.

И вот теперь я рассказал ему о своем положении и попросил его устроить меня на любую работу. При этом добавил, что иначе мне остается либо покончить с собой, либо вернуться в лагерь.

— Зачем так грустно? — усмехнулся Симанов.

— Другого выхода у меня нет, — ответил я.

— Я дам вам пропуск на выезд из Магадана на материк.

— Нет, не надо. Пропуск ваш всего лишь до Красноярска. Там меня снимут с поезда, дадут новый срок и отправят в лагерь на север Красноярского края. Лагерь Красноярского края не лучше колымских.

— Откуда вы все это знаете?

— От людей, которые уже испытали подобное.

Симанов стал злым и раздражительным. Но тем не менее, к моей радости, позвонил в больницу и повелительным тоном предложил устроить меня на работу. Потом, обернувшись ко мне, сказал:

— Идите в областную больницу, к главному врачу Захаровичу. Он вас устроит на работу.

Я поблагодарил Симанова и пошел в больницу. Там главный врач Захарович предложил мне должность сборщика грязного белья, на которую не было желающих: работа неприятная и малооплачиваемая.

Я был бесконечно рад и этому. Есть зацепка, чтобы жить.

Так я стал работать в Магаданской больнице. В каждом отделении собирал грязное белье, каждую вещь просматривал, записывал, потом все отвозил в прачечную. А на другой день доставлял чистое белье.

Так началось мое возвращение в нормальную жизнь. Потом мне предложили должность кладовщика.

Начиная с первых дней работы в больнице и до конца 1953 года меня нередко допрашивали целыми ночами. На этих допросах, как и в тридцатые годы, одни обвинения предъясвлялись фантастичнее других — о связях с какими-то антисоветскими «бандами» на Колыме, о контрреволюционной пропаганде и другие. Все это сопровождалось бранью, оскорблениями, угрозами.

Но тем не менее вторично меня не арестовали.

Так прошли мои семнадцать лет на Колыме.

Наступили новые времена. Пошли аресты начальников лагерей, наших тюремщиков. Огромные массы людей выходили на свободу.

Решением Верховного Суда СССР от 25 февраля 1956 года я был полностью реабилитирован. Вернулся в Вологду. Много было еще трудностей. Но жизнь постепенно наладилась...

Только от памяти о страшном прошлом никуда не уйти. Мне часто вспоминаются мои друзья по несчастью.

С горечью я думаю об Иване Воробьеве. Он прославился еще во время борьбы с англо-американскими интервентами. О его храбрости и дерзких действиях в тылу врага ходили легенды. Был схвачен, отправлен в лагерь смерти на Мудьюг, совершил почти невероятное: бежал из этого лагеря, добрался вплавь до берега. Был награжден орденом Красного Знамени. Затем работал на ответственных постах — в райкоме партии, в лесной промышленности.

Я встретился с ним вновь на Колыме. Он отсидел свой первый срок, выдержал муки, пытки, нечеловеческий труд. Но затем был вновь арестован, уже со всей семьей. Выстоял ли он в этих новых испытаниях, не знаю.

Вспоминается Павел Дмитриевич Богородский, бывший второй секретарь Вологодского горкома партии. Он являлся одним из моих наставников.

Павел Дмитриевич был арестован в конце 1937 года, после арестов ведущих секретарей горкомов и райкомов Северного края — таких, как Семин (Архангельск), Яшберг (Вологда), Акиньхов (Грязовец), Сидоров (Сокол) и других. Все они якобы были связаны «контрреволюционной деятельностью» с Ивановым Владимиром Ивановичем, бывшим первым секретарем Северного крайкома партии. И все бесследно исчезли.

Павел Дмитриевич выжил и, выйдя из лагеря, написал лично Сталину. В своем письме он рассказал о творческом произволе. За это его арестовали и бросили в лагерь вторично. И, снова выйдя из лагеря, он продолжал борьбу за справедливость... И добился своего: его восстановили в партии.

Не забыть мне Марию Васильевну Маро, с которой довелось познакомиться в лагере. По национальности

она — армянка. Профессиональная революционерка, в 1918 году вместе с Микояном боролась в подполье. Яркий, интересный человек. В 1937 году была арестована как враг народа. Просила о помощи Микояна, но тщетно. Ее судьба мне неизвестна...

О многих и многом я мог бы еще рассказать. Написанное мною — лишь небольшая частица пережитого.

Мы, миллионы бывших зеков, живые и мертвые, проклинаем навечно это имя — Сталин.

У меня свой личный счет Сталину. Моя жизнь была изломана. Меня подвергали пыткам и мукам. Мой брат тоже просидел два года за «контрреволюционную» связь со мной. Я ничего не знаю о своей жене Лене и не осуждаю ее за то, что она от меня отказалась. Мне известно, каким путем добивались таких отказов. Мой бедный отец, не выдержав всего этого, покончил с собой...

Немыслимые страдания принес нашему народу Сталин. И с огромным удовлетворением мы, бывшие узники, воспринимаем всенародный суд над сталинизмом, моральное очищение страны.

Литературная обработка В. Аринина.

СОДЕРЖАНИЕ

В. А р и н и н. Тень генералиссимуса (документальная повесть)	
От автора	4
Поезда. <i>Вместо предисловия</i>	5
Глава 1. «Дом Сталина»	9
«Остановиться на г. Вологде»	10
Снова в Вологде, снова побег	19
Спор	29
«Только мертвые не ошибаются»	33
Глава 2. Повернут ли мне голову?	49
Сталинисты	49
Брежневцы	53
...и писатели	56
Глава 3. Сталинищина на Вологодчине	59
Тифозный храм	59
«Легко, почетно и приятно»	69
ВМН	76
Глава 4. Незатухающая боль	78
«Тяжелые, как танки...»	78
Дочь «врага народа»	83
Мой памятник отцу	86
Судьба семьи	91
Глава 5. О личном, или как писалась эта книга	95
Мог ли я быть репрессирован?	96
Классики	98
Глава 6. Трагический Колумб Колымы	100
Из биографии писателя	100
Документ души Шаламова	107
Глава 7. Настоящее и прошедшее	109
Вологда сегодня	109
Из истории Вологды	<u>113</u>

Навечно. <i>Вместо эпилога</i>	117
М. Кузнецов. Произвол (записки репрессированного)	
Последняя прогулка. <i>Вместо предисловия</i>	120
Лена	121
Арест	126
Конвейер	129
Сталинский суд	138
Номер 11	142
Колыма — лагерь смерти	145
Самородок	149
Мне повезло	150
Желанная свобода	151

Литературно-художественное произведение

Аринин Владимир Иванович
ТЕНЬ ГЕНЕРАЛИССИМУСА

Документальная повесть

Кузнецов Михаил Николаевич
ПРОИЗВОЛ

Записки репрессированного

Редактор В. К. Лиханова
Младший редактор К. Е. Кулинская
Художественный редактор С. А. Трубин
Технический редактор Н. Н. Гаврилова
Корректор В. В. Аверина

ИБ № 1048

Сдано в набор 3.01.91. Подписано в печать 12.07.91.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,715.
Уч.-изд. л. 8,389. Тираж 10 000 экз. Заказ 2542. Цена 1 руб. 50 коп.

Северо-Западное книжное издательство.
Вологодское отделение, 160000, г. Вологда, ул. Урицкого, 2.
ВППО. Областная типография, 160001, г. Вологда,
ул. Челюскинцев, 3.

Аринин В. И.

А81 Тень генералиссимуса: Докум. повесть / В. Аринин. Произвол: Зап. репрессированного / М. Кузнецов.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991.— 154, [2] с.

Вокруг имени Сталина ныне в нашем обществе идет острейшая борьба. Вологодский литератор Владимир Аринин, используя неопубликованные ранее материалы, рассказывает в своей документальной повести о годах ссылки И. В. Сталина в Вологде и о трагических последствиях сталинщины на Вологодчине. О сталинских репрессиях повествует в своих воспоминаниях и бывший политический каторжанин М. Кузнецов.

Все это — горькая правда, и ее надо знать, чтобы тень генералиссимуса не протянулась из прошлого в наше будущее.

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
В СЕРИИ «РУССКИЙ СЕВЕР»
выпустило книги:

Н. КЛЮЕВ. Стихотворения. Поэмы.
А. ГАНИН. Стихотворения. Поэмы.
Роман.

Возвращаются из небытия имена безвинных жертв репрессий и беззакония. Среди них — поэты есенинского круга Николай Клюев и Алексей Ганин, сумевшие сказать самобытное слово о России, ее исторической судьбе. Это слово услышано читателями спустя десятилетия после гибели поэтов, но и сегодня оно звучит пламенно, злободневно.